

Второй Коммунистический манифест

ПРЕДИСЛОВИЕ

Призрак коммунизма опять бродит по Европе и не только по Европе. И это все еще призрак: более чем вековая история провела его через страны и континенты, но так и не заставила материализоваться.

Человечество взрослеет, оно перестает верить в ведьм и духов, чертей и привидения. Если раньше призрак вызывал дрожь ужаса у буржуазии, то теперь она сама попугивает коммунизмом обывателя. Более того, призраки множатся. Стараниями многочисленных портных от философии обряжается в полупрозрачные белые одежды самый добропорядочный буржуа и начинает фланировать эдаким щеголеватым фантомом - одним из многих. И уже никому не разобрать, где же настоящий.

Но ведь был девятнадцатый век и начало двадцатого, когда слово «коммунизм» звучало для всех пролетариев как слово надежда. Был 1917 год, как удар колокола прозвучавший над всей планетой. И во многих странах пылали костры пролетарских боев, готовые вот-вот превратиться в пожар мировой революции.

Что же изменилось с тех пор?

Пролетариат, взявший власть в свои руки, пролетариат, ставший гегемоном - счастлив ли он в своих странах? И если да, то почему его счастье не очень привлекательно для других?

В СССР - стране, стоящей на виду у всех рабочих движений - отменена диктатура пролетариата. Означает ли это признание пролетариатом своей несостоятельности, отказ от завоеванных позиций, добровольную сдачу? И кому?

Почему экономисты Западного мира вновь и вновь обращаются к теории конвергенции - уподобления, внутреннего сближения между социалистическими и капиталистическими странами?

Почему социалистические страны не спешат поддержать эти теоретические построения? В чем сущность железного занавеса, который все же разделяет эти миры?

С середины двадцатого века, опрокидывая всякие предсказания, наибольшую революционность демонстрируют отсталые слаборазвитые страны. Почему?

Почему пролетариат передовых капиталистических стран не только благосклонно принимает заверения в классовой гармонии, но и почти добровольно берет на себя все тяготы экономических кризисов второй половины двадцатого века - будь то глобальный валютный кризис, или частный, вроде нефтяного?

Коммунистические партии таких стран, как Франция, Италия и некоторые другие, чтобы сохранить свою многочисленность, вынуждены отказаться от некоторых установок. Что означают их «новые модели» социализма?

Что ищет Китай, прокладывая зигзагообразный путь между социалистическими и самыми реакционными режимами нашего времени?

Почему отошли на второй план и тихо угасли вопросы международной классовой солидарности пролетариата? Почему рабочий класс, как эпидемия, охватила неспособность вырваться из болота внутренних и весьма мелких дел?

Почему философия двадцатого века не дает направлений, способных увлечь передовые умы и молодежь? Почему все новейшие теории разбиваются, не прожив и нескольких лет, и неразбиваемо высится только философия всеобщего глобального отрицания?

Мир смотрит в зеркало, он хочет видеть себя. Но зыбко и расплывчато это отражения. Не там ли призрак коммунизма, не там ли?

Многое можно увидеть в этом зеркале. Если только смотреть не в темноте и не в чадающем мерцании жировых плашек. Если только осветить это светом марксизма. Если смотреть глазами пролетариата. И если в раме действительно зеркало, а не картина прошлого века.

Пора.

Предисловие. 1979 г., апрель

ГЛАВА I

БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ

Классовая борьба пролетариата против господства буржуазии была объектом пристального внимания лучших умов человечества. Их работа не пропала даром. Она приблизила победу пролетарской революции.

Буржуа и пролетарии... Время, прошедшее от победы Великой Октябрьской революции, **позволяет и заставляет** взглянуть на отношения двух важнейших классов, двух идеологий с иной стороны - со стороны **победившего** пролетариата.

Две проблемы встают на передний план.

Во-первых, в капиталистическом обществе буржуазия - кроме того, что грабит пролетариат - исполняет определенные общественные функции. Расправившись с буржуазией, пролетариат принимает весь груз этих функций на себя. Разобраться с этим наследством - отбросить все то, чем обеспечивалось само существование

буржуазии, ее специфическая жизнедеятельность, выделить те функции, которые необходимы и обществу без частной собственности, и наладить их исполнение - совершенно не легкая задача.

Во-вторых, пролетариат выходит из пролетарской революции не чистеньким, обновленным и готовым для коммунизма. Нет, он выносит с собой почти все воспитанное в нем капиталистическим обществом буржуазное отношение к жизни, он прочно проникнут заботами о личном материальном благополучии, он еще мыслит категориями товарного рынка и рынка рабочей силы - и не может существовать без этого. Где найти силы для преодоления этого и как им помочь?

Капиталистическое общество на протяжении веков почти стихийно справлялось со своими трудностями. Конечно, капитализм не вечен и не может справляться со всеми трудностями, вырастающими во все более острые проблемы. Нарастающий общий кризис капитализма - а он нарастает неуклонно - заставляет буржуазию выступать все более организованно, что прямо противоречит ее индивидуалистической сути. Эти внутренние противоречия организующейся буржуазии все явственнее проступают в виде бурного роста коррупции и всяческих иных преступлений в самой буржуазной среде. Однако то, что нужно для сохранения капиталистических производственных отношений - т. е. самой основы капиталистического общества - капитализм пока решает.

Естественные интересы буржуазии играют в капиталистическом обществе решающую организационную роль. Они подчиняют и согласовывают интересы всех слоев общества, в том числе и индивидуалистические интересы рабочих - только интересы организованного, революционного пролетариата способны противостоять им. В остальном же буржуазия без страха берет на себя все заботы по организации производства и общества, без страха присваивает себе диктаторские полномочия и осуществляет свою диктатуру.

Движимая стремлением к накоплению капитала, борьбой за максимальную прибыль, буржуазия для достижения своих целей нуждается в том, чтобы общество было связано определенной системой отношений, и добивается этого ценой сознательных усилий, направляющих эти отношения в нужное ей русло, т. е. путем осуществления ряда функций определенным образом корректирует общественные отношения.

Вот важнейшие из этих функций:

- организация производства;
- развитие производства;
- распределение благ;
- регулирование отношений между членами общества;
- регулирование развития общественных организаций и их отношений с обществом.

Буржуазия занимается и другими делами - доказывает свою конкурентоспособность, ведет борьбу в политической сфере - но это классовые заботы самой буржуазии. Что же касается вопросов, перечисленных ранее, то без их решения не обойтись и социалистическому обществу.

Капиталистический способ производства исторически устойчив потому, что буржуазии удалось удовлетворение интересов практически всех слоев общества поставить в зависимость от удовлетворения ее собственных интересов. Не будем приписывать буржуазии сверхвысоких интеллектуальных достоинств - такое состояние общества не сознательно сформировано ею, а сложилось стихийно по воле объективного закона, обобщающего разнонаправленность индивидуальных стратегий буржуа. Но дело в том, что это последний **стихийный** этап развития человеческого общества, что там, где на замену индивидуальным интересам выступают интересы коллективные, отличные от суммы индивидуальных, они не могут быть организованы иначе как на базе материалистической революционной теории, на базе общественного осознания общественных задач.

Как будет справляться с этими заботами бесклассовое общество, преодолевшее все индивидуалистические тенденции, активно и единодушно проводящее в жизнь свою коллективную волю - это относительно нетрудно представить. Но, выходя победителем из битвы с буржуазией, пролетариат еще не столь организован, еще далек от того, чтобы полностью расстаться с качествами, унаследованными от капиталистического общества. Ему предстоит еще длительная работа по самовоспитанию, по высвобождению собственного сознания от навязанных историей пут буржуазного индивидуализма.

Этот период в жизни пролетариата чрезвычайно сложен и опасен. Неискорененные индивидуалистические тенденции как вне пролетариата, так и в самой пролетарской среде продолжают проявлять активность, продолжают борьбу за приобретение буржуазных (частных) привилегий - и на основе замаскированных форм частной собственности и за счет особого положения в обществе, построения определенных личных зависимостей и т. п. Эти тенденции неминуемо создают, формируют новую буржуазию, как только в структуре общества для нее появляется место.

Опасность усугубляется тем, что пролетарское государство само вынуждено обращаться к индивидуалистическим сторонам сознания членов общества. Капитализм вырабатывает навыки и методы труда, но не прививает потребности в труде. Поэтому для вовлечения членов общества в производственный процесс пролетарскому государству приходится использовать те же буржуазные стимулы, а значит удовлетворять индивидуалистические интересы и, тем самым, сохранять и даже поощрять их развитие.

Осуществляя свою диктатуру, пролетариат не может избежать исполнения ряда функций на буржуазной основе, ибо общество не готово к иному способу их реализации. Но при этом совершенно необходимо сохранение **классового пролетарского контроля** - в противном случае, если контроль становится прерогативой кого-либо

персонально или любой группы лиц, не контролируемой в свою очередь **всем классом**, осуществление диктатуры становится делом этой группы, приобретает **частный**, а значит буржуазный характер, т. е. означает **утрату диктатуры пролетариата**.

Пролетариат не должен обольщаться и юридическим, конституционным закреплением своего права на классовый контроль за важнейшими общественными функциями. **Реальное право** в своей основе всегда имеет не юридические, а объективные законы, действующие в обществе. Не случайно в демократических буржуазных странах правительства, избираемые обществом, где абсолютное большинство составляют голоса трудящихся, неизменно осуществляют **диктатуру буржуазии**.

Пролетариат не может рассчитывать на преданность и добросовестность своих лучших представителей, расставленных на ключевые посты: там, где **класс** справляется с обстоятельствами, отдельным представителям это может оказаться не под силу. И там, где контроль за деятельностью представителей осуществляется их сменяемостью по воле класса, эта сменяемость должна обеспечиваться не правом, а ходом естественных социальных процессов, иначе она окажется фикцией.

Для реализации своих исторических целей - развития до бесклассового коммунистического общества - пролетариат нуждается не только в захвате власти, но и в сохранении собственной диктатуры на всем пути развития. А для этого пролетариату совершенно необходимо знать: во-первых, те узловые точки общественной системы, которые он должен держать под своим классовым контролем; во-вторых, способ осуществления такого контроля, а значит и те объективные законы общественного развития, которые обеспечивают реализацию этого контроля; в-третьих, пролетариат должен овладеть и теми общественными законами, пользуясь которыми он мог бы за счет своей собственной силы восстановить контроль в случае его утраты или ослабления. Сила организованного пролетариата является надежной гарантией во всех его начинаниях - но только если она не теряет ясной направленности, нацеленности на движение к коммунизму.

Пролетариат должен уметь осуществлять свою диктатуру. Это не дается стихийно, наоборот, всякая стихийность ведет к деградации, к буржуазному разложению. Только высочайшая организация стихийных стремлений пролетариата к коллективному решению социальных проблем, знание и непрестанное развитие революционной теории дает пролетариату право на лидирующее положение в обществе.

И освоение социальных возможностей для последовательной реализации своей диктатуры пролетариат должен начать с изучения опыта своего классового врага - буржуазии.

Буржуазия начинается с организации производства. Только взяв на себя соединение труда со средствами производства, буржуазия получает возможность присваивать прибавочный продукт. Разделение труда, развитие новых технологий, влекущее еще большую специализацию - все это обеспечивает ей победу над предшествующим способом производства.

Итак, на первом этапе все решает организующая сила капитала. Капиталистическое накопление, являясь целью капиталиста, одновременно и заставляет капиталиста искать пути повышения производительности труда и способствует решению этой задачи, осуществляя концентрацию производства.

На втором этапе решающей становится конкурентная борьба между самими капиталистами, и это борьба за рынки сбыта. Но в этой борьбе может победить только тот, кто добивается самой высокой производительности труда, кто имеет более совершенное производство, кто предлагает товар по самой низкой цене. На этом этапе в полной мере проявляет себя закон максимальной прибыли как основной экономической закон капитализма. Максимальная прибыль - это капитал, необходимый для своевременной перестройки производства, в свою очередь каждая перестройка приносит сверхприбыль, порождаемую временной монополией на совершенную, более прогрессивную технологию.

Затем наступает третий этап, когда дальнейшее совершенствование технологии требует длительных исследований, больших капиталовложений, связано с перестройкой весьма длительной во времени. Риск для отдельного капиталиста становится непомерно велик: начиная такую глубокую перестройку, он не имеет гарантий, что завтра у его конкурента не родится более совершенная, революционная технология, требующая менее длительной перестройки, меньших вложений. Такую гарантию обеспечивает соединение капиталов - отраслевая монополизация - капитализм приобретает монополистический характер.

А далее, на своем четвертом этапе, капитализм встает в тупик перед эрой грандиозных технологических изменений. Эти грядущие изменения требуют такого общего подхода, который перечеркивает границы между отраслями - но капитализму не суждено увидеть такой перестройки. Капитализм не берется за столь сложные исследования - их невозможно сохранить в тайне, а утрата монополии равносильна бесполезной трате денег. Максимум, на который способен капитализм, это поручить такие исследования государству, межгосударственным организациям - этой высшей форме капиталистического объединения. Но буржуазное государство, будучи в состоянии вести исследования по сложнейшим проблемам, совершенно не намерено вести исследования в области повышения эффективности производства - это не обещает ему ничего, кроме углубления социальных противоречий. В этом, кстати, заключается технологический кризис, технологическая сторона общего кризиса капитализма.

Что можно извлечь из истории капитализма?

Капитализм возникает в обществе, где уже существует высокоразвитое понятие собственности, где

собственность уже является важнейшим средством утверждения личности в обществе, и довершает развитие понятия частной собственности в сознании общества, доводит его до предела.

В соответствии с этим, утверждаясь, капитализм преследует одну цель - накопление, наращивание частной собственности. Но частная собственность интересует буржуазию в одной вполне определенной форме - форме **капитала**, ибо только частная собственность на средства производства обеспечивает возможность присвоения вновь создаваемых стоимостей в виде прибавочного продукта, обеспечивает накопление.

Непрерывная экспансия сопутствует росту капитала, ведет к возрастанию конкуренции, к обострению борьбы как на товарном рынке, так и на рынке рабочей силы. Борьба за монопольное владение высокопроизводительными методами производства ускоряет темпы технического прогресса, а раскрытие, разрушение этих временных монополий в ходе конкурентной борьбы делает результаты технических достижений доступными всему обществу.

Но возможности экспансии ограничены. Для ее дальнейшего развития требуется все большая концентрация капиталов. Капитализм становится монополистическим, и это снижает остроту конкурентной борьбы. В результате достижения технического прогресса уже не могут открываться обществу: их защищает отраслевая монополия. В условиях монополистического капитализма технический прогресс утрачивает решающее значение и для самой буржуазии - она получает возможность поддерживать свои прибыли иными средствами, и буржуазия перестает играть свою прогрессивную роль в общественном развитии.

Нетрудно увидеть, что весь ход развития капиталистического общества диктуется интересами буржуазии. Нетрудно понять, что возможность буржуазии управлять развитием в своих интересах покоится на ее владении средствами производства, на частной собственности.

Но как, какими путями буржуазия реализует свои возможности?

Абстрактные человеческие знания развивались параллельно с развитием созидательных навыков человечества. От случая к случаю они обогащали практику новыми полезными открытиями. Но только буржуазия призвала, организовала, приумножила армию интеллигенции, поставила ее на службу капиталу. Буржуазия заставила интеллигенцию заботиться об организации и совершенствовании производства, вовлекла в прикладные научные исследования. Этот фактор послужил источником многих достижений капитализма, поэтому разобраться в его первопричинах, в его сущности совершенно необходимо.

Первые шаги капитализма прочно связаны с разделением труда. Говорить о том, что, разбив производственный процесс на отдельные операции, новый способ позволил привлечь менее квалифицированную рабочую силу, сократил затраты времени на приобретение необходимых трудовых навыков и тем самым обеспечил себе решающее преимущество - это значит не видеть главного. Главным же было то, что соединение отдельных операций в единый производственный процесс было **отделено** от трудового процесса; стало возможным разделить эти функции между отдельными категориями работников, выделить звено организаторов производства и противопоставить его **непосредственным** производителям. В результате уделом одних остался труд, в то время как другие были освобождены от труда, чтобы заняться повышением его производительности.

Сущность состоит именно в этом **отделении**, хотя исторически оно не было первым разделением подобного рода. Особый характер придавал ему достигнутый человечеством к этому времени уровень развития производительных сил.

Кооперация ремесленников, их объединение в цеха стимулировало интенсификацию труда, но не способствовало распространению передовых методов труда даже в границах цеха. Наоборот, каждый член цеха был заинтересован в сохранении своих секретов. Это сдерживало развитие производства; для дальнейшего движения требовались новые стимулы - и они возникли с разделением труда.

Отделение организаторов производства, выделение их в особую категорию работников сопровождалось и укреплялось формированием системы распределения благ, стимулирующей их деятельность, направленную на повышение производительности труда непосредственно в производстве.

Цеховой мастер, сам бывший ранее непосредственным производителем, стал **производственным мастером**, уже не участвующим в труде, но зато заинтересованным как в том, чтобы все подчиненные ему производители владели наиболее совершенными, наиболее производительными методами труда, так и в том, чтобы их труд, соединяясь в конечной продукции, выражался в наибольшей **стоимости**.

Мастер при этом так же оставался заинтересованным в сохранении монополии на свои организационные знания, свои производственные секреты, в ограничении их распространения кругом подчиненных ему производителей. Раскрытие монополии грозило ему падением стоимости производимого продукта. Но, во-первых, он вынужден был раскрывать свои знания перед производителями. А во-вторых, - а во-вторых, оказалось, что мастера находятся совершенно в различном положении.

Мастер-хозяин, мастер-капиталист, владеющий средствами производства, откровенно стремился сбывать производимый продукт по максимальной цене - по цене, включающей не только необходимый и прибавочный труд производителей, но и **сверхприбыль**, порожденную его монопольными организационными и техническими знаниями.

Наемный мастер, мастер, организующий производство, принадлежащее другому владельцу, тоже стремился к максимальному получению благ за свои монопольные знания. Но владелец-то вовсе не был заинтересован в выплате мастеру всей сверхприбыли, порожденной его монопольными знаниями. Наоборот, владелец стремился

максимизировать свою долю прибыли и при найме мастера руководствовался именно этим. Соответственно, наемному мастеру определялась доля благ в зависимости от размера сверхприбыли, получаемой владельцем; капиталист стимулировал только заботу мастера об увеличении сверхприбыли, присваиваемой им, капиталистом.

Пути мастера-капиталиста и наемного мастера резко разошлись. Капиталисту уже не надо было самому обладать монопольными знаниями, он покупал эти знания, расплачиваясь частью сверхприбыли, которую они приносили. Присваивая прибавочный труд, присваивая максимальную долю сверхприбыли, капиталист обеспечивал свое существование в мире конкурентной борьбы.

Наемный мастер был вынужден продавать капиталисту свои знания, способности, творческий потенциал - это тоже в условиях конкурентной борьбы, где мерой, критерием служили отнюдь не доходы самого мастера, а все та же прибыль капиталиста.

Капиталист был готов оплачивать любые знания, изобретения, открытия, эффективные приемы заготовки сырья, сбыта продукции, методы организации и технологии производства - любой **идеальный товар**, лишь бы это приносило сверхприбыль. Все это и способствовало оформлению в обществе особого слоя - интеллигенции, специфической функцией которой стало обновление монопольных организационных знаний капиталиста.

Повышение производительности труда было и остается основным направлением создания сверхприбылей. Было бы ошибкой полагать, что повышение производительности труда увеличивает непосредственно прибыль капиталиста, позволяя ему присваивать большую долю прибавочного продукта. На самом деле такое перераспределение возможно только потому, что производимый продукт реализуется по цене, превышающей количество фактически овеществленного в нем труда, а это и обеспечивается тем, что данный капиталист имеет определенные преимущества в методах труда, т. е. обладает определенной монополией на эти методы. Раскрытие этой монополии повлекло бы снижение стоимости производимого продукта и лишило бы капиталиста его сверхприбыли, именно **сверхприбыли**, хотя она и имеет вид прибыли.

Это важно отметить, чтобы понять: труд интеллигенции - идеальный творческий труд - не создает стоимостей и не увеличивает их. Все стоимости создаются только трудом рабочих. Однако именно интеллигенция обеспечивает повышение эффективности производства во вполне определенном смысле - в смысле увеличения производства продукта в натуральном выражении. У буржуазии этот факт вызывает не радость, а беспокойство, так как грозит кризисом перепроизводства. Но буржуазия не вольна отказаться от гонки за максимальной прибылью, за присовокуплением к ней максимальных сверхприбылей - и, следовательно, не может противостоять этому процессу.

Вот так, раздельно стимулируя производительность труда за счет его интенсификации (оплата рабочей силы) и повышение производительности труда за счет совершенствования организации производства (оплата творческого труда интеллигенции), и ведет капиталист борьбу за максимизацию своих прибылей, состоящих из прибавочной стоимости и сверхприбылей, порождаемых деятельностью интеллигенции.

То есть - буржуазия ничего не делает своими руками, она достигает своих целей, заставляя действовать других. Труд пролетариев создает для буржуазии ее капиталы. Организаторы заботятся о том, чтобы поддерживать долю труда, присваиваемую буржуазией, на максимальном уровне. Творческая интеллигенция плодит изобретения, чтобы буржуазия извлекала свои сверхприбыли. И все это потому, что буржуазия неразделимо удерживает в своих руках одну социальную обязанность - распределение труда и материальных благ.

Нет, она не всемогуща в этом вопросе, ее возможности ограничены объективными законами капиталистического общества. Но капиталист прекрасно знает эти законы и не упускает ни одной возможности, которые они ему предоставляют.

В конкурентном торге на рынке рабочей силы он приобретает рабочую силу, но такую рабочую силу - по квалификации, возрасту, другим данным - от которой он сумеет получить в конкретной обстановке наибольшее количество прибавочного труда.

Капиталист нанимает организаторов производства - столько, сколько нужно, чтобы заботой о повышении производительности труда они максимизировали его сверхприбыли. Нанимаемые им юристы, специалисты по коммерческим операциям, служащие других профессий тоже заботятся о его сверхприбылях, но уже вне производственной сферы.

Капиталист финансирует научные исследования и техническое творчество - но это лишь аванс под те сверхприбыли, которые принесет ему монопольное обладание новыми достижениями, новыми знаниями.

Так капиталист осуществляет распределение количественной меры благ - заработной платы.

Выбирая направление развития производства, ориентацию его на выпуск определенных товаров, - это капиталист всегда делает сам, доверяя наемным специалистам анализ конъюнктуры и построение прогнозов, - он участвует в определении качественного состава благ, производимых обществом. И поскольку он ставит во главу угла наличие рынка сбыта, он с необходимостью учитывает наличие общественных потребностей, он стремится эти потребности удовлетворить.

И когда, наконец, капиталист управился с распределением благ, оказывается, что вопросы распределения труда тоже уже решены. Определилось сколько и каких специалистов ему нужно, к каким станкам встанут рабочие, чем займется интеллигенция. Капиталист никак не намерен разделять эти вопросы: блага получает тот, кто приносит прибыль. И о другом побеспокоился капиталист: чтобы каждый, борясь за увеличение количества благ **для себя**,

обеспечивал увеличение прибыли для него, капиталиста, - то есть организовал **совпадение интересов**.

Конечно, в мире классовых противоречий, когда пролетариат все более организуется для борьбы, капиталист не мог бы решить своих проблем в одностороннем порядке, без поддержки иных сил. Чтобы управлять обществом в своих частнособственнических интересах, буржуазии просто необходимо держать общественное движение в том русле, где только и может она ставить свои дамбы и плотины. Это русло - русло частной собственности, а берега его - вся совокупность социальных отношений капиталистического мира и, в первую очередь, вся мощь его организаций, поддерживающих и формирующих эти отношения. Самой грандиозной из этих организаций является буржуазное государство с его многочисленными средствами контроля над обществом.

Государственная власть в большинстве капиталистических стран формируется **на самых демократических началах**. Это не мешает ей, однако, оставаться **диктатурой буржуазии**. Всеобщее избирательное право нимало не страшит буржуазию даже при условии, что большую часть населения составляет промышленный пролетариат. Почему горстку капиталистов совершенно не тревожит исход борьбы за власть?

Потому что в борьбе за власть побеждает сила, а не количество. А формула силы в обществе имеет простой вид: количество плюс организованность. Объединяясь в политические партии, почти целиком закупая интеллектуально развитую часть общества, располагая организующей мощью средств массовой информации, финансируя различные общества и целенаправленные кампании, буржуазия не просто формирует общественное мнение в свою поддержку - она подавляет, заглушает, топчет в общем шуме голоса противостоящих ей идеологий. Организующая способность богатства, денег, собственности - вот что помогает буржуазии не только в воспроизводстве капитала, но и в идеологической обработке общества.

По своей природной скаредности буржуазия упускает и впредь будет упускать моменты, когда организованность пролетариата и вообще левых сил достигает опасных для буржуазии размеров, как это было, например, в Чили в 1970 году. Но и тогда для буржуазии не все еще потеряно. Если в обычных «демократических» условиях буржуазия предпочитает управляться с пролетариатом, расходуя на организационные нужды минимальную часть своих прибылей, то угроза вообще расстаться с частной собственностью заставляет буржуазию поступиться большим - и тут она, уже не жалея, не скупясь, выкладывает деньги на создание фашистского режима. Фашизм - обратная сторона буржуазной демократии, это - та же диктатура, только в неприукрашенном виде. В «демократических» условиях буржуазия предпочитает вести борьбу с пролетариатом демократическими средствами - препятствует организованности пролетариата широким идеологическим давлением, внося хаос в целенаправленность самих рабочих течений и финансируя достаточные для противодействия силы буржуазных организаций. При фашизме то же организационное преимущество буржуазии обеспечивается насильственным разрушением рабочих организаций, прямой ликвидацией пролетарских организующих центров, арестами и расстрелами. Это для буржуазии более накладно, это вносит свои осложнения в экономику, но буржуазия знает, что это для нее - временные трудности. Разбитые, разрушенные, потерявшие лучшие свои кадры, лишившиеся налаженных связей, рабочие организации надолго выходят из строя, устраняются с политической арены. И тогда фашизм становится ненужным, его можно списывать потихоньку и, восстановив организационное преимущество над разрозненными пролетарскими силами в рамках самой великолепной буржуазной «демократии», долго еще поругивать подлости фашистского террора, как случайное грязное пятно на стерильной демократической истории капиталистического общества.

Вот так буржуазия улаживает свои организационные проблемы. По сравнению с этим регулирование персональных отношений - просто мелочь. Здесь достаточно одного - чтобы буржуазное государство всем своим законодательством, судопроизводством, оружием утверждало незыблемость частной собственности. Конечно, в каждом конкретном случае каждый конкретный капиталист стремится урвать и то, что законом ему не положено, каждый буржуа твердо усвоил, что справедливость - хорошо, но это - не для сильных. И, конечно, из всего этого вырастает гигантская система коррупции и сговора крупной буржуазии против всего общества. Но это - уже частности капиталистического существования.

Итак, частнособственнические интересы буржуазии служат в капиталистическом обществе важнейшим организующим началом. Процесс реализации этих интересов, совокупность действий, предпринимаемых буржуазией для их удовлетворения, одновременно является и процессом осуществления ряда общественных функций, без которых взаимодействие членов общества не обладало бы полнотой, цельностью, необходимой для существования самого общества.

Исполняет ли буржуазия сама все функции подобного рода? Нет и нет. Везде, где только это оказывается возможным, буржуазия привлекает интеллигенцию. Все ведущие посты в капиталистическом обществе отданы интеллигенции. Государственные чиновники, вплоть до самых высших - интеллигенция. Технические и коммерческие руководители всех рангов - интеллигенция. На интеллигенцию возложена и вся идеологическая работа. Творческий потенциал интеллигенции используется капиталистическим миром на полную мощь.

Такое положение интеллигенции, а также развивающееся обезличивание капитала в акционерных обществах и иных формах капиталистической кооперации позволяет многим буржуазным идеологам говорить об отступлении капитализма с решающих позиций, о переходе власти в руки интеллигенции, сформированной во взаимодействующие по своим законам коммерческо-технические системы и проводящей хозяйственную политику, якобы не зависящую от капиталистов, не управляемую ими. Это - ложь, потому что капиталисты никогда никому не

уступали **контроля за распределением благ**, потому что предоставляя интеллигенции право быть ведущей, буржуазия оставляет за собой право **указывать направление**, потому что капиталисты готовы оплачивать деятельность любого администратора, политика, инженера, деятельность любой системы до тех пор, пока они исправно исполняют свою главную обязанность перед капиталистом - обеспечивать ему максимальную прибыль.

Каким бы значительным не казалось положение интеллигенции в буржуазном обществе, на самом деле буржуазия позволяет ей все, что угодно, **но не выходя за рамки того, что угодно буржуазии**.

И все же такое положение интеллигенции играет свою весьма существенную роль в общественном развитии. Индивидуалистическое мировоззрение, прочно прививаемое буржуазным обществом, доступность для интеллигенции всех постов, кажущихся ключевыми в общественном устройстве, в сочетании с практическим опытом интеллигенции в решении мелких и крупных проблем на основе расчета и разумных соглашений порождает специфическое убеждение интеллигенции - веру в возможность стабилизировать общество, укрепив его разумные начала. По сути каждый интеллигент имеет свою законченную модель переустройства общества, заключающуюся в устранении тех помех, которые он ощущает в своих личных отношениях с обществом, и нелогичность существования которых представляется ему очевидной. Оставаясь вне жара классовых столкновений, не утруждая себя анализом классовых сил и классовых интересов, интеллигенция оказывается не в состоянии - да и не проявляет особо сильного стремления - понять, что все воспринимаемое ею как помехи, суть отражение реальных и неизбежных классовых противоречий, что в этих «помехах» дает себя знать железная хватка капиталиста, утверждающего свои интересы.

Такая духовная атмосфера порождает в среде интеллигенции массу теорий «рассудочной» - а на деле целиком идеалистической и потому несостоятельной - организации общества. Все эти теории играют на руку буржуазии, ибо отвлекают мыслящую часть общества от участия в классовой борьбе, замазывают подлинные истоки социальных противоречий. Но еще важнее то, что кажущаяся достижимость утопических общественных построений формирует в интеллигенции определенные кастовые взгляды, заставляет мыслить себя классом, способным принять на себя всю ответственность за судьбы общества. Это массовое заблуждение, произрастающее на благодатной почве гипертрофированного самолюбования, свойственного интеллигенции, скрывает от нее самой вторичную, служебную роль интеллигенции в обществе. Буржуазия охотно поддерживает эти маниакальные предрассудки, ибо интеллигенция заблуждающаяся надежно служит буржуазии, тогда как прозревающая, осознающая обязательность своего служения, способна сделать революционный выбор - служение пролетариату.

То, что в капиталистическом обществе существование самой интеллигенции вызвано потребностями буржуазии и возможно только под ее бдительной, но не бросающейся в глаза опекой, как это ни противоестественно, только способствует укреплению кастовых убеждений. Те самые действия капитала, воспринимаемые интеллигенцией как досадные помехи, обеспечивают определенное равновесие в капиталистическом обществе, его цельность и согласованность - они же не дают интеллигенции проверить несостоятельность ее теорий и поддерживают в интеллигенции веру в то, что мир и порядок существуют исключительно благодаря ее усилиям.

Два следствия из такого состояния прямо задевают интересы пролетариата. Во-первых, кастовые социальные искания интеллигенции замыкают ее в себе самой, отсекают ее от пролетариата, а это наносит серьезный ущерб развитию пролетарской мировоззренческой идеологии, ослабляет организационную работу, без которой пролетариат не сможет ни подготовиться, ни вступить в решающую классовую битву. Во-вторых, после победы пролетариат, как бы он ни нуждался в творческом потенциале интеллигенции, не может ей довериться: стремление реализовать на практике собственные многочисленные теории неизбежно ведет интеллигенцию к единственному непротиворечивому их совмещению - к воскрешению капиталистических отношений.

Чтобы не только завоевать власть, но и не потерять ее вновь, чтобы умело распорядиться ею после победы, пролетариат обязан знать все эти тайны капиталистического общества, все действующие в нем социальные силы. Ему предстоит принять их в наследство, ему предстоит преобразовать их и направить на строительство нового общества.

ГЛАВА II

ПРОЛЕТАРИАТ - ХОЗЯИН

Пока пролетариат ведет свою борьбу в капиталистическом обществе, пока он остается классом, со все большей силой и настойчивостью отрицающим ненавистные ему буржуазные порядки, ему достаточно солидаризироваться под одной идеей - идеей социалистической революции. Но совершается пролетарская революция, отрицающая, разрушающая буржуазное общество и государство - и пролетариат оказывается перед необходимостью строить новое общество, раскрывать, поддерживать, создавать новые функциональные связи, придающие обществу цельность, законченность. Закон отрицания отрицания неумолим: общество, из которого изъяты функции, исполнявшиеся буржуазией, требует их замены или восстановления. Без этого дестабилизированное общество не способно ни существовать, ни развиваться; и замена тут годится не всякая, а обязательно равноценная - в противном случае все прорехи будут заполнены стихийно, по образу и подобию отринутого прошлого. И если пролетариат не готов к обновленному пролетарскому воссозданию цельной системы общественных отношений, то

с необходимостью возникает новая буржуазия, присваивая и функции и привилегии буржуазии прежней.

В революциях предшествующих эпох преемственность функций осуществлялась стихийно - пролетариату надеяться на это не приходится. В предшествующих переломах истории каждый рабовладелец, феодал, буржуа единолично вязал свои узелки в сети общественных отношений. Но социалистическая революция качественно отличается от других тем, что на арену борьбы выступает новый **субъект - класс**, который и побеждает только потому, что обладает организованной мощью единого субъекта, и властвовать способен только благодаря силе собственного единства.

Действуя стихийно, рабочие и сами не способны подняться выше благопристойного тред-юнионистского, вполне буржуазного уровня. Только качественно иная форма организации классового сознания, корректирующая индивидуальные интересы и поднимающая их до уровня коллективного классового интереса, позволяет пролетариату решать социальные проблемы, обеспечивает пролетариату решающее преимущество в борьбе с буржуазией и буржуазной идеологией как до пролетарской революции, так и после нее. И трудности, возникающие перед пролетариатом, тоже имеют свои качественные отличия.

Во-первых, пролетариат нуждается в хорошей, надежной теории. Там, где индивид, который сам себе единство, может успешно действовать благодаря собственным знаниям, или таланту, или интуиции, или чутью, или удачливости, наконец, - там пролетариат может обеспечить целенаправленность и взаимосоответствие своих действий только через согласование всех конкретных задач в рамках единой мировоззренческой системы.

Во-вторых, ошибки и заблуждения индивидов, неточность выносимых ими оценок и несостоятельность их решений не имеют никакого влияния на развитие общества **в целом**: выпадают, отстраняются от исполнения функций одни индивиды, занимают их место другие. Но пробелы в классовом сознании пролетариата, недостаточность его знаний, его промахи не означают ничего иного, кроме отступления перед буржуазией: буржуазия немедленно возвращается, «приходит на помощь» там, где пролетариат не справляется с обязанностями гегемона.

В-третьих, общество, покоящееся на интересах индивидов, не нуждается ни в каких усилиях для возмещения индивидуальных потерь - это происходит стихийно, в силу тех же индивидуальных интересов. Потери и отступления пролетариата возвращаются только революционным путем, требуют повторения революционной работы, повторения боев с буржуазией.

Пролетариат поэтому нуждается в хорошо разработанной теории и в методах, позволяющих своевременно оценивать изменение обстановки и находить верные решения, в умении вести поиск, обогащать свои знания ценой наименьших потерь. Это - его оружие, и оно постоянно должно быть в боевой готовности.

Два вопроса приходится решать пролетариату, берущемуся за строительство нового общества:

- повышение благосостояния общества;
- развитие его сознания.

Успехи во втором вопросе почти целиком зависят от решения первого. А по первому вопросу пролетариату необходимо добиться кардинальных решений: ему не просто надо выйти на уровень наивысших капиталистических стран, не только опередить их, но и опередить несравнимо, выйти на рубежи, для них недостижимые.

Пролетарское общество способно преодолеть те препятствия, перед которыми останавливается капитализм, достигая вершины своего развития. Но это не происходит само собой. Таковы интересы победившего пролетариата, да - но пути к удовлетворению этих интересов необходимо еще найти. И здесь пролетариату не обойтись без опыта предшествующих поколений, здесь пролетариату совершенно необходимо идти на выучку к буржуазии.

Первый и весьма общий вывод, вытекающий из опыта прошлого, таков: общество неизбежно движется туда, куда направлены стихийные устремления его членов. Но это еще не вывод, это еще только половина. Существенно добавление: при сложившихся условиях существования. Недаром буржуазия боролась за всеобщее признание частной собственности на средства производства - это и было условием развития капитализма, тем руслом, в которое была направлена стихия. Условием социализма является общественная собственность на средства производства. Но тут необходимо внести ясность. Общество, владеющее средствами производства, может быть частью общества и его собственность тогда остается **частной собственностью**. Капитализм тоже не чужается общественных форм собственности, создавая, например, акционерные общества. От отношения обществ, владеющих средствами производства, ко всему обществу в целом зависит и характер **социализма**. А поскольку целью пролетариата является **пролетарский социализм**, для него приемлема только одна форма: **общепролетарская классовая собственность**. А это, в частности, означает, что, отвоевав средства производства в революционной борьбе, пролетариат никому не должен уступать и ни с кем не должен делить хозяйских прав и привилегий.

Как сохранить эти права и как ими распорядиться - этому пролетариат прямо должен учиться у буржуазии.

Погоня за максимальной прибылью, диктуемая капиталисту условиями конкурентной борьбы, заставляет его организовывать непрерывный поиск повышения производительности труда. Следствием этого является увеличение выпуска продукции и сверхприбыль капиталиста. Прогрессивное социальное содержание этого процесса вскрывается тогда, когда раскрытие монополии конкурентами и борьба за рынки сбыта приводят к падению цен на

выпускаемый продукт.

Повышение производительности труда - это то, что нужно пролетариату и всему обществу. А как обстоят дела с другими условиями?

Уничтожая капитализм, пролетариат уничтожает и капиталистическую конкуренцию.

Извлечение максимальной прибыли не может быть целью пролетариата: какова бы ни была сумма прибыли, она возвращается тому, с кого взимается - пролетариату.

В сверхприбыли для пролетариата смысла еще меньше.

Но вот **максимальная эффективность производства** является коренным интересом пролетариата. Во-первых, от этого прямо зависит благосостояние пролетариата, ибо ему неоткуда взять благ более того, что он сам произведет. Во-вторых, увеличение эффективности производства ведет к сокращению затрат труда, затрат рабочего времени на производство всего необходимого обществу продукта, что и является определяющим для культурного, творческого развития пролетариата, для роста его сознания.

Итак, преследуя максимальную эффективность производства, пролетариат заинтересован в постоянном повышении производительности труда, ведущем к увеличению выпуска продукции в натуральном выражении. Этим целиком и определено отношение пролетариата к сверхприбыли: в интересах пролетариата скорейшее раскрытие всяких монополий, наиболее полное распространение передовых методов производства. Но здесь пролетариат отличается от капиталиста разве только масштабом: капиталист заинтересован в полном и скором распространении новых методов в **принадлежащем ему** производстве, пролетариат - тоже.

Интересы пролетариата в целом соответствуют интересам отдельного капиталиста в капиталистическом обществе. Они по сути своей являются возвышенным, гуманистическим развитием буржуазных интересов. Место абстрактной максимальной прибыли занимает вполне конкретная максимальная эффективность производства, прямо, а не косвенно связанная с увеличением производства материальных благ в натуральном выражении. И это происходит потому, что в основе коренного интереса пролетариата, как хозяина, лежит не бесчеловечное требование утверждения частной собственности в конкурентной борьбе, а человеческие потребности пролетариата как класса-потребителя. Труд, производству возвращается его изначальное предназначение: служить источником удовлетворения непосредственных человеческих потребностей, не осложненных гнетом социальной несправедливости, требованиями борьбы за существование против всего общества.

Наличие вполне определенной аналогии в интересах пролетариата и отдельного капиталиста позволяет установить аналогии и в реализации этих интересов. Капиталист добывается своего, стимулируя деятельность рабочих, организаторов производства, технологов, изобретателей, ученых в нужном ему направлении. Он не пользуется какой-либо раз и навсегда закрепленной системой стимулов. Наоборот, используя естественное стремление человека к наиболее полному удовлетворению потребностей, он перестраивает систему стимулирования, ориентируясь на максимальный эффект в основном для него направлении - в получении прибыли.

Не все блага капиталист распределяет сам. Но, поручая другим распределение благ среди других, меру для этих первых капиталист определяет самолично. На эту роль он подбирает людей, наиболее рьяно и умело защищающих его интересы, и меру получаемых ими благ ставит в зависимость от того, как они выполняют его требования. Никаких иных критериев, кроме своих интересов - конечного эффекта, максимальной прибыли - капиталист не признает.

Основные, нацеливающие решения - такие, как ориентация производства на выпуск продукции определенного типа, выбор путей развития, направления капиталовложений - капиталист делает сам. Эти решения связываются одним единством - его личной **субъективной экономической политикой**. Никакие объективные факторы не могут подействовать на эту политику иначе, чем через сознание капиталиста, преломляясь в его сознании, становясь условием принимаемых решений.

Оказываясь перед альтернативами, где оценка вариантов в величине конечного эффекта затруднительна, капиталист делает свой субъективный выбор. Эта субъективность - не произвол, она лежит в колее общей экономической политики. От всех своих работников, поощряя за удачи, наказывая за ошибки, капиталист требует следовать той же политике, умения столь же **субъективно** решать проблемы своего уровня.

Чему здесь должен учиться пролетариат?

Всему!

Определяя направленность производства своими субъективными классовыми потребностями, подчиняя его своему критерию - максимальной эффективности, во всем остальном пролетариат должен овладеть рациональными приемами, уже найденными капиталистом.

И вот тут возникает главная трудность, решение которой не может подсказать никакой капиталистический опыт.

Интересы капиталиста представлены самим капиталистом. Цельностью капиталиста как личности и определяется единство, единонаправленность его экономической политики.

Интересы пролетариата - это классовые интересы. Субъектом, их выражающим, является весь класс в целом. Интересы отдельных представителей, групп отличаются от интересов класса, ибо только для пролетариата в целом удовлетворение потребностей прямо зависит от эффективности производства, только **весь** производящий класс не может обеспечить себя ничем сверх того, что сам же и производит.

Проведение цельной экономической политики, соответствующей классовым интересам, не доступно

пролетариату как массе рабочих, оно доступно только организованному классу, только пролетариату, преодолевшему свои индивидуалистические тенденции, осознавшему свои коллективные цели. Но и это еще не ответ, не форма реализации хозяйских прав пролетариата.

Классовые интересы пролетариата обретают конкретную форму, отображаясь в сознании одного человека в виде ясных идей и лозунгов, доступных пониманию масс, способных поднять массы на организованные действия. И хотя распространение и освоение идей требует времени и усилий, пролетариат все-таки умеет находить своих вождей.

Выражая интересы пролетариата в наиболее отчетливой, сконцентрированной системе идей, вождь воплощает, материализует их в **массовых** действиях пролетариата. То, что при этом в организации **массовых** действий участвует сложная структура руководства, состоящая из ярких индивидуальностей, не меняет дела: сама эта система держится и дисциплинируется пониманием потребности масс в этих конкретных идеях, откликом масс, их готовностью следовать за идеями вождя. Такая система не только распространяет и поддерживает идеи, но и способна активнейшим образом отрицать и опровергать идеи, идущие в разрез с настроениями масс, освобождаться от лидеров, над которыми властвуют эти несостоятельные идеи. В действии этой системы формируется классовое сознание пролетариата как единого субъекта; участие в массовом движении вносит в каждое индивидуальное сознание революционные изменения, образующие базу для дальнейшего развития классового сознания.

Перед пролетарским социалистическим государством изначально стоят другие задачи. Принимая от капитализма грандиозную хозяйственную систему, принимая общество, в котором не только сохраняются непролетарские элементы, но и в среде самого пролетариата сильны воспитанные прошлым индивидуалистические, буржуазные стремления, социалистическое государство должно принять на себя функции регулирования всех связанных с этим общественных отношений. Оно должно соединить в себе определенные черты буржуазного государства и капиталистической системы хозяйствования. Если массовое движение опирается на лучшие, передовые, революционные качества пролетариата, то государству необходимо ориентироваться на самые худшие, отсталые, но еще не изжитые черты и пролетариата и всего общества, необходимо формировать систему их регулирования.

По своей **внутренней** сути, по отношению к своим гражданам государство **всегда** остается буржуазным, не поднимается выше принципов буржуазной справедливости. Но это не распространяется на внешние отношения, на отношение к лицам, не являющимся гражданами - здесь пролетарское государство выступает только как уполномоченный пролетариата, как представитель его классовых интересов.

Вот те социальные основы общества, которые пролетариату приходится учитывать, прежде чем применить капиталистическую науку хозяйничания.

Полновластным хозяином всех завоеванных средств производства является **пролетариат как единое целое**.

Персонифицируются интересы пролетариата **в вождях пролетариата**. Именно вождям принадлежит конкретизация целей, построение политики в ее конкретной и согласованной форме. Но решающее слово при этом все равно остается за классом, ибо только через поддержку масс могут проверить вожди свои политические идеи.

Исполняются интересы пролетариата **социалистическим государством**. Государство выступает как наемная система работников, формируемая так же, как это делается капиталистом, для осуществления воли хозяина, находящаяся под его субъективным контролем, зависящая от воли своего хозяина - пролетариата в целом - во всех своих звеньях.

Социалистическое государство как управляющий орган уже не имеет дела с пролетариатом как классом - оно управляет обществом, как совокупностью отдельных индивидов: рабочих, крестьян, интеллигентов. Заботиться об отдельных индивидах и социальных слоях, оберегать или пресекать их деятельность оно обязано потому и постольку, поскольку это соответствует интересам пролетариата - и в этом оно тоже должно быть под постоянным контролем.

Государство, государственный аппарат должен формироваться персональным подбором - и здесь уже начинается применение капиталистической науки в полной мере. Высшие посты должны доверяться людям, чья преданность интересам пролетариата не вызывает сомнений, прошла серьезнейшую проверку. От них требуется глубокое понимание интересов на **текущем** этапе, от них требуется умение реализовать эти интересы в конкретных действиях, в подборе кадров исполнителей, в текущей политике. Но и всепролетарский контроль, всепролетарская оценка должны сопровождать их во всех действиях.

Особо важной областью деятельности социалистического государства является экономика. Заменяя капиталистическое стремление к максимальной прибыли социалистическим требованием максимальной эффективности производства, социалистическое государство должно подчинить этому требованию всю хозяйственную систему.

В первую очередь это относится к управляющему аппарату. Аппарат организаторов производства должен оплачиваться в прямой зависимости от организующего вклада в повышение производительности труда и должен оплачиваться весьма высоко.

Почему это так? Почему победивший пролетариат не может (или не должен) диктовать технической интеллигенции свои, иные условия? Почему класс-гегемон не может эксплуатировать творческие способности

специалистов так же нещадно, как капиталист эксплуатирует рабочего?

Потому что это не выгодно пролетариату, противоречит его интересам.

Проявление таланта, творческих способностей имеет индивидуальный характер. Стимулом для такого индивидуального проявления способностей служит борьба за признание обществом и само признание. До тех пор, пока в обществе существуют товарно-денежные отношения, признание распределением благ будет оставаться одним из элементов признания вообще.

Но именно от творческой деятельности зависит совершенствование производства, рост его эффективности - будь то деятельность организаторов производства или творческая инициатива самих рабочих. Прирост производимых благ без дополнительных затрат труда - это и есть экономическая цель пролетариата; за движение в этом направлении он вполне готов расплачиваться из того же прироста.

И если оглянуться на капиталиста, если поучиться у него, то можно увидеть, что, высоко оплачивая специалистов, он не теряет, а увеличивает свою прибыль, да кроме того порождает среди них конкурентную борьбу за признание, ведущую к полному раскрытию их способностей, позволяющую выбирать из них лучших. Отказаться от такого же подхода пролетариат может только себе во вред.

Персональная оценка каждого специалиста должна исходить из того, насколько его деятельность полезна для пролетариата - это должна быть оценка по большому счету, с высот классовых интересов. Учась у того же капиталиста, следует сказать, что, если пролетариат не дает своим специалистам возможности получать благ больше, чем на службе у капиталиста, то пролетариат - плохой хозяин. Работа на социалистическое общество должна привлекать своей выгодностью и крупнейших специалистов капиталистического мира. Пролетариат станет только богаче, эксплуатируя их способности, ибо то, что выгодно капиталисту, многократно выгоднее в социалистическом хозяйстве, не разграниченном конкурирующими монополиями.

А как же класс-гегемон должен относиться к своим членам - рабочим? Имеет ли вообще какой-нибудь смысл этот вопрос, если класс целиком из этих же рабочих и состоит?

Такой вопрос существует, он вполне правомочен. Пролетариат, организованный в класс, не тождествен совокупности входящих в него рабочих. Отличие состоит уже в наличии самой организованности. Организованность базируется на общности интересов, но это - общность не всех интересов: остаются еще и индивидуальные интересы, некоторые из них продолжают находиться в противоречии с интересами всего класса.

Класс заинтересован в увеличении благ для всех, отдельный рабочий - для себя. Но он может добиться этого вместе с классом, а может бороться за это по-буржуазному, стремясь к присвоению труда товарищей по классу. До тех пор, пока такое противоречие будет гнездиться в сознании рабочего, до тех пор будет сохраняться определенное противоречие между пролетариатом и пролетарием, между классовым и индивидуальным интересами.

А это значит, что до тех пор класс организованно должен отстаивать свои общие интересы против стихии мелкособственнических, буржуазных интересов. Эта борьба ведется на двух направлениях. С одной стороны, целью этой борьбы являются такие революционные изменения в сознании каждого, которые ведут к отмиранию, исчезновению буржуазных, индивидуалистических интересов. Но с другой стороны, пока они существуют, пролетариат обязан использовать их, обратив на пользу обществу.

Главной экономической задачей пролетариата является постоянный рост благ, приходящихся на вложенный труд. И эта задача решается не трудом рабочих, а тем, насколько эффективно этот труд используется, насколько совершенна вся система производства, насколько хорошо исполняют свои обязанности те, кого пролетариат нанимает организаторами производства. Поэтому, если известный трудовой вклад в общественное производство является **долгом** рабочего, без исполнения которого никаких благ вообще не может возникнуть, то коренных интересов в увеличении этих благ рабочий должен добиваться, требуя творческой отдачи от организаторов производства всех уровней, контролируя их деятельность, помогая выдвижению наиболее способных - то есть постоянно оставаясь на классовых позициях. Однако, решая эту задачу, пролетариат сталкивается с необходимостью применить ту же требовательность к самому себе, потому что труд еще далеко не всеми осознается как долг, потому что осознанию этого мешают те же индивидуалистические интересы.

Поскольку это те же самые интересы, которые властвуют в капиталистическом обществе, задача, стоящая перед пролетариатом, заключается в том, чтобы организовать их и направить в нужное русло, то есть по-хозяйски стимулировать удовлетворением этих интересов трудовую деятельность на пользу хозяина - всего рабочего класса. Таким образом, и в отношениях с рабочими политика диктуется одним: интересами пролетариата как класса, как единого целого.

Основной закон, которым определяется существование пролетарского социалистического общества, и которым должен руководствоваться победивший пролетариат и служащая ему государственная система, формулируется так:

Распределение труда и продуктов производства в интересах общества в целом, стимулирующее рост общественного благосостояния и общественного сознания.

Рост общественного благосостояния служит материальной основой для развития сознания: повышение эффективности производства ведет к снижению необходимых затрат труда, к высвобождению времени для культурного развития. Но главные вопросы развития **коммунистического** сознания этим еще не решаются.

Возможности социалистического государства в деле развития сознания весьма ограничены. По существу задачей государства является не само изменение сознания масс, а закрепление уже возникших прогрессивных

сдвигов их сознания в государственных формах, в соответствующих изменениях всей системы управления обществом.

Однако по отношению к непролетарским слоям общества государство, являясь исполнителем классовой воли пролетариата, играет весьма деятельную роль. Само существование этих слоев допускается лишь в той мере, в какой это соответствует интересам пролетариата. Интересы, потребности непролетарских слоев учитываются лишь постольку, поскольку это соответствует наиболее эффективному использованию этой части общества во благо пролетариату. Определенные демократические возможности для выражения собственного мнения, для изложения каких бы то ни было требований предоставляются пролетариатом непролетарской части общества с единой целью: использовать эти интересы, стимулировать их, вынуждая наиболее полную отдачу труда и способностей этой части общества на пользу пролетариату. По мере развития, изменения интересов пролетариата неизбежно будет меняться и отношение к другим классам и социальным группам, его потребность в их существовании. Соответственно будет меняться и характер политических свобод, предоставляемых этим слоям государством. Поэтому здесь не может быть и речи ни о каких политических гарантиях для этих слоев, за исключением временных соглашений, на которые пролетариат идет, учитывая конкретные формы своих интересов, соответствующих текущему этапу истории.

Соответственно, проводя такую диктаторскую политику в отношении непролетарских слоев, пролетарское государство решает и важную задачу перестройки их сознания, всеми своими мерами доказывая, что единственную реальную гарантию дает им бесповоротный переход на классовые позиции пролетариата. Совершенно иную основу имеют взаимоотношения с правящим классом. Оставаясь по отношению к пролетариату одним из наиболее отсталых общественных институтов, государство все же не может быть настолько консервативным, чтобы не изменяться вслед за развитием интересов пролетариата.

В политической области это означает постоянное расширение **демократии для пролетариата**. Государственный контроль, государственная регламентация различных сторон общественной жизни с самого начала выступают в защиту классовых интересов против интересов индивидуальных. По мере того, как личные интересы рабочих согласовываются с классовыми, становится ненужной и государственная регламентация этих интересов - она заменяется социальной сознательной самодеятельностью рабочих, отступает и отмирает.

В области экономики, кроме постоянного роста эффективности производства и связанного с этим благосостояния, существенное значение имеет также изменение системы распределения благ. Движение от распределения «по труду» к распределению «по потребности» осуществляется путем расширения **фондов общественного потребления**, путем распространения их на все новые категории благ.

Никакие государственные установления не могут опережать уровень сознания масс. По своей сути они лишь фиксируют достигнутое, с некоторым опозданием отвечая ему. Но динамика перестройки, наглядно показывая, как за определенными сдвигами в индивидуальных сознаниях следуют перемены во всей системе управления, стимулирует возникновение новых сдвигов, осознание новых задач.

Что же касается первоисточника, первопричины революционных изменений в сознании пролетарской массы - то тут рабочим у капиталистов учиться нечему. Все эти изменения - и сознательная дисциплина, и классовый подход к общественным явлениям, и самоограничение в потреблении благ, и осознание общественных интересов как своих собственных - все это возникает по мере роста организованности пролетариата, по мере осознания каждым рабочим своей принадлежности к классу. Происходит это в ходе классовой борьбы пролетариата: зарождается в виде идей, проявляется в классовых победах пролетариата, утверждается революционными сдвигами в сознании каждого рабочего.

И тут у пролетариата только одна наука - его собственный исторический опыт.

ГЛАВА III

КРИЗИС РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Не странно ли говорить о задачах победившего пролетариата, отталкиваясь от исследования капиталистического общества сейчас, когда более чем полувековой опыт пролетарских побед представляет грандиозный материал для конкретного исторического анализа?

Верно, незачем утверждать, что предшествующие выводы получены без учета новейшей истории государств социалистического мира. Наоборот, хотя все изложенное вытекает из законов исторического развития общества, из законов капиталистической экономики и классовой борьбы пролетариата, очевидным это становится только в практике социализма.

Особенности социалистических образований в истории различных стран позволяют свести все факты в четыре группы:

1. Советский Союз, Китай, Албания.
2. Венгерская Советская республика (1919 г.) и Чили (1970 - 1973 г.г.).
3. Югославия и Куба.
4. Все остальные государства социалистического направления.

Несмотря на то, что социалистические черты локализованы в рамках наций, дело тут не в национальных, а в политических особенностях. Поэтому не случайно Венгрия оказалась в двух группах - второй и четвертой - в соответствии со значением опыта различных исторических этапов.

В первую группу вошли страны, внесшие реальный позитивный вклад в дело социализма, самостоятельно встретившиеся с определенными проблемами социалистического строительства и давшие свой опыт решения этих проблем. Опыт стран второй группы тоже самостоятелен, но это - отрицательный опыт. Практика стран третьей группы, вообще говоря, лежит в стороне от основного пути социалистического движения.

Политика Югославии и Кубы никогда всерьез не опиралась на марксистский фундамент, она эклектична. Но их историю можно рассматривать как экспериментальный полигон для испытания некоторых частных идей. И, наконец, четвертую группу составляют страны откровенно эпигонствующие, заимствующие у других не только полезный опыт, - в этом нет ничего дурного, это как раз является достоинством, - но и заблуждения.

Наибольшее значение имеет, конечно, опыт Советского Союза, самостоятельный на протяжении всей истории. Очень важен опыт Китая от середины пятидесятых годов до кончины Мао Цзедуня; период, предшествовавший этому, по сути, повторял социалистическое развитие СССР, а со смертью Мао Цзедуня все пошло по уже известной колее. Политическая жизнь Албании в своей последовательности, может быть, представляет наибольший интерес, но замкнутость, отгороженность делает ее труднодоступной для анализа.

Опыт Венгерской Советской республики (1919 г.) и Чили (1970 - 1973 г.г.) совпадает во всех основных моментах. И там и там социалистические силы пришли к победе мирным путем - что, между прочим, свидетельствует о подавляющем превосходстве левых сил в конкретной исторической обстановке. И там и там социализм погиб, в конечном счете, от недооценки организующей роли собственности. И там и там социалистические правительства в недостаточной степени использовали политический террор - это единственно доступное пролетариату средство разрушения контрреволюционных буржуазных формирований. Ненасильственное получение власти настраивало левые силы на то, что сопротивление буржуазии и впредь не будет переходить демократические рамки - это было исторической ошибкой. И когда буржуазия сбросила свою демократическую маску, у пролетариата просто не хватило ожесточенности, готовности к смертельному классовому бою. Теоретикам, проповедующим мирную борьбу пролетариата за власть, не мешало бы извлечь из этого урок. До тех пор, пока буржуазия не ослабнет окончательно, в том числе и экономически, в борьбе с мировыми социалистическими силами, всякие надежды на бескровную победу пролетариата остаются утопией.

Даже приобретение политической власти, даже быстрая экспроприация капиталистической собственности не дают надежной гарантии, ибо и экспропрированная собственность оказывает свое контрреволюционное организующее влияние через надежду на ее возвращение, через расчет на получение благ от восстановленных владельцев.

Пока буржуазия экономически сильна, революция может утвердить себя только через железный террор политической диктатуры.

Революционная Россия счастливо избежала этих ошибок. Бесчинствами самодержавия, наглостью помещиков, разнузданностью буржуазии трудящиеся России были подготовлены к самой суровой борьбе, и Октябрьская революция породила энергичную и решительную диктатуру, которой удалось устоять в борьбе с внешними и внутренними **открытыми** врагами, и которая пала несколько десятилетий спустя уже в силу совершенно **иных** причин.

История диктатуры пролетариата и контрреволюционного переворота в России заслуживает глубочайшего анализа и, видимо, долго еще будет служить предметом научных исследований. Но основные выводы могут и должны быть получены немедленно, ибо без них пролетарское движение заходит в тупик.

Контрреволюционный переворот в СССР произошел так тихо и таким неожиданным путем, что этого никто не заметил. Диктаторствующей ныне в СССР Администрации в течение десятилетий удается выдавать себя за марксистско-ленинское руководство, удается морочить рабочим голову игрой в демократию. Даже международное коммунистическое движение, в большей части, и не приближается к верной марксистской оценке происходящего в России. Но контрреволюционный переворот произошел, и первое, что мы должны сделать - это установить сам факт переворота.

В 1961 г. Программой КПСС и затем окончательно Конституцией 1977 г. задачи диктатуры пролетариата в СССР признаны выполненными и Советский Союз объявлен общенародным государством.

Но марксистам во все времена было ясно, что пока победивший пролетариат не обходится вообще без государства, это государство не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата. И дело не только в том, что пролетариат - единственный класс, способный взять на себя и производство всех благ и осуществление всех социальных функций.

Дело в том, что пролетариат - единственный класс, который не в состоянии обеспечить себе получение благ путем ограбления других классов. В силу этого, в каких бы условиях он не оказался, пролетариат остается единственным классом, стремящимся к коммунизму как к высшей форме реализации своих возможностей и удовлетворения своих интересов, и стремящимся с исторической неизбежностью.

Однако, может быть, общенародное государство - уже шаг на первую ступеньку бесклассового коммунистического общества?

Бесклассовое общество, как и всякое общество, не может существовать не производя. Если одни будут производить блага, а другие - только потреблять их, деление на классы будет сохраняться. Поэтому бесклассовое общество может формироваться только на базе производящего класса. Пролетариат - открытый класс, то есть класс, способный принять в свою среду любого, без предъявления каких-либо неисполнимых требований и цензов.

Только правящее, привилегированное положение этого открытого класса, оказывая разрушающее воздействие на остальные, лишенные привилегий слои общества, вовлекая их в пролетарскую среду, способно привести к бесклассовому обществу.

«Гармония классов» в общенародном государстве возможна только при отказе пролетариата от своих коммунистических целей, при рабском согласии пролетариата работать на присвоительские интересы других классов. О том, что «народное государство» не может иметь никакого иного содержания, кроме буржуазного, подробно писали и Энгельс и Ленин. Да и что иное может означать «союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции», возникающий после того, как пролетариат безраздельно владеет властью, сменяющий диктатуру пролетариата?

В ходе борьбы пролетариата за политическое господство такой союз мог бы говорить о совпадении интересов на определенном этапе борьбы. После утверждения диктатуры пролетариата возвращение к такому союзу может означать только то, что пролетариат с властью не справился, что он вновь привлекает к власти буржуазию, капитулирует перед ней. Пролетариат всегда гнет спину ради обогащения хозяина, и это капиталистическое отношение исчезает только тогда, когда единовластным хозяином становится он сам.

Последняя надежда: может быть формула общенародного государства - всего лишь терминологическая ошибка? История знает немало случаев, когда за самыми демократическими вывесками скрывались гнет и произвол, когда радикальное движение вынуждено прикрываться благопристойными лозунгами. Может быть, и в СССР за скромной фразой о ведущей роли рабочего класса скрывается твердая пролетарская диктатура?

Нет, и это не так!

Причастен ли пролетариат в СССР к распределению благ?

Причастен ли целиком класс к выработке и проведению экономической политики? Не более, чем при капитализме! В этом кардинальный ответ на вопрос. Мы рассмотрим еще некоторые тезисы, привлекающие в качестве доказательства особого положения пролетариата в СССР, но не следует забывать, что эти тезисы всего лишь заполняют арсенал уловок, к которым прибегает правящая Администрация, чтобы отвлечь пролетариат от классовой борьбы, чтобы затуманить его классовое сознание.

Всеобщее избирательное право. Но таким правом пользуются рабочие почти во всех капиталистических государствах, что нисколько не мешает буржуазии сохранять свою диктатуру.

Рабочее представительство в органах государственной власти, вплоть до самых высших. Да, вот одна из козырных карт, которая шулерски выдергивается всякий раз, когда говорят о социалистической демократии. Но дает ли это пролетариату какие-нибудь реальные права?

Капиталисты предпочитают сажать в свои парламенты политиков-правоведов. Но означает ли это диктатуру юристов, демократию для стряпчих? Дело, видимо, не в представителях, а в том, кто диктует представителям свои требования, чьей волей назначаются и смещаются сами представители.

Для высшего государственного органа СССР и критерием выбора и единственным правом для всех рабочих и прочих представителей служат единогласная поддержка всех вносимых предложений. Единогласие - это даже второстепенно, это даже излишество. Важно - чьи предложения принимаются.

Так чьи же это предложения, кто их вносит? Эти предложения вносятся только высшими органами КПСС. Целиком беря на себя организацию всех и всяческих выборов, располагая всеми средствами массового идеологического воздействия, КПСС предпринимает, диктует результаты голосования. КПСС контролирует, а по сути - и предопределяет все выдвигаемые кандидатуры, т. е. прямо обеспечивает нужный себе состав всех выборных органов.

КПСС подчиняет себе и всю исполнительную систему сверху донизу и всегда в состоянии направить ее против несогласных. КПСС решает все.

Руководящая роль КПСС во всех государственных делах СССР зафиксирована Конституцией 1977 года. Преданность партии делу пролетариата, идеям марксизма-ленинизма доказана самоотверженным участием во всех боях, выпавших на долю Революционной Советской России. Но являются ли эти доказательства гарантией на вечные времена?

История перестала бы быть историей, если бы в ней нашлось место подобным гарантиям!

Есть лишь одна гарантия верности пролетарскому делу. Марксистская партия будет оставаться марксистской, пока **служение пролетариату** остается для нее не только единственной руководящей идеей, но и единственной **личной** потребностью ее членов, удовлетворяемой пребыванием в партии.

Партия, которая способствует удовлетворению иных потребностей - получению власти, благ, особых привилегий, - неизбежно несет в себе зерно оппортунистического перерождения.

КПСС не только на словах, но и на деле оторвалась от диктатуры пролетариата. Рабочий класс, - даже та его часть, которая состоит в партии - не имеет никакой возможности влиять на дела партийной верхушки, на принимаемые верхушкой решения, на конструируемую ею теорию, на ее пропагандистскую деятельность, на

проводимую социальную и экономическую политику.

Почему? Почему в жестокий и опасный революционный период партия могла оставаться пролетарской, почему в годы экономического строительства ее отношения с пролетариатом круто изменились?

Потому что, находясь в революционной оппозиции самодержавию и буржуазному правительству, ведя вооруженную борьбу с контрреволюцией, партия могла действовать только одним способом - мобилизуя, поднимая сознание масс, доводя до каждого революционный смысл марксистских идей. Идеи, неприемлемые для рабочих, не находящие отклика в их сознании отвергались самим равнодушием масс, не принимались к исполнению: так осуществлялся стихийный классовый пролетарский контроль за всей деятельностью партии.

Потому что в последующий период, непосредственно руководя государством, КПСС в проведении своей политики утратила нужду в посредничестве пролетарских масс, и, следовательно, освободилась от их контроля. Точно так же партийная верхушка, осуществляя прямое воздействие на высшие государственные органы, свободна от контроля всей массы рядовых членов партии.

В таких условиях у партийной верхушки нет никаких причин остаться выразительницей и защитницей интересов пролетариата: они неизбежно вытесняются собственными интересами верхушки, ибо ничто не препятствует ей удовлетворять свои интересы за счет пролетариата.

Партийная верхушка не могла бы властвовать, не опираясь на определенную социальную силу. Такой силой является правящий класс - Администрация, который и выдвигает саму верхушку, и контролирует все ее решения, и функционирует под ее руководством.

Этот правящий класс давно уже приспособил и партийный и государственный аппарат к тому, чтобы умолчанием и посулами, ложью и насилием держать массы в повиновении, не руководить, а повелевать ими, чтобы отгородиться от беспокоящего движения масс.

Соответственно Администрация не только присваивает блага для удовлетворения собственных потребностей, но и обеспечивает ими весь административно-партийный слой. И уже в недрах этой чиновничьей системы - опять же под надзором Администрации - решается вопрос о ценах и заработной плате, о распределении труда, то есть о том, как обеспечить пролетариат хотя бы минимальным количеством благ, позволяющим удержать его в повиновении. Вот кто является подлинным хозяином, вот в чьих частных интересах, без какого бы то ни было классового контроля всей пролетарской массы функционирует вся хозяйственная система.

Контрреволюционный переворот налицо.

Как же и когда произошел этот переворот? Какие силы его произвели? Почему переворот оказался таким бесшумным?

Предреволюционная Россия начала 20-го века была насыщена борьбой различных политических течений. Пролетариату было что сравнивать и из чего выбирать. И он безошибочно выбрал большевизм, выделил его как направление, наиболее последовательно проводящее марксистские - а, следовательно, и пролетарские - идеи. В борьбе за связь с пролетарской массой, за внедрение марксистско-ленинских идей сформировалось ядро партии - группа подлинных вождей, личное признание которых пролетарской массой сплачивало не только партийные ряды, но и весь класс. Принцип демократического централизма не выдвигал этих людей: они выдвигались от тех коллективов, которые сами же и организовывали, первоначальным условием формирования которых были одобрение и поддержка идей, пропагандируемых вождями.

Здесь отсутствует часть текста - одна рукописная страница. Утеряна она и в оригинале.

...и это было исторической неизбежностью, так как **правящая** партия уже не удовлетворяла критерию **служения** пролетариату.

Проникновение буржуазных тенденций не могло сказаться сразу, потому что в центре партии находились - и главнейшие вопросы политики направляли вожди, оцененные и признанные пролетариатом еще до революции. Ленин, а после его смерти - Сталин, проводили политику в интересах пролетариата, отражающую взгляды пролетариата, опирающуюся на силы пролетариата. И на более низких руководящих уровнях оставались еще кадры, вовлеченные, воспитанные и выдвинутые революционной борьбой. Но время шло, и они с неизбежностью замещались иными кадрами, привлекаемыми правящим положением партии.

Усилиями партии формировались все звенья государственной системы, включившей в сферу своей деятельности и управление гигантским хозяйством России. При этом происходило сращивание государственного аппарата и партии во всех важнейших звеньях сверху донизу, а так же с неизбежностью в партийной идеологической работе все большее место занимали текущие - хозяйственные, государственные задачи.

Проведению пролетарской политики немало способствовала, а во многом и самым решающим образом определяла атмосфера постоянной борьбы, постоянной политической дискуссии в самом партийном центре. Победа в борьбе предreshалась поддержкой пролетарской массы, и это заставляло вождей предельно чутко относиться к ее настроениям.

В свою очередь, пролетариат имел возможность выбирать, выделять по позиции, занимаемой в дискуссии,

вождя, наилучшим образом выражающего интересы пролетариата, хотя бы из того узкого круга, который и составлял партийный центр. Не случайно Сталин, глубоко владевший марксистской теорией, постоянно побеждал в таких дискуссиях и всегда был готов решать вопросы обращением к пролетариату.

Дискуссионная обстановка в партии интенсифицировала политическое развитие, рост партийных рядов. Но она же самым дезорганизующим образом действовала на государственный аппарат, через свои прочнейшие связи с партией вовлекаемый в эти дискуссии. По мере стабилизации хозяйства это вредоносное действие становилось все ошутимее.

В 1935-1937 г. г. оппозиция была окончательно удалена из партии. Это имело ряд важнейших последствий.

Во-первых, партийно-государственная система приобрела чрезвычайную монолитность, которая, может быть, только и позволила СССР выстоять в битве с фашизмом.

Во-вторых, пролетариат был полностью лишен возможности выявлять вождей и влиять на их выдвижение: с этого момента интересы пролетариата защищались настолько, насколько их представлял лично Сталин.

В-третьих, Сталин лишился возможности проверять свои политические решения поддержкой масс.

Диктатура пролетариата на этом еще не прекратила своего существования, ибо в меру своих способностей Сталин был предан интересам пролетариата и неуклонно воплощал их в своей политике. Но были полностью утрачены условия воспроизводства диктатуры пролетариата: она должна была умереть со смертью Сталина.

1935-1953 годы - вот период даже не умирания, а омертвления диктатуры пролетариата в СССР.

Почему же последующие события не могли выдвинуть лидера, равного Сталину или даже превосходящего его в защите интересов пролетариата?

К этому времени строение общества в СССР было уже таково, что полностью исключало пролетарскую демократию, возможность свободного волеизъявления организованного пролетариата. Монолитный партийно-государственный аппарат, приспособленный только для проведения идей сверху, имеющий по всей своей сущности лишь исполнительный характер, одновременно располагал всеми средствами прямого подавления, полным контролем над всеми средствами массового идеологического воздействия и полным контролем над всеми общественными организациями. Естественно, этот аппарат не намерен был допускать распространение каких бы то ни было идей, задевающих его интересы, как бы ни нужны были эти идеи пролетариату. А все идеи, отражающие интересы пролетариата, несли для него опасность, по крайней мере в том, что требовали от него динамики, постоянных усилий, направленных на достижение целей пролетариата. Зато этот аппарат был готов действовать в своих собственных интересах - расширяя свои права, блага и привилегии и не обременяя себя дополнительными обязанностями.

В этих условиях у пролетариата не было ни возможности организовать, ни возможности выделить нового лидера, ибо лидеры, несущие пролетарские идеи, не имели ни малейшей возможности наладить массовые связи с пролетариатом. Кроме того, совершенно очевидно, что сознание общества, сознание пролетариата было абсолютно не подготовлено к восприятию, к осознанию столь всеобщей и чрезвычайно много значащей перемены, сосредоточенной всего лишь в факте смерти вождя. С ужасающим бесстрашием общество отнеслось к расправе над последними марксистами-революционерами, к клеветнической компании по разоблачению культа личности.

Такой крутой и жуткий поворот не имел никаких подобий в истории, и нужна была историческая дистанция, чтобы в сознании общества созрели должные оценки.

Партийно-государственная верхушка, Администрация, отделенная от пролетариата слоем второстепенных административных исполнителей получила возможность выдвигать лидера из своей среды и в соответствии со своими интересами меняла их (Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев) до тех пор, пока не остановилась на наиболее подходящем. Администрация и ранее опасно сопротивлялась диктату вождя - и это было ее противодействием диктатуре пролетариата. Освободившись от диктатуры пролетариата, она немедленно доказала, что не намерена признавать никакой диктатуры вообще, впредь намерена сама диктовать любому главе основные направления политики. Л.И. Брежнев вступил на свой пост под лозунгом: «прекратить перетряхивать кадры, дать людям возможность спокойно работать». Это и была необходимая верхушке гарантия устойчивости ее положения.

Контрреволюционный переворот произошел. При глубоко капиталистической сущности порожденного им общественного уклада, форма общества, его структура приобрела весьма своеобразные черты. Отношения Администрации и трудящихся моментально деградировали до уровня феодальных. Полновластие в распределении благ, полновластное владение всем народным хозяйством освободило Администрацию от угрозы какого бы то ни было конкурентного экономического давления, - а значит стала не нужна погоня за максимальной прибылью и сопутствующее ей развитие производства.

Беспокойство Администрации свелось к тому, чтобы ее крепостные могли хоть как-то прокормить себя, обеспечить воспроизводство рабочей силы, но - главное - полностью удовлетворяли потребности хозяина - Администрации.

В то же время распределение благ, экспропрированных у пролетариата внутри самой верхушки, среди диктаторствующей Администрации осложнено нагромождением ничего уже не значащих формальных требований, оставшихся в наследство от предыдущих этапов государственного развития. Неизбежная борьба за распределение благ в самой административной среде в силу этого носит мелкобуржуазный, крохоборный характер, когда ради личной копеечной выгоды гребятся миллионы и миллионы, именно потому, что они «ничьи» и в личную

собственность превратиться не могут. Это неестественное положение чревато неизбежными кризисами, разрешение которых всякий раз шаг за шагом ведет к обнаружению и узаконению капиталистической сущности, т. е. к приведению формы в соответствие с содержанием.

Эта странная, не наблюдаемая ранее форма капитализма вводит в заблуждение многих - и в стране и за ее пределами. Этому немало способствует отсутствие подлинно социалистического образца для сравнения, широкая пропаганда (внутри страны - вообще подавляющая) превдомарксистских теоретических измышлений верхушки и обособленность, отделенность социалистического мира от капиталистических проблем, причины которой толкуются как особенности социализма, а на самом деле предопределены феодальной структурой. Но несмотря на мишуру великих украшений и толкований, капитализм остается капитализмом.

Если представить себе убежденного марксиста, случайно оказавшегося во главе КПСС и задавшегося целью вернуть страну на путь коммунистического развития, путь следования интересам пролетариата, то можно представить и какие непреодолимые трудности встали бы перед ним, какое сопротивление оказала бы ему Администрация. Даже если бы этот лидер располагал поддержкой масс, едва ли он смог бы добиться решающих перемен - слишком ревниво стена Администрации пресекает все возможности организованного контакта с массами.

Конечно, во главе сложившейся в СССР системы марксист не может оказаться даже случайно. Но все же история дает возможность рассмотреть на фактическом материале и эту ситуацию. Именно в таком положении оказался Мао Цзедун.

До середины пятидесятых годов политическое развитие Китая ускоренными темпами повторяло опыт СССР. Возможно, иные причины, а возможно - события, связанные с появлением на политической арене Н.С. Хрущева, заставили Мао Цзедун задуматься о состоятельности системы, способной выдвигать подобных деятелей в высшие руководители. Анализ ситуации в Китае подтвердил худшие опасения: с некоторыми национальными отклонениями (кстати, усугубляющими положение) китайская система была копией российской. И в Китае уже явственно обозначился отрыв партии от масс, оформление ее верхушки в качестве паразитирующего организма.

Очевидно, что справиться с этим перерождением, преодолеть его, как и любую из уступок пролетариата буржуазии, можно только революционным путем, только через **мобилизацию** масс на революционную борьбу. Время, когда такая революция могла бы стать продолжением предшествующей, было уже упущено. Дилемма: уходить в низы для организации нового революционного движения или максимально использовать личное положение, популярность и сохранившуюся власть над административной системой для подъема революционного сознания масс - эта дилемма в конкретной обстановке имела для Мао Цзедун единственное рациональное решение. И Мао Цзедун энергично взялся за его осуществление.

Политика «большого скачка» была попыткой разжечь инициативу масс, пробудить их сознательное отношение к происходящим событиям сравнительно «мирным» путем. Пробуждение сознания дало бы надежду на его развитие до пролетарского контроля над управляющей системой, но политика успеха не принесла. Повиновение, а не осознание оставалось решающим фактором.

Тогда «культурная революция» - прямой призыв к расправе над сформировавшимся чиновничеством, попытка на жестоких фактах продемонстрировать массе, что именно она является хозяином положения в стране, что в своих коллективных действиях она всесильна. И когда, наконец, и в этом процессе не удалось добиться решающих революционных сдвигов - особое внимание к теории регулярных революционных встрясок: учению Маркса о непрерывности революции вплоть до коммунизма.

Мао Цзедуну не удалось поднять новую волну революции: лишнее напоминание, что революция не делается по заказу. Но то, что сделано Мао Цзедун для развития сознания китайского пролетариата, трудно переоценить. Дестабилизированная обстановка в Китае и после смерти Мао Цзедун обеспечивает продолжение подъема сознания, ибо вынуждает искать опору для выбора позиции. Даже если этот процесс не выльется в новое революционное движение, и властям удастся стабилизировать обстановку в стране, память о «культурной революции» будет вновь и вновь порождать вспышки революционных настроений.

Смерть Мао Цзедун для Китая, так же как и смерть Сталина для СССР, означала завершение периода диктатуры пролетариата. Первая грандиозная волна пролетарских революций, продолжавшаяся шесть десятилетий, прошла: наступил всемирный кризис рабочего движения.

Что дает нам опыт существования диктатуры пролетариата в этих двух крупнейших странах?

Первое - то, что победа социалистической революции и даже полное утверждение диктатуры пролетариата, сопряженное с ликвидацией буржуазии как класса, не является гарантией окончательного поворота к коммунизму. Если пролетариат не находит способа принять на себя исполнение важнейших общественных функций, если он не находит организационных форм, позволяющих осуществлять контроль над распределением благ всем классом, то буржуазия рождается опять и опять, и вновь занимает свое привилегированное положение в обществе.

Второе. Капитализм доказал свою живучесть, доказал, что он присутствует, как вирус, в любом социалистическом обществе и готов вести свою тихую борьбу за мирную ликвидацию революции, за перерождение строя, за свою бесшумную победу. Это надо понимать так: административная интеллигенция, которой пролетариат вынужден доверить немало важных общественных функций, вырываясь из-под контроля, стремится оформиться в класс, и этот класс - буржуазный.

Третье. Выявилась важнейшая связь между основными категориями пролетарского движения. И ранее было ясно, что пролетарская демократия немислима без диктатуры пролетариата, но история пролетарских государств доказала и обратное: диктатура пролетариата не может существовать без пролетарской демократии.

Завоевание власти и ее защита в боях с врагами явными - это оказалось по плечу пролетариату. Но на первый план выступила иная задача: сохранение боеспособности диктатуры пролетариата в разъедающей среде товарно-денежных отношений.

Оказалось, что пролетариат не может полностью довериться никаким социальным силам, даже порожденным самой рабочей средой - для осуществления контроля над ними совершенно необходимо поддерживать определенный уровень **самодетельной** организованности пролетариата в целом, постоянную способность к общепролетарским классовым действиям против любых обособленных сил, в том числе и против государства.

Коммунизм - это общество высшей и целиком самодетельной организации: ее единственным источником служит самодетельная организованность рабочего класса, формируемая массовым действием. Значит, для закрепления на пути, ведущем к коммунизму, пролетариату предстоит подняться еще на одну ступень к более высокому уровню сознания. Одержав крупнейшие победы в битвах с капитализмом, пролетариат затем в бесшумной борьбе потерпел не менее сокрушительные поражения. Нигде пролетариат так не бесправен, как в странах социализма, где все рабочие организации взяты под жесточайший контроль правящим классом, вернее, просто находятся в услужении у правящей верхушки, а несогласие с этим и любые самодетельные действия категорически пресекаются. Нигде, к тому же, правящий класс не присваивает себе с такой наглостью исключительное право представлять весь народ, своими газетными барабанами вдавливая в голову пролетариата, что именно в том и состоят его пролетарские интересы. Нигде материальное положение рабочего класса не находится в таком вопиющем несоответствии с уровнем производства. Нигде, кроме как в социалистических странах, над нищетой и бесправием пролетариата не произносятся столь лицемерно слова о росте материального благосостояния и культурном развитии пролетариата, нигде не звучат так ханжески призывы к добродетелям и трудовым подвигам, не произносятся с ужасающим цинизмом святыне лозунги марксизма.

Кризис социалистического движения привел к вырождению социализма пролетарского в одну из самых уродливых форм социализма - разлагающийся, хищнический, шакалий социализм административной верхушки, грабщей пролетариат не столько для удовлетворения личных потребностей и присвоения богатств, сколько для того, чтобы уничтожить остальное. Ведя свою мелкобуржуазную междоусобную борьбу вокруг награбленного, правящий класс нимало не заботится о том, что остается пролетариату, а своей бесхозяйственностью, равнодушием, наплевательством гноит и переводит впустую неимоверное количество труда, вложенного пролетариатом.

...То, что это прикрывается красивыми фразами: «...и по Марксу и по Ленину», то, что это обосновывается теоретическими разработками, «развивающими» марксизм - это никого не должно вводить в заблуждение. И капитализм, какие бы формы он не принимал, никогда не пренебрегает никакими средствами идеологического давления в борьбе за свои интересы, в борьбе с растущей организованностью пролетарских масс - и эти новейшие буржуазно-феодалные формы социализма ни в чем существенном не отступают от своей капиталистической сути.

И Маркс и все верные ему последователи вели борьбу не просто за социализм, а за пролетарский социализм, который означает всевластие пролетариата, демократию для пролетариата. И пролетариату всегда надобно помнить, что только его собственная непререкаемая и ни с кем не делимая диктатура является обязательным условием прогресса, развития общества до коммунистического.

Пролетарское движение всего мира в XX веке вольно или невольно проходит под решающим влиянием событий в социалистических странах.

Победа пролетариата в Октябрьской революции породила подъем революционного движения даже в самых отдаленных от России странах, способствовала возникновению многих коммунистических партий, утверждению марксистской идеи в различных рабочих течениях. Волна революционных схваток прокатилась по всем континентам, но нигде пролетариат не был настолько организован, настолько силен, чтобы захватить и удержать власть. После ряда отступлений буржуазии удалось удержаться и вернуть свои позиции. Интернациональное развитие революционного процесса было приостановлено.

Победа пролетарской революции в России для международного пролетариата послужила мощным эмоциональным толчком, особенно способствовавшим взлету крайне левых настроений. Это действие не могло быть долгосрочным.

Крушение не подготовленных реальной обстановкой левацких авантюров неизбежно приносило отрезвление, требовало от рабочего класса более глубоких оценок. Тому же способствовало развитие событий в самой России. С воскрешением в СССР некоторых форм капиталистических отношений (НЭП), с обращением к концессионной политике завоевания пролетариата утратили свою наглядность, восприятие их перешло из сферы эмоциональной в сферу аналитическую. Все большую роль стала играть оценка экономических успехов СССР - а их развитие было в значительной мере задержано разрухой, порожденной Мировой и Гражданской войнами, сложностями самого

революционного процесса.

Социалистическое строительство в СССР продолжало возбуждать интерес всех трудящихся - но уже как грандиозный эксперимент, от результатов которого зависела направленность их собственных действий, активность в классовой борьбе.

Героическое противостояние советского народа германскому фашизму и полная победа над ним внесли новую эмоциональную струю в международное пролетарское движение, побудили к усилению классовой солидарности. Но действия пролетариата при этом не имели прямой революционной направленности. Активно сопротивляясь фашизму, оказывая поддержку СССР, международные пролетарские силы защищали свое право на социальный эксперимент, с которым были связаны многие их надежды, защищали свою заинтересованность в генеральной проверке марксистских идей в практическом масштабе - на опыте социалистического государства в СССР. А СССР, понесший во Второй мировой войне колоссальные потери, вновь вынужден был заняться восстановлением своего хозяйства, вновь был отброшен назад в своем экономическом развитии. Появление в послевоенный период стран народной демократии, возникновение социалистического лагеря расширило рамки эксперимента, но не внесло изменений в его сущность.

Не случайно основной очаг революционного движения в последний период сместился в освободившиеся от колониального ига страны. Их экономическая отсталость часто не позволяла надеяться на успех в буржуазной конкурентной борьбе с промышленно развитыми странами - социалистический путь уберегал их от безжалостного ограбления. Однако столь же не случайно те из них, которые обладали достаточно развитой национальной буржуазией, избирали путь сотрудничества с капиталистическим миром, не встречая особого сопротивления со стороны трудящихся слоев.

Такой, как бы «ненормальный», не предусмотренный теорией сдвиг революционности от наиболее развитых стран к отсталым позволяет понять, что решающим фактором активности революционного пролетарского движения во всем мире на современном историческом этапе является **экономическое** положение рабочих в социалистических странах и в первую очередь - в СССР.

Стимулом к действию для человека всегда служат два фактора: желанность цели и оценка затрат на ее достижение; хотим мы этого или не хотим, но классовая активность пролетариата, его готовность к революционным действиям определяется тем же. Кроме конструктивности руководящих идей, т. е. кроме доступности их для воплощения в реальных действиях, пролетариат должен видеть и значительность, содержательность результата, к которому они приведут, то есть реальное изменение политического, экономического и социального положения рабочих.

Если в начале XX века в качестве меры революционности пролетариата выступало различие в политическом, экономическом и социальном положении рабочего класса и буржуазии, то после победы Октября такой мерой стало сравнение положения рабочих при капитализме и в социалистических условиях. Вот почему развитие социалистической экономики стало решающим фактором мирового революционного движения.

Утрата диктатуры пролетариата, буржуазное перерождение социалистического лагеря, воскрешение в нем феодальных отношений продолжают оставаться скрытыми от пролетариев всего мира. Последствия такого перерождения обоюдными усилиями и буржуазной и социалистической пропаганды толкуются как естественное, вполне «марксистское» развитие пролетарских завоеваний. И хотя китайская пропагандистская система приложила немало усилий для раскрытия действительного положения, ее утверждения лишены авторитета из-за экономической отсталости самого Китая. Положение рабочих в СССР продолжает восприниматься пролетариатом всех стран как **нормальный** результат реализации марксистских идей. Неудивительно, что у рабочих развитых капиталистических стран борьба за достижение **такого** результата не вызывает революционного энтузиазма.

Лидеры коммунистических партий ведущих капиталистических стран давно уже уяснили непопулярность в пролетарской массе идей, связанных с повторением российского опыта, но вместо того, чтобы подвергнуть реальные факты материалистическому анализу, вместо того, чтобы отделить задачи и направленность пролетарской революции от ошибок и извращений, приведших к краху диктатуры пролетариата в социалистических странах, вместо углубления в теорию, коммунистические партии сами поддались поверхностному пропагандистскому влиянию, заняли оппортунистические позиции, почувствовали себя «свободными от марксизма». Экономическая заторможенность социалистических стран в сопоставлении с определенными успехами наиболее развитых стран капиталистического лагеря неизбежно рождает в пролетарской среде менее развитых стран тенденцию к социальному движению в направлении «улучшенной», «усовершенствованной» капиталистической системы. Эта тенденция ничего общего не имеет ни с марксизмом, ни с интересами пролетариата, но именно она эксплуатируется такими наиболее многочисленными коммунистическими партиями, как французская, итальянская, и некоторыми другими. Именно она положена в основу «новых моделей» социализма с откровенно буржуазной начинкой, именно она надиктовала обширную псевдомарксистскую «теоретическую» литературу, именно она является источником и опорой псевдокоммунистической пропаганды.

Это означает не только кризис пролетарской идеологии, но и всемирный кризис философии и политической экономии вообще. В наше время - время всеобщего кризиса капитализма - политическая обстановка в мире меняется с поразительной быстротой, ибо капитализм постоянно вынужден изобретать все новые и новые практические уловки, чтобы уберечь себя от окончательного распада. В таких условиях любая идеалистическая

философская система в считанные месяцы разбивается на крутых поворотах действительности. Мало того - любые предсказания ее неизбежного крушения, основанные на сдвиге точки зрения в сторону материализма, незамедлительно получают подтверждения. Ни одна позитивная платформа не выглядит состоятельной и не успевает свою состоятельность доказать - наоборот, неизменно утверждается состоятельность негативных, опровергающих построений. Не случайно все чаще и чаще в печать прорываются разработки «философии всеобщего отрицания», иногда приукрашенные по желанию авторов сумбурными практическими рекомендациями.

И остается в стороне единственная теория, способная понять и объяснить все повороты и выкрутасы капиталистического общества. Эта теория - марксизм.

Понятно, почему избегает ее правящий класс: она продолжает предсказывать ему неминуемую гибель. Причины непопулярности марксизма в левой, критически настроенной среде менее очевидны. Но они заключаются в том, что все попытки марксистского, материалистического осмысления современности начинаются со стремления постичь на этой базе закономерности существования стран социализма и постичь их именно как закономерности **социалистического** развития. Вместо того, чтобы понять их капиталистическую сущность, увидеть ее в ее необычайно сложной, запутанной, закамуфлированной форме - вместо этого производится насилие над марксизмом, он «развивается» и «обогащается» до такой степени, чтобы вместить страны социалистического лагеря в рамки социалистических представлений теории.

После такого «усовершенствования» марксистская теория или то, во что она превращается, становится настолько непригодным инструментом, что с его помощью можно доказывать социалистический характер буржуазных государств, гармонию классов в капиталистическом обществе, переход революционности к интеллигенции. Можно доказывать все, что угодно, но вот осмыслению реальных процессов, происходящих в мире, этот инструмент ничем не может помочь.

Так рождаются многочисленные конструкции «истинного», ортодоксального, «подлинного» марксизма, замечательные тем, что отказываются от главного в марксизме - от его **материалистической** основы и вбирают в себя массу всякой идеалистической мешанины, начиная с этических обоснований марксизма и кончая «омарксизмленным» фидеизмом. И это только пополняет ряды многочисленных идеалистических теорий, беспощадно разбиваемых жизнью.

Если слаборазвитые страны еще способны вести борьбу, движимые стремлением преодолеть собственную отсталость, то все остальное человечество переживает сейчас великий социальный кризис. Этот кризис сочетает в себе всеобщий кризис капитализма и кризис философии, кризис марксизма и кризис рабочего движения. Глубина этого кризиса порождена тем, что, когда капитализм уже почти полностью исчерпал социальные ресурсы своего существования, оказалась несостоятельной единственная реальная противостоящая ему альтернатива - социализм. И эта несостоятельность заключается в том, что социализм не смог представить экономических доказательств, убеждающих массы.

То, что этот кризис - кризис, порожденный массовым заблуждением, то, что **пролетарский** социализм не может представить свои доказательства по единственной, но уважительной причине - потому что он просто не существует в действительности, а существует в заблуждающемся воображении - это будет осознано человечеством не скоро.

Нужен решающий аргумент. И таким аргументом, несущим выход из затяжного социального кризиса, может быть только установление в одной из стран подлинной диктатуры пролетариата, реализация ее преимуществ в экономике и - на основе этого - коренные перемены в социальном положении трудящихся. Только самым явным образом обозначенный разрыв в политическом, экономическом и социальном положении рабочих сможет вновь революционизировать пролетариат самых передовых капиталистических стран, указать им путь борьбы.

В настоящее время опять только единственная страна - Россия - способна принять на себя эту историческую миссию. Революционность российского пролетариата, опять-таки диктуемая различием в положении трудящихся слоев и правящего класса, уже достигла социально решающих величин и продолжает возрастать. Углубляющийся кризис советской экономики настоятельно требует разрешения - таким разрешением может стать восстановление диктатуры пролетариата. Но пролетариат России слабо организован, ему чрезвычайно трудно организовать и наладить обмен идеями, и если момент для повторения пролетарской революции будет упущен, то кризис в России завершится заурядным превращением теряющей устойчивость государственной экономической системы в частнокапиталистическую, что резко затруднит ведение пролетарской политической борьбы и отодвинет Россию в безликий ряд второстепенных капиталистических держав.

История не слишком щедро предоставляет пролетариату возможности для решающих побед. Но поражения и неудачи тоже способствуют накоплению ценнейшего опыта, развитию мировоззренческой теории и пролетарского классового сознания и, следовательно, преодолению последних заблуждений на пути к окончательной победе.

ГЛАВА IV

ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИКТАТУРА И ПРОЛЕТАРСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Одержав политическую победу, то есть прочно захватив власть, пролетариат самым коренным образом изменяет

сущность всех принадлежащих обществу ценностей. Средства производства, жилой фонд, земли, природные богатства, произведения искусства, исторические памятники - все это становится собственностью пролетариата. Становится собственностью немедленно - не дожидаясь национализации, каких-либо актов изъятия и передачи - с самого момента утверждения власти.

История, как будто бы, готова предоставить факты, противоречащие этому утверждению. Происходит пролетарская революция - но сохраняются мелкобуржуазные крестьянские хозяйства, производят и продают свои товары ремесленники, владельцы ненационализированных предприятий продолжают свою погоню за прибылью... . Все это так, так. Но это - только форма, видимость, тень былого капитализма.

С момента победы пролетариата вступает в силу основной закон социализма. Победивший пролетариат для сохранения функциональной целостности общества нуждается в деятельности самых различных слоев населения - и потому должен **стимулировать** эту деятельность. Сущность собственности в корне меняется с победой пролетариата, но сознание людей не способно откликнуться на эту победу столь же быстрыми изменениями. Это сознание еще не готово к признанию новых стимулов, оно живет буржуазными представлениями, оно еще оценивает результат деятельности только буржуазной мерой, стремится к буржуазным индивидуалистическим целям.

Пролетариат вынужден считаться с этим. Видимость прибыли, видимость собственности, видимость ее защиты законом - вот что он выдвигает в качестве стимула деятельности тех слоев населения, которые еще важны для общества, но совершенно не готовы к социалистической переориентации. Это - не капитализм, не остатки капитализма, это - всего лишь внешнее подобие, это - внешне уподобленная капиталистическим отношениям форма стимулирования, понятная определенным слоям, привлекающая их к общественно полезной деятельности. Эта форма стимулирования может быть вытеснена другой формой. Она может быть вообще отменена - если пролетариат находит способ принять на себя или вообще освободиться от функций, исполняемых некоторым социальным слоем. Эта форма применяется там, где она выгодна пролетариату, где соответствует его интересам и до тех пор, пока соответствует.

Все подчиняется интересам пролетариата - такова правовая основа социалистического общества: все остальное законодательство - ее прямое следствие. И когда поднимается разговор о демократии для непролетарских слоев, не надо искать опоры в исторических прецедентах (их попросту нет). Реальную власть пролетариат ни с кем не должен делить, а демократические возможности для выражения мнения и интересов непролетарских социальных групп и классов допускаются лишь потому, что учет этих интересов, учет их изменений способствует динамичной перестройке применяемых систем стимулирования, позволяет направлять деятельность непролетарских слоев к **максимальной эффективности в интересах пролетариата**. Таким образом, диктатура пролетариата никогда и ни в коей мере не должна рассматриваться как политическая система, обеспечивающая подлинную демократию для каких-либо классов и слоев, кроме самого пролетариата. В вопросах права и политики, в экономических и социальных решениях диктатура пролетариата всегда должна сознавать себя истинной, полновластной диктатурой, руководствуясь при предоставлении определенных свобод непролетарским слоям населения и при ликвидации этих свобод исключительно интересами пролетариата - точно так же, как и в вопросе ликвидации частной собственности на средства производства.

Это не означает разнузданного произвола или монархического самоуправства в отношении непролетарской части общества: безрассудство не в интересах пролетариата, и пролетарская диктатура должна заботливо создавать всем слоям такие условия, в которых отдача их деятельности на пользу пролетариату будет наиболее полной. Но как и в заботах, так и в ограничениях и репрессиях диктатура пролетариата должна последовательно руководствоваться интересами класса, нисколько не считаясь с противоречащими им интересами иных слоев.

Социалистическая система **является высшей формой демократии** не потому, что готова предоставить всеобщее избирательное право буржуазии или определенные буржуазные привилегии интеллигенции, а потому, что правящим классом впервые в истории становится **открытый класс**, и каждый член общества имеет возможность вступить в этот класс, приобретая все связанные с этим привилегии и принимая на себя соответствующие обязанности. Единственно реальной формой демократии в социалистическом обществе является **демократия для пролетариата**, и этого вполне достаточно для того, чтобы общество постепенно превращалось в общество **без классов**, а пролетарская демократия становилась **демократией для всех**.

Пролетарская демократия - единственная классовая демократия, превращающаяся в демократию для всех. Но для этого совершенно необходимо, чтобы правящим классом оставался пролетариат - этот единственный **открытый** класс из всех классов, ведущих в истории борьбу за господство в обществе. Для этого диктатура пролетариата на всем пути к коммунистическому обществу должна не только неизменно побеждать в борьбе с другими классами, но и должна подавлять зарождение и развитие всяких иных классов всегда, пока для такого зарождения и развития существуют условия в обществе.

Так что же такое диктатура пролетариата?

Как рабочий класс должен осуществлять свою диктатуру?

Сказать, что диктатура есть государственная власть - это еще недостаточно. Да, социалистическое государство не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата. Но государство и пролетариат - это различные, по-разному организованные социальные субъекты, и для того, чтобы их интересы хотя бы на каком-

то историческом отрезке были тождественны, необходимо выполнение соответствующих этому условий.

Государство и классовая диктатура не тождественны и в другом отношении. Государство как некий функционирующий механизм есть средство осуществления диктатуры, средство направленного принуждающего воздействия на общество. Но для того, чтобы это средство было инструментом какого-либо класса, управляло обществом в интересах этого класса, необходимо, чтобы этот класс - именно класс, а не отдельные его представители - держал в руках определенные рычаги, определенные силы, принуждающие государство воспринимать интересы этого класса как свои собственные.

Диктатура класса есть система общественных отношений, обеспечивающая правящему классу контроль над обществом, включающий подавление политических инициатив других классов, угрожающих диктаторскому положению правящего класса.

Буржуазия выдвигает самые демократические принципы формирования государственной власти, она передает государству колоссальные денежные средства в форме налогов на прибыли - не опасаясь, что это будет направлено против нее, буржуазии. Она требует от государства одного: беспрекословной защиты частной собственности, ибо в этой собственности и заключается ее сила. Именно собственность, оказывая свое организующее действие, давая право на распределение благ и обеспечивая тем самым существование служащих буржуазии наемных организаций, гарантирует буржуазии ее правящее положение, ее контроль над государством.

Пролетариат как совокупность рабочих вообще не располагает возможностью построить свою диктатуру на аналогичной основе. Пролетариат - неимущий, рабочему нечем оплатить свое влияние на государственные решения. Как рабы в древнем Риме восставали против одних рабовладельцев, чтобы выдвинуть других, как крестьяне в России поднимали бунты за «доброе царя», так и пролетариат, выдвигая власть, поручая ей распределение благ и теряя, выпуская все средства контроля над ней, выдвигает себе новых хозяев, новую буржуазию. Так бы оно и было, если бы не одно обстоятельство. Это обстоятельство - рожденная общественным характером производства **способность пролетариата к самоорганизации**.

Именно способность к самоорганизации позволяет пролетариату на определенном историческом этапе стать хозяином положения. Но, реализуя эту способность, пролетариат перестает быть простой совокупностью рабочих - он уже выступает как класс, как единый социальный субъект и в этом качестве становится самой грандиозной силой в обществе. Одерживая победу в классовой борьбе, пролетариат опять же как единый субъект становится владельцем всех богатств общества, но вот распорядиться ими, использовать их в своих субъективных классовых интересах просто так не может. Для этого он вынужден строить довольно сложную социальную систему, строить из того материала, который ему предоставила история, на базе тех отношений, которые сложились в обществе к данному моменту - но так перестраивая и перекраивая эти отношения, чтобы они стали обеспечением классовой пролетарской диктатуры. Система общественных отношений, опирающаяся на способность пролетариата к самоорганизации, то есть имеющая в своей основе самостоятельную организованность пролетариата, может существовать лишь в том случае, если в ходе своего функционирования она приносит удовлетворение определенных пролетарских интересов, а именно - интересов организующих, коллективистских, имеющих общественный характер, сливающихся в классовом интересе. Государство играет в этой системе роль социального механизма, принуждением, стимулированием добывающегося от отдельных индивидов определенным образом направленной деятельности и регламентирующего в зависимости от этого удовлетворение их личных индивидуалистических потребностей. Из этого легко понять, что если другие связи государства со всей системой ослабляются, если государство замыкается в этой роли, в этом круге функций, оно начинает функционировать в интересах своего собственного аппарата, и этот аппарат превращается в паразитирующий организм, заставляющий служить себе все общество. При этом прекращается удовлетворение тех интересов рабочих, которые носят общественный характер, прекращается удовлетворение их духовных потребностей - а это ведет к ослаблению самоорганизации пролетариата и прямо способствует оформлению государственного аппарата, высшего чиновничества в господствующий класс, эксплуатирующий рабочие массы.

Задачей организованного, революционного пролетариата является недопущение такого обособления, замыкания государства. Пролетариат должен использовать государственный механизм для проведения своей классовой воли, то есть для того, чтобы, играя на индивидуалистических интересах членов общества, направлять их деятельность на удовлетворение общественных интересов, чтобы закреплять в общественных отношениях и в сознании индивидов заданные интересами общества требования. А для того, чтобы это было возможно, чтобы это стало реальностью, пролетариату приходится решать и ряд других задач. Это - пресечение самостоятельности государства, направленной против пролетариата. Это - изменение функций государства, изменение поставленных перед ним задач в соответствии с изменяющимися, развивающимися интересами пролетариата. Это - категорическое изъятие у государства всяких возможностей препятствовать свободному развитию пролетарских интересов. Без решения этих задач, без построения всей системы отношений, обеспечивающей последовательную реализацию развивающихся революционных, обновляющих общество интересов пролетариата, ни о какой диктатуре пролетариата не может быть и речи.

Государство противостоит обществу и в этом противостоянии обладает немалыми преимуществами. Даже буржуазное государство, экономические возможности которого определяются волей капиталистов, и то располагает колоссальным количеством благ, распределяет существенную долю общественного богатства. Социалистическое

государство берет на себя распределение всех благ, и в обществе нет и не может быть никаких сил, сравнимых с государством по этому показателю. А это означает, что вся мощь оплачиваемых социальных организаций направляется на защиту интересов государства. Как может общество в этих условиях защитить себя от эксплуатации государством?

Но государство имеет свои слабости. Прежде всего его организованность оплачена, она стимулируется материальными благами - и это значит, что действия членов отдельных звеньев этого механизма в защиту его общих интересов порождаются экономической зависимостью, а не диктуются коренными интересами его членов. Во-вторых, каждый член государственного аппарата не просто получает возможность присваивать некоторое количество благ, а обеспечивается ими на определенных условиях - и в этом смысле подконтролен обществу. В-третьих, сама система, по которой организуется государственный механизм формируется не государством, а всем обществом; она-то и ставит перед каждым членом государственного аппарата определенные условия, диктуемые интересами общества.

Слабости есть, эти слабости должны быть использованы для контроля пролетарского общества над пролетарским государством, но использовать их очень не просто. Стихийные действия пролетариата такого контроля обеспечить не могут. Государство немедленно вывернется из-под контроля, оно перестроится и ликвидирует уязвимые точки. Чтобы контроль общества над государством был действенным, общество должно противопоставить государству такую силу, которая могла бы пресечь всякие попытки государства перестраиваться в обособленную от общества систему, которая могла бы вмешиваться всюду, где государство стремится высвободить свои звенья из-под общественного контроля, могла бы, наконец, разрушить всю государственную систему, если эту систему нельзя уже подчинить общественным интересам частными исправлениями.

Общество должно противостоять государству **организованно**. И такой организованностью может быть только самостоятельная организованность пролетарских масс, организованность более прочная уже тем, что базируется на единстве коренных интересов рабочих.

Государству должно противостоять общество, **организованное самостоятельной пролетарской партией**.

Самостоятельная пролетарская партия - вот та форма самоорганизации пролетариата, при помощи которой он может заставить государственный механизм служить своим пролетарским интересам, быть средством реализации диктатуры пролетариата.

Здесь важно все. Партия должна быть самостоятельной, то есть и добровольной, привлекающей людей исключительно благодаря их коллективистским, общественным интересам, и не обещающей никаких личных выгод, и связанной сознательной дисциплиной и личным энтузиазмом. Партия должна быть пролетарской, ибо только особое отношение пролетариата к совокупному продукту, производимому обществом, позволяет обеспечить распределение благ и труда в интересах всего общества. И это должна быть партия - ибо только партия может обеспечить подчинение единой политике, единому мировоззрению контроль за всеми звеньями государственного механизма, только партия способна организовать и направить действия масс на исправление и изменение этого механизма.

Но и это еще не все. Такая партия, мощнейшая организация, пользующаяся поддержкой пролетарских масс, обязательно будет иметь возможность взять на себя всю полноту власти, все управление обществом.

Вот этого она делать не должна!

Партия должна оставаться в противостоянии государству, она должна действовать на государство **только через пролетарские массы**. Иными словами, каждое партийное решение должно оцениваться поддержкой всего класса, его готовностью классовым действиям. Партия, служащая интересам пролетариата, не должна связывать свою деятельность с государственной, она должна находиться **в постоянной оппозиции государству**.

Тогда складывается такая схема общественных отношений. Государство управляет обществом, в том числе и совокупностью всех пролетариев. Партия контролирует государство. Пролетариат - всем классом - контролирует партийные решения при воплощении их в своих массовых действиях, направленных на изменение государственной системы. И наоборот: пролетариат передает партии, делегирует в партию свои самые передовые идеи; партия добивается реализации этих идей в государственных формах, государство закрепляет утверждение идей в обществе.

Вот та единственная схема общественных отношений, которая только и обеспечивает существование и постоянное воспроизводство диктатуры пролетариата в обществе.

Оценив общую расстановку сил, соответствующую диктатуре пролетариата, на конкретных задачах коммунистической партии мы должны остановиться для более глубокого рассмотрения.

В отличие от других компонентов диктатуры пролетариата, партия должна всегда четко сознавать и свою основную цель, и задачи каждого конкретного этапа. Это не значит, что партия должна быть мозгом общества - нет, партии скорее предназначена роль чувствительного органа, остро воспринимающего действительность и иницилирующего своими импульсами движение масс. Но, прежде чем воплотиться в определенных перестройках, каждый импульс должен быть осмыслен гигантским мозгом - сознанием пролетариата: только его одобрение придает импульсу действенность. Партия, отклоняющаяся от интересов пролетариата или отрывающаяся от его возможностей, немедленно почувствует это.

Ставя своей целью построение коммунистического общества, развитие общественных отношений до

коммунистических, партия должна понимать резкое расхождение ее собственных задач с задачами пролетарского государства.

Несмотря на то, что пролетарское государство **вообще** на этапе движения к коммунизму играет положительную роль, являясь единственным средством реализации этого движения, каждая **конкретная форма** пролетарского государства в свой исторический момент является самым отсталым элементом пролетарского общества, ибо всегда занята не поисками нового, а утверждением уже достигнутого и превзойденного сознанием общества. Государство, став пролетарским, несет свои передовые качества только во внешней стороне, только по отношению к непролетарской среде. По отношению к пролетариату оно всегда остается **буржуазным** и потому отмирает по мере того, как утрачивает опору на индивидуалистические качества самих пролетариев, всех членов общества.

Партия всемерно способствует этому отмиранию, своей идеологической работой добиваясь определенных изменений в сознании общества и организованного движения пролетариата за государственное закрепление происходящих изменений. Государство ни на какое опережающее воплощение идеологии не способно: оно изменяется, прогрессирует только под нажимом масс, оно теряет свои функции по мере их перехода в иной форме к коммунистическому общественному сознанию. Рост коммунистического общественного сознания, вообще говоря, состоит не в овладении культурой, не в освоении теории общественного развития - хотя все это и полезно - а в простом преобладании коллективистских начал над индивидуалистическими. Но развитие коллективистских интересов каждого члена общества прямо зависит от их удовлетворения: они расцветают от побед и чахнут от поражений. И вот тут партия и ее теоретическая вооруженность играют решающую роль, обеспечивая выбор победных путей, организуя массы для побед. Постоянное взаимодействие на основе общности интересов одно только и обеспечивает утверждение в каждом индивидуальном сознании главной коммунистической идеи, что социальное положение личности определяется совершенством ее коллективистских начал. Потому, кстати, и бесплодны всякие попытки «насадить» коммунизм через государство или через партийно-государственную правящую систему: нельзя рассчитывать на развитие коллективистских качеств, поощряя качества индивидуалистические. Массы к каждой исторически конкретной форме социалистического государства должны быть снисходительны до ее признания, но не почтения - именно об этом должна заботиться партия, своим неиссякаемым энтузиазмом разрушая консервативную успокоенность.

Даже будучи подчинено обществу, государство служит его **большинству**, в то время как передовые идеи, обеспечивающие движение вперед, рождаются **в умах меньшинства**. Эти идеи могут стать достоянием всего общества, могут стать руководящими идеями государства только в том случае, если будут поддержаны партией, если в ходе ее идеологической деятельности превратятся в идеи большинства. Без организованной поддержки партии никакое меньшинство, никакие его идеи не устоят против налаженной государственной машины.

Противостояние партии и государства в социалистическом обществе есть самое прямое, самое обнаженное отображение основного противоречия социализма - противоречия между коммунистическим и буржуазным, общественным и личным, коллективистским и индивидуалистическим. В этом противоречии источник развития к коммунизму, и чем отчетливее будут обозначены противоборствующие силы, чем точнее будут определяться причины их столкновений в их конкретной исторической последовательности, тем эффективнее пойдет процесс преодоления противоречий, тем прямее будет путь общества к коммунизму.

Партия и государство представляют собой две структуры, организующие общество, два типа социальной организации: **руководство и управление**. Эти типы находятся как бы на противоположных полюсах общественной жизни. Управление есть координация действий, руководство есть координация сознаний. Управление воздействует на индивидуальность ограничениями и стимулами, руководство обращается к пониманию и влияет через общественное мнение. Управление обращается к личности, не ведающей иного способа социального утверждения, кроме как утверждение экономическое. Руководство раскрывает перед личностью прямые возможности социального утверждения, не связанные с экономическим положением. Управление опирается на многовековой опыт прошлого, руководство ищет опору в будущем.

Общество служит источником, постоянно питающим и партию, и государство. Как же это происходит?

Пролетариат под руководством партии захватывает власть - партия поневоле становится правящей. Она вынуждена принять самое решительное участие в утверждении победы пролетариата, в ликвидации поверженных сил капитализма, в разрушении старого и построении нового государственного аппарата. И новый госаппарат может быть составлен только из партийных кадров, из людей, доказавших свою преданность пролетарскому делу. Где же противостояние?

А может быть все должно быть не так? Нет, только так! Не отдавать же власть «варягам», далеким от целей пролетариата? И вообще: у рождающегося государства только одна возможность, одна опора для утверждения власти - полная поддержка всех пролетарских сил, сцементированных партией.

Решение, казалось бы, предопределено. И все же... Пролетарская партия, связавшая себя с государством, только обманывается кажущейся легкостью реализации революционных идей через механизм государства. Таким путем может быть утверждена победа пролетариата, его господство над другими классами, но вопросы дальнейшего развития самого пролетариата, его классового сознания тем самым исключаются из сферы деятельности партии, становятся недоступными для нее. Став правящей, партия может остаться пролетарской, но и в этом случае она уже не будет авангардом пролетариата, а будет представлять наиболее отсталые его слои.

Руководить сознательным движением общества может только оппозиционная партия, строящая свою работу на обращении к коллективистским качествам рабочих, организующая сознание пролетариев для коллективной деятельности - в противовес управлению, связывающему общество системой принуждающих стимулов.

Так что же? Двухпартийная (или многопартийная) система? И пусть общественные противоречия решаются в борьбе правящих и оппозиционных партий?

Но при этом основные противоречия общества - источник его развития - заслоняются, осложняются или даже полностью вытесняются соперничеством партий в борьбе за власть, то есть побочными противоречиями, отвлекающими много сил, но никак и ничем не способствующими движению общества вперед. Кроме того, многопартийность неизбежно связана с расслоением общества, с разделением его интересов - то есть служит дополнительным препятствием на пути превращения общества в бесклассовое.

Нет, решить проблему социалистического общества, проблему диктатуры пролетариата можно только вырвавшись за пределы исторических (и весьма чуждых пролетариату) прецедентов, только освободившись от пут привычной схематизации.

Не противостояние правящих и оппозиционных партий, а непосредственное противостояние партии и государства - вот что предельно обнажает общественные противоречия, вот к чему должен стремиться пролетариат.

Да, партия должна руководить пролетариатом в борьбе за власть. Да, партия, возглавляя пролетариат, должна взять эту власть. Да, она должна разрушить прежний государственный аппарат и построить новый. Она должна выдвинуть своих опытейших организаторов, лидеров, вождей на ведущие государственные посты - и она же должна **немедленно вычеркнуть их из списка** своих полноправных членов.

Только так. Это не означает полного разрыва, но это - крутая перестройка отношений, полностью исключая вмешательство государства в дела партии, прямое влияние государственных интересов на деятельность партии.

Партия должна сохранять контроль над своими выдвиженцами, должна знать их государственные заботы, должна оказывать прямую помощь, организуя массы для поддержки государственных мероприятий. Но партия должна это делать не под диктовку государства, а исходя из своих целей и задач. Совершенно естественно, что поддержка эта будет наиболее энергичной и мощной в начальный период, когда руководящие идеи партии и государства еще почти полностью совпадают, когда государство обновляется и более всего нуждается в помощи. Но уже и в этот период партия не должна связывать себя никакими обещаниями.

Отряжая лучшие свои кадры, ведущие силы на государственные посты, пролетариат должен отчетливо сознавать, что этим не решаются все проблемы общественного развития. Рано или поздно интересы государственного аппарата придут в противоречие с развивающимися интересами пролетариата, станет обузой сформировавшаяся структура государства, утратят смысл какие-то из его функций. И тогда потребуются новая революция, выносящая на уровень государства сдвиги, происшедшие в сознании общества. Только такое непрерывное революционное развитие и ведет к созданию коммунистического общества.

Отняв власть у буржуазии ценой многих жизней лучших своих борцов, пролетариат обязан побеспокоиться о том, чтобы в дальнейшем революция могла продолжаться без кровавой борьбы. Он должен лишить государство возможности создавать какие-либо организации **против пролетариата**. Он должен конституционно закрепить за собой права, обеспечивающие ему в будущем демократические пути преобразования государства. Эти права следующие:

- свобода самостоятельной организации пролетариата и государственное обеспечение этой свободы путем предоставления помещений, средств массовой пропаганды и т. п;
- запрещение прямого участия служащих государственного аппарата в общественных, политических организациях;
- ограничение самостоятельности непролетарских слоев.

Но самое главное - пролетариат должен помнить, что, и будучи внесены в конституцию, эти права не обеспечены никакой гарантией, кроме готовности самого пролетариата защищать их самым решительным образом. Если пролетариат не сумеет защитить свои свободы, свои привилегии, свою пролетарскую партию, значит его сознание еще не созрело до социализма. Если же пролетариат способен без уступок, непреклонно, в случае необходимости - с оружием в руках отстаивать эти свои права, то именно они обеспечат ему свободное движение к коммунизму. Социализм возможен только тогда, когда классовое сознание пролетариата, организованность пролетариата возрастают до готовности в любой момент взять власть в свои руки.

Только обеспечив слияние своих общественных, коллективистских интересов в деятельности пролетарской партии, только сведя к минимуму организованность, а значит и противодействие других социальных слоев, пролетариат может чувствовать себя хозяином положения, может держать в повиновении весь государственный механизм и перестраивать его по мере надобности.

Быть хозяином положения - значит владеть распределением благ. И хотя многочисленные разработки в этом вопросе неизбежно будут доверены государственному аппарату, пролетариат должен сознавать, что решающее слово всегда остается за ним, ибо любой государственный деятель, включая и самых высших, может быть волей пролетариата отстранен от своего поста и лишен материального поощрения. При наличии у пролетариата пролетарской партии, организующей его массовые действия, это право перестает быть фикцией, оно становится реальным средством управления государством.

Со своей стороны, партия, даже если ей будет предоставлена такая возможность, должна отказаться от участия в распределении благ, но должна предпринять самые решительные усилия, чтобы вынести всю государственную деятельность в этой области под контроль всего класса, всей пролетарской массы. Ибо, если распределение благ не контролируется **всем пролетариатом**, оно становится добычей **новой буржуазии**, какую бы форму она не принимала.

Итак, государственный аппарат, по крайней мере в ключевой его части, должен формироваться из людей, прошедших школу партийной организационной работы, должен контролироваться партией во всей своей деятельности и должен нести прямую ответственность перед правящим классом - пролетариатом. Партия же должна формироваться непосредственно из пролетарской массы. И здесь есть свои условия.

Партия является высшей формой самостоятельной организации пролетариата. Служение пролетариату для партии должно быть не только руководящей идеей, но и единственной потребностью ее членов, удовлетворяемой за счет пребывания в партии. Если государство служит пролетариату, будучи стимулируемо выделяемой ему долей благ, то для партии служение пролетариату остается и целью, и стимулом. Соответственно и служат они по-разному.

Служить пролетариату, удовлетворяя его сегодняшние потребности, следуя его сегодняшним интересам, создавая ему условия для культурного, творческого развития - это обязанности государства.

У партии задачи другие.

Неустанно словом и делом разъяснять пролетариату, что его сегодняшние интересы - это ложные интересы, что они висят на пролетариате грузом многовековой рабовладельческой, феодальной, буржуазной истории и никак не соответствуют ушедшим далеко вперед возможностям общества, что пролетариат вправе требовать от жизни, которую сам же и строит, гораздо большего.

Помогать пролетариату использовать доступные ему возможности культурного развития действительно для культурного развития, то есть для приобщения, для проникновения в формируемую человечеством общую систему миропонимания, для освоения величайших возможностей человеческого общества.

Выращивать в пролетариате из интересов сегодняшних интересы завтрашние, обогащенные духом взаимодоверия и коллективизма, все более выделяющие прямую зависимость социального положения от факторов социальных, а не экономических.

Выступать организатором борьбы масс за революционные общественные перемены, за воплощение нового, передового в государственных формах, за его укоренение в умах и взглядах масс, то есть за превращение интересов завтрашних в сегодняшнюю реальность.

Чтобы справиться с этими задачами, партия должна состоять не из тех, кто однажды доказал свою способность служить пролетариату, а из людей, доказывающих это каждым своим движением, каждым днем своей жизни. Для этого партия должна не только привлекать в свои ряды богатую энтузиазмом молодежь, но и должна уметь освобождаться от собственных консервативных наслоений.

Партия должна очищаться не только от тех, кто живет вчерашним днем, но и от тех, кто живет днем сегодняшним. Ибо настает их время перейти от идеологической работы к практическому утверждению собственных идей - и партия должна выдвигать их на государственную работу, одновременно освобождаясь от их влияния.

Да, в современном обществе не все **даже из рабочих** способны отдать всю свою жизнь, все свои силы бескорыстному служению пролетариату. Но в жизни почти каждого есть период, когда общественное преобладает над личным, когда действия диктуются коллективными интересами, а не личной выгодой. Именно в этот период их самоотдача должна объединяться в партии, в рамках решения партийных задач.

Только тогда, когда сознание человека возвышается над его предрассудками и биологическими инстинктами, только в период высшего душевного подъема - только тогда он становится достойным партии, пригодным для партийной работы, способным вместе с партией ставить перед обществом проблемы будущего. Но партия не может рассчитывать на пожизненный энтузиазм - и потому никому не гарантирует пожизненного доверия.

Партийная работа - не единственный способ служения обществу: государство предоставляет гражданам иные формы служения, поощряемые удовлетворением личных потребностей. И тех, кто пережил свой подъем, в ком возобладало индивидуалистическое, партия должна отстранять от своей деятельности - отстранять без упреков, но с уважением и признанием заслуг, отстранять без всякой жалости, но и не отсекают всех связей.

И в первую голову должны отстраняться от партийных дел все те, чья работа связана с принятием государственных решений, ибо в пролетарском обществе нет ни одной внутренней проблемы, по которой партия и государство могли бы вынести единообразное решение. Развитие общественного сознания в том и состоит, что каждый индивидум решает эти противоречия для себя, внутри собственного сознания, и никому не дано решить их на другом - на государственном уровне.

Решения, подсказанные партией и принятые индивидуально большинством пролетарского общества, есть революционные перемены, сдвиги в каждом индивидуальном сознании; одновременно они знаменуют и определенный перелом общественного, классового сознания. Обновленное классовое сознание пролетариата обретает конкретные формы выражения, будучи наиболее четко, концентрированно отображенным в индивидуальном сознании вождей. При этом новые классовые интересы опять же выражаются в виде

определяемых историческими условиями идей, проникающих в индивидуальное сознание рабочих и имеющих решающее организующее значение, мобилизующих пролетариат на согласованные действия во имя достижения классовых целей.

Идеи, формируемые вождями, отражают потребности класса, они не тождественны интересам, порождаемым бытием отдельных индивидов, и потому не могут быть приняты ими как некая личная программа, а усваиваются только с осознанием личной зависимости от коллектива и коллективных действий. Не сразу идеи вождей доходят до сознания каждого. Всякий раз им приходится проделывать один и тот же тяжелый путь - преодолевать очередной барьер индивидуализма, проламывать скорлупу консервативной успокоенности. Сначала они усваиваются теми, кто наиболее подготовлен к этому - и через них получают более широкое распространение. По сути дела, непосредственное распространение идей в обществе - вообще невозможный процесс: общество достаточно консервативно и равнодушно к новому, чтобы в нем увязли любые идеи. Но захватив хотя бы очень небольшое меньшинство, передовые идеи приводят это меньшинство **в действие**, а уже само движение меньшинства нарушает покой общества, ставит окружающих перед необходимостью так или иначе определить свое отношение к происходящему, то есть приводит в действие и их - и действие ширится, распространяя, разнося идеи на своей волне.

Распространение идей сопровождается их конкретизацией и - что особенно важно - конкретизацией форм связанного с ними действия. Становясь все более определенными, формы воплощения идей в действие приобретают характер общественного движения, закрепляются в виде принятых сознанием общества традиций - то есть становятся фактором жизни общества, нуждающимся в государственном признании, узаконении. Требования общества к государству изменяются - это влечет изменения в политике государства, в его структуре; в государственный аппарат выдвигаются лидеры, связанные с новыми формами общественного сознания.

Вот так, создавая в обществе постоянную революционную пульсацию, выдвигая новых вождей и новые идеи, порождая и закрепляя новые формы общественного движения, должна взаимодействовать партия с государством. Непрестанно обновляя госаппарат, перестраивая его, и так же неуклонно обновляя при этом свой состав и структуру, партия играет свою решающую роль в развитии **революционной диктатуры пролетариата**.

Но, рассматривая отношения пролетариата, его партии и государства, не забываем ли мы, что государство есть особая организация силы для подавления и принуждения? Здесь все ясно, когда мы рассматриваем государство как средство осуществления диктатуры пролетариата над другими классами. Но государство остается государством и по отношению к самому пролетариату - тут вопрос не так уж прост.

Представляя интересы пролетариата как класса, общественные интересы - против индивидуалистических интересов совокупности всех пролетариев, государство использует всю свою систему принуждения по прямому назначению. Ведь даже когда мы говорим о стимулировании, поощрении, премировании при выполнении членами общества **определенных условий**, речь идет ни о чем ином, как о принуждении, об ограничении доступа к благам тем членам общества, которые этих определенных условий не выполняют. Если учесть, что стимулом служат определенные возможности, обеспечивающие существование индивида, а принуждением - угроза частичного или полного лишения доступа к этим возможностям, то ясно, что между ними в отношениях общества и индивида нет никакой разницы. Так как основой социалистического общества служит стимулирование деятельности индивидов в интересах всего общества, совершенно очевидно, что для реализации этого государство нуждается в определенных средствах принуждения, в силах, позволяющих утверждать и поддерживать определенные ограничения.

Но обладая силой, пригодной для принуждения всего общества, государство обладает возможностью, отчуждаясь от общества, поставить себя **над** ним. Более того, история XX века демонстрирует многочисленные примеры, когда армия ставит себя над обществом и государством - и, формируя новое государство, отдает власть иному классу.

Как пролетариату избежать подобной опасности?

Та же история показывает, что осуществляя переворот, армия может отдать власть не любому классу, а одному из наиболее организованных классов, усиливая его своей организованной поддержкой. Значит, одна из гарантий состоит в том, чтобы организованность пролетариата в социалистическом государстве была несравнимо выше организованности других классов. Для этого пролетариат и должен ограничивать организационную самостоятельность других классов и - тем более - использование (в целях организовывания) недоступных пролетариату экономических возможностей. Это обеспечивает не только ослабление, но и постепенное разрушение всех противостоящих пролетариату классов и надежно защищает пролетариат от всех внутренних врагов, **кроме самого государства**.

Социалистическое государство является достаточно мощной и достаточно буржуазной **организацией**, чтобы в своем стремлении к обособлению, используя подвластные ему силы, превратиться в самостоятельный класс, в новую буржуазию. Единственной вполне надежной гарантией против этого является такое положение, когда все силы государства составляет только вооруженный народ, вооруженный пролетариат. Но пока необходимо само государство, столь же необходимо, чтобы это был по-государственному организованный вооруженный народ. А это не совсем то же самое, что просто вооруженный народ; это предполагает использование в целях организации распределяемых государством благ, т. е. ставит организованные силы в непосредственную зависимость от государства.

Никаких однозначных рецептов по урегулированию этого вопроса не может быть дано. Здесь таится реальная трудность, порождаемая противоречивостью самого положения социалистической страны в капиталистическом окружении. Однако и неразрешимой эта проблема не представляется: решения должны быть найдены не на уровне принципиальном, а на уровне конкретных организационных форм, учитывающих все особенности развития сознания общества.

Следует иметь в виду, что во всех **внешних** вопросах - вопросах взаимоотношений с другими государствами и собственными непролетарскими слоями - интересы социалистического государства и пролетариата **полностью совпадают**. Именно поэтому институт политических комиссаров в армии, с необходимостью порожденный **Гражданской войной** в России, утратил свое значение во внешних войнах.

Поэтому внимание пролетариата должно быть сосредоточено на контроле над армией, органами внутренних дел и политической безопасности именно в условиях внутренних конфликтных ситуаций. Позиция пролетарской партии, интересы партии по всем внутренним вопросам совпадают с интересами пролетариата - из этого, однако, не следует, что полное совпадение интересов по внешним и внутренним вопросам позволяет подчинить силы подавления непосредственно партии. Само такое подчинение вызвало бы изменение интересов партии, их «огосударствление». Но вот в вопросах контроля над вооруженными силами пролетариат вполне может довериться партии - так же, как и в вопросах контроля над государством вообще.

В целях облегчения такого контроля могут применяться различные меры. Например, децентрализация управления вооруженными силами при отсутствии непосредственной угрозы извне, строжайшая подотчетность внутренних органов по действиям, затрагивающим интересы пролетариата и т. п. - все эти меры организационного порядка, их применение на каждом конкретном этапе должно диктоваться в том объеме, в котором это необходимо для **сохранения господства пролетариата**, с учетом соразмерности внешних и внутренних опасностей.

История Советского Союза, где в период диктатуры пролетариата эти проблемы не порождали неразрешимых трудностей, доказывает, что экономически независимая от капиталистического окружения социалистическая страна способна достаточно долго, а возможно и сколь угодно долго сдерживать эти противоречия государственного устройства - тем более что они угасают, ослабевают по мере роста организованности пролетариата и его организующего влияния на все общество.

ГЛАВА V

КЛАССЫ И БОРЬБА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Классы - это такие группы людей, между которыми поделены все **производительные силы** общества. На этой основе формируются производственные отношения между классами. Являясь владельцами определенной части производительных сил, они имеют возможность влиять на весь ход общественного производства и используют эту возможность в борьбе с другими классами за свое **социальное положение**. Само существование классов прямо связано с существованием частной собственности на производительные силы (не только на средства производства) и потому неотторжимо от товарообмена или товарно-денежных отношений. В ходе развития общества значение тех или иных производительных сил изменяется - соответственно меняются роли классов: определенные классы получают преимущества перед другими.

В условиях товарно-денежных отношений социальное положение целиком и полностью определяется положением экономическим, то есть тем, какую долю общественных богатств присваивает и распределяет данный класс. За это классы и ведут борьбу между собой.

Производительные силы общества включают три основных элемента: землю со всеми ее природными богатствами; средства производства, являющиеся овеществлением прошлого труда; рабочую силу. Историческая смена способов производства и соответствующая смена общественно-экономических формаций связана с уровнем организации и организующим влиянием на общество этих элементов.

Кроме классов в обществе имеются люди, не входящие в состав владельцев производительных сил, не участвующие никакой своей собственностью в общественном производстве. По своей социальной роли они могут быть разделены на группы: интеллигенция, армия, люмпенпролетариат и т. п. Все они вынуждены так или иначе служить тем классам, которые выделяют им долю благ, необходимую для их существования, т. е. преимущественно тем классам, которые в текущий момент занимают главенствующее положение. Несмотря на то, что их косвенное влияние на производство может иметь колоссальное значение для общества, несмотря на определенную организацию внутри социальных групп, эти группы не играют решающей роли в развитии общества, т. к. лишены органически единых интересов, присущих классам. Исторически все попытки таких социальных групп повлиять на развитие общества приводили или к тому, что, присвоив некоторую часть производительных сил, они становились классом общества, или к возвышению того класса, которому они, может быть не ведая того, служили. Именно поэтому социальные интересы таких групп, если они не направлены на проникновение в какой-либо класс, весьма расплывчаты и не представляют, не образуют никакого социально значимого единства.

Классовая политика победившего пролетариата в первую очередь определяется тем, при каких условиях он одерживает победу. Иными словами, ему приходится учитывать уровень развития производительных сил и

соответствующий классовый состав общества.

К овладению властью, как правило, приводят совместные действия пролетариата с крестьянством и мелкой буржуазией. Однако, если в этом союзе пролетариат не имеет решающего преимущества, то революция не носит социалистического характера, она остается буржуазно-демократической.

Подлинная победа пролетариата - социалистическая революция - всегда обозначена утверждением диктатуры пролетариата, при которой союз пролетариата с крестьянством и другими слоями общества не имеет никакого иного содержания, кроме потребности пролетариата в функционировании этих слоев хотя бы в течение какого-то периода для сохранения целостности всего комплекса функций, необходимых для существования общества.

Политика пролетариата по отношению к другим классам и слоям тогда целиком диктуется необходимостью стимулировать их общественно-полезную деятельность - она связана с организационными формами, заимствованными у капиталистического прошлого, настолько, насколько это нужно для обеспечения понятности и эффективности предлагаемых стимулов. Но одновременно пролетариат, пролетарское государство должно уже заботиться о стимулах, противоречащих устаревшим формам, взламывающих их, направляющих развитие всех слоев в социалистическое русло.

Полная экспроприация экспроприаторов здесь имеет решающее значение: она разрушает психологическую установку на зависимость социального положения индивида от капитала, от его частной собственности. Но, будучи единожды доведена до завершения, эта экспроприационная деятельность не должна прекращаться. Товарно-денежные отношения неизбежно рождают тенденцию к обогащению, и значит на всем пути существования этих отношений необходима борьба с этой тенденцией. Одной из важнейших социальных задач является утверждение идеи, что личное богатство, в чем бы оно ни состояло, гарантирует не укрепление, а наоборот - неустойчивость положения в обществе. Эта установка, естественно, противоречит тому, что социалистическое общество должно ряд своих важнейших отношений строить на чисто буржуазной основе. Но, сохраняя буржуазные отношения, социалистическое общество и не собирается сделать их более устойчивыми, чем в самом капитализме, не дает гарантий от разорения, от опасностей конкуренции и т. п. Сохранение буржуазных отношений как раз и требует от социалистического общества выработки установок на борьбу с ними.

Это сложнейшие вопросы внутренней политики диктатуры пролетариата. От правильного их решения на каждом шаге истории в значительной мере зависит движение всего социалистического общества к коммунизму. И, в первую очередь, это связано с построением отношений с таким классом, как крестьянство, и с таким социальным слоем, как интеллигенция.

Но прежде чем будет рассмотрен вопрос о крестьянстве, совершенно необходимо разобраться в отношениях пролетариата с **интеллигенцией**.

Чем отличается интеллигенция, работающая по найму от наемных рабочих?

Различие в экономической сущности нами уже установлено: интеллигенция продает не рабочую силу, не труд - она продает свою монополию на знания. Но граница между физическим и умственным трудом давно уже утратила прежнюю четкость. Как же сейчас на практике отделить деятельность рабочих от деятельности интеллигенции?

Возьмем более четкую категорию: **репродуктивный труд**.

Репродуктивный труд есть создание с помощью известных средств производства известными методами вещей, в практическом отношении полностью тождественных таким же вещам, созданным ранее.

Репродуктивный труд может быть простым и сложным: сложный требует более высокой квалификации - более развитых навыков. И именно репродуктивный труд составляет **стоимость** любой вещи, т. е. в любой вещи общественно необходимого труда не более, чем требуется для ее воспроизведения (репродукции) современными методами при современном уровне развития производительных сил.

Практически все, что потребляется человечеством в сфере материального потребления, есть результат его же репродуктивного труда. Именно репродуктивный труд имеет решающее значение для существования, для воспроизводства человечества.

Труд, противоположный репродуктивному и являющийся содержанием самых различных видов деятельности, но не выражающийся в **непосредственном** воспроизводстве вещей - это **творческий труд**. В этом смысле творчеством является и освоение навыков репродуктивного труда, организация деятельности и создание новейших технологий - просто социальное значение этих видов различно.

Те, кто существуют платой за творческую деятельность, включая и определенную категорию людей физического труда, числящихся рабочими, но ценимых и оплачиваемых за способность находить уникальные технологические решения - пролетариями не являются. Из них и состоит интеллигенция - особый социальный слой.

Репродуктивный труд - проклятие человечества. Денно и ночью человечество воздействует на земной шар - свой единый **предмет труда** - уничтожая одно, создавая другое и, тем самым, изменяя условия собственного существования, обеспечивая возможность удовлетворять свои потребности.

Репродуктивный труд - воспроизводство потребляемых вещей - создает нам пищу, одежду, жилища, тепло и свет и те материальные формы, при посредстве которых удовлетворяются наши духовные потребности; репродуктивный труд воспроизводит те машины, которые потребляются при создании предметов потребления, и машины, необходимые для воспроизводства первых. Репродуктивный труд изменяет лицо и нутро земли.

Стоимость, создаваемая этим трудом, есть изменение ценности земного шара как источника существования для всего человечества с учетом потребленных и произведенных предметов - в недалеком будущем именно это положение станет фундаментом политической экономии человечества.

Репродуктивный труд - основа существования человечества, основа живого разумной жизни на земле.

Но человечество хочет не просто существовать, а хочет существовать все лучше и лучше, на это ему дан разум, сознание - эта грандиозная идеальная сила, способная целенаправленно, согласованно мобилизовывать все силы физические. И, двигаясь по истории, перешагивая из формации в формацию, человечество ведет свою внутреннюю борьбу за наиболее **разумное** использование своих **физических** сил.

Творческий труд, все более организуясь, обогащаясь опытом, все активнее влияет на репродуктивный труд, облегчает его и совершенствует. Правда, немало творческих сил направлено на совсем иное - противоборство в защиту частных (индивидуалистических, групповых, классовых) интересов, расплыено и уничтожено в этой мелочной борьбе. Высвободить всю эту гигантскую творческую энергию из междоусобных сражений и использовать ее целиком на пользу человеческому обществу - таковы интересы человечества. Но это не может быть достигнуто при помощи утопических «разумных соглашений», для этого должны быть сломлены всякие частные интересы, это возможно только при полном подчинении труда творческого задачам труда репродуктивного, т. е. только при последовательной диктатуре пролетариата. И дело, конечно, не в том, чтобы подчинить всякую творческую деятельность прикладной цели облегчения репродуктивного труда, а в том, чтобы эта цель в самом общем виде определяла высочайшее гуманистическое содержание всякого творчества.

Вот эта общечеловеческая задача - добиться полного согласования своего разума со своей силой - и определяет отношения пролетариата и интеллигенции, характер развития этих отношений.

Интеллигенция как концентрат общественного разума существует с незапамятных времен. Сама социальная сущность человечества, отделившая его от животных, связана с разумом, сознанием - неудивительно, что способность некоторых людей к обобщению фактов, к отвлеченному мышлению выделяла этих индивидов из общей массы, определяла их особое положение в обществе. Это особое положение не всегда и не для всех было положением **лучшим** по отношению к остальным - оно просто отличало их от остальных по всей совокупности их отношений с обществом.

Большой период жизни человеческого общества, охватывающий несколько формаций, характеризуется тем, что социальное положение членов общества находится в прямой зависимости от их экономического положения. Почти на протяжении всего этого периода интеллект, способность к абстрактному мышлению, играл второстепенную роль, и только на конечной стадии - в капиталистической общественно-экономической формации - его положение существенно изменилось. Это опять-таки не было прямым признанием социального значения разума, это означало только, что интеллект созрел до активного влияния на **экономическое положение** - и капитализм немедленно отметил это, призвав интеллект себе на службу. Интеллигенция стала важным фактором капиталистической конкурентной борьбы и объектом этой борьбы.

Экономическое признание капитализма - возрастающая в силу конкуренции оплата разума, раскрывающего тайны - породило и социальное признание - признание **через экономическое положение**. Эта вторичность всегда мучает интеллигенцию, ей хотелось бы общества, где интеллект будет признан сам по себе, будет рассматриваться как социальное достояние. Но поскольку большинству интеллигенции не под силу оторвать признание социальное от признания экономического, это бросает ее в дебри утопических построений, где она соединяет несоединимое: мнит себя хозяйкой и душ, и богатств. То, что лучшим умам человечества удается вырваться из этих эклектических пут, постичь прямую связь этого противоречия с основными противоречиями капиталистического общества, осознать, наконец, свое место в обществе, и то, что такое осознание приводит к переходу на классовые позиции пролетариата - это не решает вопрос **для всей интеллигенции**. В погоне за признанием интеллигенция не может быть солидарна.

Борьба пролетариата, социальная активность пролетариата всегда привлекает на свою сторону часть интеллигенции.

Одни сразу рассматривают силу пролетариата как средство достижения их собственных целей. Это либеральное заигрывание с пролетариатом.

Другие встают в ряды пролетариата как равные среди равных. Далее следует: мы более образованные среди равных, на нас лежит ответственность за определение целей и выбор пути. Из этих вырастают законченные оппортунисты, которые ведут пролетариат к **своим** целям.

Третьи выбирают безоговорочное служение пролетариату. Помочь пролетариату осознать его собственные классовые цели, осветить факелом теории дорогу перед пролетариатом, чтобы он сам не ошибался в выборе своего пролетарского пути - вот какие задачи ставят перед собой третьи. И с ними пролетариат идет к своим победам.

А далее? Победивший, ставший гегемоном пролетариат нуждается в деятельности **всей** интеллигенции. Но без потерь тут не обойтись. Пожар революции распалает в части интеллигенции гегемонистские устремления и толкает ее на соответствующие действия - эта часть должна стать объектом пролетарского террора. Но ведь и оставшаяся часть не намерена работать на пролетариат бесплатно, за «просто так».

Пролетариат как класс, как единый хозяин средств производства - и значит как капиталист по отношению ко всем непролетарским слоям - должен и поступать, как капиталист. Он должен нанять столько интеллигенции,

сколько ему нужно, и на условиях, по возможности, не хуже буржуазных.

Он может нанять и какую-то часть буржуазии, сохранив у получаемой ею оплаты видимость капиталистической прибыли. Пролетариат должен рационально распорядиться всеми творческими ресурсами общества.

Пролетариат как диктатор должен решительно отказать всей нанятой на буржуазных условиях интеллигенции в признании политическом. Беря на себя защиту прав личности в индивидуальных отношениях непролетарских слоев, пролетариат в их отношениях с пролетарским государством должен оставить этим слоям не более, чем видимость каких бы то ни было прав.

Все это естественно вытекает из интересов пролетариата. Все это естественно порождает неопределенность, неустойчивость социального положения интеллигенции. Половинчатость завоеваний интеллигенции в пролетарской революции, чем отчетливее она будет обозначена, тем точнее и определеннее она будет указывать, разъяснять интеллигенции несостоятельность утопических надежд.

Противоречия в умах интеллигенции, отражающие противоречия капитализма, при социализме должны обнажиться с предельной яркостью, должны заставить интеллигенцию обостренно задуматься над своим местом в жизни. Противоречия должны привести интеллигенцию к движению, подтолкнуть ее. К чему?

Творческий труд - потребность каждого человека. Каждый регулярно обращается к творческой деятельности. Когда результаты творчества приобретают социальное значение, эта потребность становится еще более властной, ибо соединяется с тягой к повышению личной социальной значимости.

Репродуктивный труд - необходимость. Он осознается как социальная потребность, и это происходит только с осознанием каждым собственной причастности к обществу, неотделимости от него. Это должна осознать и интеллигенция, но она может придти к этому, только чувствуя, что социальное положение рабочего выше ее собственного и что разница не компенсируется получаемыми ею материальными благами.

Этот процесс нельзя ускорить экономическим нажимом на интеллигенцию, хотя такая возможность всегда во власти пролетариата. Пролетариат при любых условиях остается открытым классом, и это его достоинство таит определенные опасности.

Оказывая давление на интеллигенцию, пролетариат может вынудить ее перейти в свои же собственные пролетарские ряды - и остаться без интеллигенции, как слепой без поводья. Вот почему он вынужден разговаривать с интеллигенцией на языке буржуазных привилегий. Но и сохранять подобное положение вечно пролетариат не может. Что же он должен противопоставить?

Пролетариат должен выдвинуть **свою интеллигенцию**. Но тут дело совсем не в том, чтобы это была интеллигенция пролетарского происхождения. Дело совсем не в происхождении, а в том, что эта интеллигенция должна отдавать обществу свой труд бесплатно, без экономических стимулов - удовлетворяясь только социальным признанием и благами, получаемыми за свой же репродуктивный труд. Пусть это будет не на всю жизнь, пусть это будет определенный период, вслед за которым эта интеллигенция будет, если пожелает, переходить на положение интеллигенции буржуазной, теряя свои социальные привилегии и приобретая экономические. Но пусть она уносит с собой тоску об уважении братьев по классу. И тогда повышение эффективности производства, ведущее к снижению норм репродуктивного труда, к росту материального благосостояния пролетариата, довершит начатое - и новая интеллигенция вообще не захочет порывать свои связи с пролетариатом, с репродуктивным трудом. Интеллигенция перестанет существовать как социальная группа, интеллект станет полным достоянием пролетариата, а творческий труд - по способности. Само собой разумеется, что это произойдет не ранее, чем предложение такого труда превысит потребности пролетарского общества в творческом труде.

Теперь, когда направления развития отношений пролетариата с интеллигенцией обрисованы с достаточной ясностью, легче представить и движение отношений с крестьянством.

Труд крестьянина только внешне по основному своему содержанию выглядит репродуктивным. Конечно, вспашка, сев, прополка, уборка урожая, внесение удобрений, полив - работа чисто репродуктивного характера. Но все это надо делать во время и в меру, и определение этого времени и меры в зависимости от колебаний метеословий - задача чисто творческая: а от ее решения и зависит, в первую очередь, выход продукции. Сельское хозяйство имеет дело с живой природой - и всегда должно творчески следить за ее требованиями и следовать им. Труд творческий от труда репродуктивного отделяется здесь гораздо труднее, чем в промышленном производстве.

Но иного пути нет. Труд творческий и здесь должен быть отделен от труда репродуктивного, ибо, только отделяясь, он приобретает ту социальную широту, которая необходима новому обществу.

Развитие агрономической и зоотехнической науки и максимальная индустриализация сельского хозяйства, с предельной полнотой освобождающая от необходимости индивидуального творчества, предельно четкое отделение сельской интеллигенции от сельскохозяйственных рабочих - вот на что придется направлять усилия пролетариату. И хотя очевидно, что отделение творческого труда и его возвращение пролетариату здесь будет выражено резко отлично по сравнению с промышленностью, но без него все же не обойтись.

Четкое отделение сельскохозяйственного пролетариата от интеллигенции и его слияние с промышленным пролетариатом может подсказать и новые формы репродуктивного труда, учитывающие внесезонность труда промышленного и сезонный характер труда сельскохозяйственного. Но независимо от этого, индустриализация сельского хозяйства остается одной из важнейших задач промышленного пролетариата, диктатуры пролетариата, потому что без этого не преодолеть экономическую ограниченность, не добиться того общего уровня

эффективности производства, который полностью решит экономические проблемы общества. Поэтому технические и экономические задачи пролетариата по отношению к деревне совпадают в коренном своем направлении. Здесь особенно важно, чтобы технический курс на индустриализацию, имеющий, конечно, громадное значение, не заслонял политических задач. Без серьезнейшего внимания к политическим проблемам - даже в поиске технических решений - не преодолеть вековых традиций, а значит и не ликвидировать разрыва между городом и деревней. Город со всей отчетливостью должен внести в сельское хозяйство свое индустриальное мышление - и только это освободит природную тягу человека к земле от феодальных и буржуазных напластований.

Являются ли задачи пролетариата в отношении крестьянства и интеллигенции продолжением классовой борьбы, вынесенной из капиталистического общества?

Да, но не следует здесь искать ее средоточие. За грань социалистической революции пролетариат выносит квинтэссенцию своей борьбы с буржуазией. Это основное противоречие следует увидеть под таким углом: на одной стороне коллективные, коллективистские устремления пролетариата, на другой - крайний индивидуализм, олицетворяемый буржуазией с ее частнособственническими экономическими привилегиями и с утверждением прямой зависимости социального положения от положения экономического. Но капиталистическое общество вырабатывает индивидуалистические стремления к получению социальных привилегий не только у буржуазии - во всех слоях и классах общества. И пролетариат, ликвидируя буржуазию как класс, а частную собственность как основную экономическую привилегию, служащую основой для получения многих привилегий социальных, не может полностью ликвидировать всякие устремления к индивидуальным привилегиям, ибо все общество и без буржуазии, в том числе и сама пролетарская масса, насквозь такими устремлениями пронизано.

Основным противоречием социализма становится противоречие между личностью и обществом. Сущность этого противоречия та же: личность, вопреки интересам общества стремится к завоеванию каких-либо индивидуальных привилегий, стремится получить от общества больше, чем сама дает. Но здесь отсталой, отмирающей стороной противоречия выступает уже каждая личность, каждый член общества, а передовой стороной выступает то же общество, связанное коллективистскими классово-пролетарскими интересами. Ни одна из сторон не может быть уничтожена в этой борьбе, ибо это означало бы самоликвидацию общества.

Более того, общество, пролетариат не может решать свои экономические задачи, не стимулируя деятельность своих членов предоставлением определенных привилегий - и тем самым поддерживает индивидуальную борьбу за привилегии, не дает ей угаснуть. Общество вынуждено предоставлять наибольшие привилегии там, где решаются самые важные проблемы конкретного исторического этапа. Предложение привилегий позволяет решать проблемы оперативно, но одновременно общество ищет и иное, коллективистское решение тех же проблем и находит его. Так рождаются основания для отрицания прежних привилегий.

В ходе развития общества, под диктовку этого развития происходит концентрация привилегий у определенных слоев. И когда общество находит иное решение проблемы, оно неизбежно выступает за ликвидацию прежних привилегий. Вот тогда вспыхивает новый очаг социальной борьбы, где сторона, защищающая свои привилегии, защищает не что иное, как свое **буржуазное право** на эти привилегии, т. е. выступает продолжателем дела буржуазии в этом продолжении классовых битв.

Возникновение таких обострений - обострений классовой борьбы - неизбежно на всем пути от капитализма к коммунизму, а преодоление сопротивления привилегированных слоев и есть та непрерывная революция, которая одна только и ведет к развитию коммунистического сознания. Естественно, что только диктатура пролетариата, диктатура открытого класса, предоставляющего всем равные привилегии (или, что то же самое, полное отсутствие всяких привилегий), обеспечивает последовательное обнаружение всех препятствий на пути общественного движения, непреклонную борьбу с ними на всех участках и победу в этой борьбе.

История научила нас борьбе за диктатуру пролетариата и завоеванию ее. История же учит нас извлекать уроки из поражений. Там, где капитализм не может справиться с пролетариатом силой оружия, он прячется и прорастает вновь, цепляясь за малейшую предоставленную ему привилегию, обманом и одурачиванием рабочих захватывает все то, что им было потеряно. Пролетариат не может надеяться на то, что какие-то люди и какие-то силы уберегут его от возрождения капитализма. Только его собственная неиссякаемая бдительность может служить ему гарантией. Пролетариат не может надеяться и на своих лучших представителей, ибо, отделяясь от класса, они начинают действовать соразмерно своим индивидуальным силам. Пролетариат не может довериться даже им самим рожденной партии, если она берет власть; власть - такая привилегия, которая не может испортить, обуржуазить только сам пролетариат.

Только постоянная готовность всего класса выступить в защиту своих прав и интересов, если надо - с оружием в руках, только постоянный классовый контроль над всеми общественными процессами, только вечный энтузиазм самостоятельной пролетарской организации обеспечивает пролетариату его гегемонию. Вот почему, не снимая призыва к объединению пролетариев всех стран, мы провозглашаем главным лозунгом нашего времени:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА!

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ

1

Сразу должен сказать, что я - марксист. Это уже делает меня не везде приемлемым и как бы чуждым для людей плюралистических взглядов. Как-то у нас получается, что марксизм - отдельно, а плюрализм - это само собой. Но должен сказать, что для марксизма плюрализм вполне приемлем без всяких ограничений, а вот наш отечественный плюрализм в этом себя оберегает. Впрочем, может быть, и правильно. Слишком привыкли мы к тому, что марксизмом у нас называют нечто навязываемое, обязательное. Но это и не марксизм вовсе, и не наука, и не мышление. Полевой устав пехоты как метод постижения действительности никогда пригоден не был.

Я марксист, но вовсе не соединяю себя со всем, что бытует в нашей стране под этим названием: тут и добросовестное марксведение, и апологетика текущего дня (во всех наших прошедших современностях), и уже помянутые императивные предписания. Но диалектический материализм как наука - вот к какому марксизму принадлежать считаю за честь. И отражена эта наука не в учебниках, где путаница и бездарные толкования уживаются с правильно понятым и добросовестно пересказанным, а непосредственно в наследии классиков, где если и ошибки - то марксистские ошибки, которые и заметить и выправить история помогает. И эта наука, в чем я не раз убеждался и постоянно получаю подтверждения, работает безотказно как в анализе новой и новейшей истории, так и предсказывая то, что вообще предсказуемо в нашей быстро меняющейся жизни.

И еще должен сказать: марксизм - это наука, как, к примеру, физика. Дизельный двигатель работает по законам физики, но изобрел-то его все-таки Дизель, а не физика, не Ньютон и не Эйнштейн. А сколько было неудачных попыток у того же Дизеля, и у других несостоявшихся изобретателей? - я думаю, физика тут неповинна. Наука постигает, а делают люди. Да ни одна наука и не строит иллюзий, что все ей постигнуто и превзойдено. Но и без знаний того, что освоено уже, далеко не уйдешь.

Теперь по существу. Сейчас время массовых реабилитаций, восстанавливаются многие исчезнувшие имена, литература наша получила большое пополнение из прошлого. Безвинные жертвы тридцатых, сороковых, начала пятидесятых... Может, и до моего времени когда-нибудь очередь дойдет. Но есть одна жертва и нынешних дней, за которую искренне ходатайствую. Жертва эта - история.

Жертвы безвинные... Да не реабилитация им - им забота наша нужна. Живым забота, мертвым - память. Что же мы их реабилитируем, если не мы их обвиняли, не мы им судьбу определяли? Или мы? Государство, что ли? А то же ли у нас сейчас государство? Как-то не приходило в голову советскому правительству реабилитировать политкаторжан, царскими судами осужденных.

А все это потому, что вонзаемся мы в историю со своими эмоциями. Мы действовать там хотим, в прошлом. Всех поделить на друзей и врагов, шашкой помахать. Хотим свой порядок навести, нынешние наши представления внедрить.

Не выйдет. Нет у времени дороги вспять. Даже во вчерашнем дне ничего уже не исправить, что уж о десятилетиях... Но нет нам удержу; если уж не можем в сами факты истории вклиниться, то хотя бы в описание, со всеми своими чувствами. Этих подлецами назовем, тех героями...

Вот и я становлюсь совсем уж неприемлемым. Не могу я относиться к истории с эмоциями: может, марксизм не позволяет, может - здравый смысл. Только так я рассуждаю: если вчерашний день я прожил неудачно, то сегодня я должен трезво все свои поступки перебрать и ошибку найти. И если я себя же за вчерашнюю дурость обругаю - с эмоциями, конечно - то эмоции эти не на вчерашний день обращены, а на нынешний и завтрашний, чтобы мне той ошибки не повторять. Эмоции нужны в сегодняшнем мире, они поступки определяют, а в прошлое их затаскивать совсем бесполезно.

И не только бесполезно, но и вредно. Когда гнев - может, и праведный гнев - застилает глаза, видится все односторонне, разбираться некогда. А ведь история нам дана во всей полноте, как хороший учебник. Но это для внимательных глаз учебник, для неослепленных. И не бежит она никуда, не скачет, чтобы под уздцы ее хватать вгорячах, а вполне допускает спокойное и всестороннее к себе отношение.

Нам ведь не историю исправлять надо. А надо нам сегодня что-то делать, возводить, конструировать, чтобы мы на этом могли в завтра двинуться и опять во вчерашнее не попасть. И, может, не потому, что вчерашнее так уж и плохо, а просто что же вензелями-то ходить вокруг разбитого корыта? Нам дальше надо дорогу прокладывать.

Вот потому я и приглашаю: давайте реабилитируем историю.

Давайте не будем ее так уж настойчиво винить (тоже, поди, неприемлемо). Она - уж какая есть, ее не перевоспитаешь. Она не подобна ни человеку, ни кошке и не откликается ни на чувства, ни на действия наши.

Можно испытывать патологическую неприязнь к камню. Давая выход своим страстям, мы можем приговорить его к разрушению, вообще стереть в порошок. С историей мы и этого не можем сделать. Прошлое неизменяемо. Раздражаясь этим, мы можем как угодно повышать голос, привлекать самую выразительную лексику, но незыблемое былое даже и не почувствует наших усилий.

У истории есть одно неоспоримое достоинство: она была. Это многого стоит. Она была - и значит все в ней соответствует требованиям природы, законам общественного развития. Нет, я не утверждаю, что мы имеем дело с единственным возможным вариантом, но когда мы говорим: а вот если бы... то далее мы строим картину никак не проверенную и непроверяемую, а потому, может быть, и совсем невозможную. Как мы можем все учесть, если многих законов не знаем? А история - была, собой доказала, что она - возможна, и теперь бери ее и рассматривай,

изучай таинственную грань между возможным и невозможным.

И еще. Сообщают шепотом, что, направляя свои стрелы в прошлое, мы, дескать, критикуем настоящее, да такое настоящее, о котором громче чем шепотом говорить пока нельзя. Это ложь. Изливая свою дерзость в прошлое, мы уводим себя подальше от эмоциональных оценок настоящего, мы обеляем конкретных нынешних виновников наших бед, всю их вредоносную деятельность объясняя организационными путями заклеянного наследия. Да полно! Пусть уж каждый ответит за себя. Да, повязаны эти люди прочно, да, в истории сложились эти связи... Но опутывают-то они ныне, и рвать их нам предстоит ныне. В историю с ножницами не вернешься. И то, что сегодня нам мешает - сегодня и мешает, а не в истории.

Все, что мы имеем плохого, дано нам нашей историей. И назад она ничего не заберет. Это только будущее может забрать, только та будущая история, которую мы делаем сегодня и каждый день. А знаем ли мы что хорошо, а что плохо? Где резать, а где сшивать? Раньше не умели, а теперь вот научились - вдруг? Никто, кроме истории, нас этому не научит.

Вот почему история нуждается в реабилитации. Не ей нужна эта реабилитация, а нам нужна, потому что сквозь решетку нашего осуждения трудно разбираться и понимать.

2

Чем спокойнее смотришь на историю, тем больше возникает всяких «почему». Только в великом самоослеплении можно удовлетвориться ответом: «Потому что Октябрь – насилие над естественным ходом событий» или «потому что Сталин – злодей (а то еще и параноик)». Ответы популярны сегодня, но это лишь способ спрятаться от проблем, отгородиться от них ширмочкой. За этим «потому» свои «почему»: почему все же Октябрь произошел, почему злодей оказался во главе государства... Да и других «почему» немало.

Но увидеть наш путь - это значит найти ответы на два ряда вопросов. Где и какой предоставляла нам выбор история? Чьей волей и какой выбор был сделан? Законы общественного развития - знаем мы их или не знаем - мы менять не вольны. Но выбор свой определять - это нам еще не раз предстоит, и чем яснее мы будем понимать, что за нашим выбором последует, тем меньшую цену нам платить придется за науку. Мы семьдесят лет своей истории оплачивали высокой ценой, большими потерями, потому что шли в неизведанное, по неторному пути. И перечеркивая все прошлое одной фразой, одним категорическим «потому что», мы не деньги по ветру пускаем, мы жизни человеческие развеиваем. Все они полегли, чтобы мы умнее стали, знания они нам несут и крупными и глыбами, что же мы их в Сизифов превращаем? Ведь на их опыте не поймем - самим снова ту же цену платить придется.

Статья необъятного объёма не может. Все «почему» здесь и не упомянешь даже. Но хоть о главных-то давайте подумаем. Конечно, и у ответов тоже еще будут свои «почему», но здесь, если мысль подтолкнуть, расшевелить, до корней можно докопаться. В истории, в истории все ответы, учись только...

3

Февраль дал России демократию, какой свет не видывал. А Октябрь ее отнял. Ленин и большевики виноваты в том, что Россия отклонилась от линии естественного исторического развития и пошла в тупик.

Приблизительно так формулируют свои взгляды те, кто возводит причины нашего нынешнего кризиса к 1917 году.

Закон неравномерности исторического развития, в силу которого отдельные этносы, нации и государства делают рывок в своем развитии, опережая соседей, давно известен историкам. Но механизм действия этого закона изучен пока недостаточно. Мне кажется, что именно наша революция проясняет многие скрытые пружины этого закона, а, может быть, и дает ключ к его пониманию.

Россия к 1917 году была еще вполне феодальной страной, самодержавие опиралось непосредственно на класс помещиков-землевладельцев. Но одновременно в России уже более полувека - со времен реформы 1861 года - развивалось капиталистическое производство, а это значит сформировались достаточно зрелые классы - буржуазия и пролетариат. При наличии столь развитых капиталистических производственных отношений в других европейских странах политическое господство давно уже принадлежало буржуазии, и только в России, да еще в Германии феодалы сохраняли свое положение. В этих условиях противоречия капиталистического производства представляли собой пружину, сжатую двойным прессом. Вот она-то и выстрелила, распрямляясь.

Это - взгляд по-крупному, почти в символах. Наша собственная история позволяет увидеть действие в подробностях, устроить разбор по деталям. Но прежде - сухая теория: я должен показать, на что я опираюсь.

ПРИРОДА КЛАССОВ В ОБЩЕСТВЕ.

Все производительные силы общества поделены между большими группами людей, являются их собственностью. В состав производительных сил входят:

земля (как совокупность условий производства и как совокупный предмет труда),
 средства производства,
 рабочая сила.

В зависимости от того, каким видом производительных сил владеют люди, они и относятся к тому или иному классу.

Хотя весь общественный продукт создается рабочей силой, участвуя **своей собственностью** в общественном производстве, классы приобретают возможность получать некоторую долю общественного продукта. Способы ее присвоения однородны внутри классов и различны для различных классов.

Вопрос о том, какова эта доля, ничем извне не предрешен. Поэтому классы ведут между собой постоянную

борьбу за увеличение своей доли.

Основным средством этой борьбы является угроза изъятия своей собственности из производственного процесса, что, хотя и наносит ущерб всему общественному производству в целом, в определенные моменты может быть направлено против одного класса, вынуждая его идти на уступки в распределении общественного продукта.

В процессе неуклонного развития производительных сил в общественном производстве изменяется роль отдельных видов производительных сил и, соответственно, возможность маневрирования ими в борьбе классов.

Господствующее положение и вместе с ним возможность присвоения львиной доли продукта приобретает тот класс, чья собственность выше организована на данном этапе. Историческая последовательность такова: рабочая сила (рабовладельчество) - земля (феодализм) - средства производства (капитализм). Будущее человечества связано с ростом организованности рабочего класса (вновь рабочая сила).

Люди, не владеющие никакими производительными силами (интеллигенция, армия и т. п.), не имеют никакой возможности непосредственно присваивать общественный продукт. Они вынуждены служить какому-либо классу, который обеспечивает их существование из своей доли общественного продукта. Как правило, они служат именно господствующему классу (ибо он располагает избытком продукта), что способствует усилению и продлению его господства. В целом эту группу людей, не владеющих никакими производительными силами, можно рассматривать как особый, нулевой класс, помня, однако, что непосредственным участником борьбы классов он быть не может, может только поддерживать какой-либо из борющихся классов.

Теперь вернемся в Россию, в 1917 год. Февральская революция под напором мощнейших петроградских забастовок произошла. Революция?

Революции не происходят в правительствах, в верхах происходят перевороты, а революции происходят в массах. Мы можем называть переворот революцией только тогда, когда он отражает коренную ломку экономических отношений во всем обществе.

Что изменилось в обществе, в экономической системе после февраля? Ничего. Не изменились отношения крестьян и помещиков, предпринимателей и рабочих, и даже помещиков и предпринимателей. Все осталось на своих местах.

Демократия! Широчайшая свобода слова, свобода печати, свобода митингов и демонстраций...

Что это означает? Это означает, что господствующий класс - феодальный - не видит далее ориентиров, ему нужна подсказка, он пускает общество в широкий поиск. Может быть, в этом бурлящем растворе и появится кристалл, за который можно ухватиться как за путеводную звезду?

Не появится.

Но все же - надежда. Другой все равно нет.

Разве не по тем же причинам вырвались к нам идеи перестройки, идеи демократии и гласности после 1985 года? Что на уме у современных власть имущих? Да то же самое. Да, Горбачев мешает жить спокойно, как жили при Брежневле. Но приходится с этим мириться. От Горбачева можно освободиться, но что делать с экономикой? Ведь - тупик. Народ нервничает. Возьми, попробуй, власть - по-старому, по-брежневски, не решая хозяйственных проблем - так ведь обозленные массы взорвутся в конце концов и сметут... Нет, уж лучше пусть Горбачев, пусть ищет, пусть беспокоит, раз без этого нельзя. Да, его движения болезненно задевают многих. Но только конкретных лиц, не систему же! Главное - вцепиться, поднапрячься, удержаться в недрах системы. А потом? А потом найдет Горбачев экономические решения, наметится рост благосостояния - вот тут мы и выйдем на свет, и система свое слово скажет. И снова начнется спокойная жизнь.

Как? Может, и вправду появится такой вариант?

Не появится!

Потому что единственной преградой на пути к новым отношениям и служит отжившая система, ну и те, кто ее старательно оберегает.

Вот и тогда, в 1917-м, господствующий феодальный класс дозволил поиск и прессе, и всем составам Временного правительства. И выжидал.

А что же в обществе происходило?

А в обществе еще должна была созреть сила, готовая принять господство из рук дряхлеющего помещичьего класса. Та сила, которая решительно перестроила бы, перекроила сложившиеся в обществе отношения собственности.

В соседних странах такой силой была буржуазия. Молодая, малочисленная, но ведущая в бой и своих рабочих, и рвущаяся из тисков помещичьего произвола крестьянство.

Но в России все было не так, как у людей. Буржуазия в России исхитрилась сформироваться, не вступая в решающий конфликт с самодержавием. Сформироваться и породить достаточно мощный рабочий класс. Порождать рабочий класс и обострить с ним отношения до предела. И эта особенность имела далеко идущие последствия.

Февраль произошел не усилиями буржуазии и крестьянства, а под напором двухсоттысячных забастовок рабочих Петрограда. Могла ли воспользоваться этим буржуазия? И как бы это выразилось?

Для этого буржуазия должна была поднять крестьян на захват помещичьих земель - осуществить смену феодальных земельных отношений на капиталистические. И еще - утвердить свою власть с опорой на рабочих.

Но вот второе-то никак не получалось. И посему буржуазия уклонилась от борьбы против помещичества, стала искать с ним соглашения, предпочитая остаться под покровительством его привычной мощи. А значит и отказалась выступить организатором крестьянского движения. Боялась, и не без оснований, буржуазия своих

рабочих.

Куда вела такая политическая линия? А вела она только к установлению феодальной диктатуры. Самодержавие или Корнилов - дело не в форме. Ничего бы от этого не изменилось, все затянулось бы еще на несколько лет.

Вот в чем закон неравномерности развития проявился вполне конкретно. Упустив где-то в XIX веке свой момент одолеть самодержавие, буржуазия сделала социалистическую революцию в России неизбежной.

Конечно, в том, что она произошла именно в 1917 году - это ленинские усилия. Нужно было понять ситуацию, большевикам пришлось взять на себя организацию крестьянской стихии. Без Ленина не было бы Октября в семнадцатом году.

Но не в этот раз - так через десяток лет на следующем витке - социалистическая революция уже была неизбежной. До очередного кризиса у феодалов не было причин расставаться со своими привилегиями, а это только способствовало развитию противоречий между предпринимателями и рабочими. И при следующем кризисе буржуазия также не ринулась бы в бой, а пряталась бы от своих рабочих под помещичье крыльышко. Не дала история пережить России свой чисто капиталистический этап, заменив его этапом помещичье-капиталистическим, феодально-буржуазным. Не знаю, уж в чем тут дело, может - просто в огромности России, в многочисленности ее населения, не позволяющей связать все воедино без лишней иерархической ступеньки. Или, по крайней мере, в неготовности буржуазии взяться за гигантскую государственную работу в то время, когда могла история дать ей этот шанс. Но шанса этого уже не вернуть.

4

От гражданской войны - какой нам урок? Гражданская - как гражданская: отец против сына, брат против брата. Осудители Павлика Морозова не столько интересуются идеей, которая его вела, сколько возмущаются, что она была выше родственных чувств. Так вот, что я хотел заметить: родственные отношения как движущий фактор - это тоже всего лишь идея, и превалирует она над другими только в ситуации родовой кровной мести - а это такой завиток истории, который в стороне от главных путей, который большинству народов и проходить не пришлось. В гражданскую властвовали другие идеи. Для читателей, отрицающих гражданскую войну по гуманистическим соображениям, скажу: да, конечно, войны могло не быть, если бы одна из сторон уступила и перешла на сторону другой. Но какая сторона должна была уступить - не скажу. И еще встречается аргумент: «В Красную Армию крестьян загоняли силой». Да ведь и в Белую - тоже. Но где в конце концов оказывался человек с винтовкой - это все же отражение его убеждений, его согласий и несогласий. И если какая-то сторона победила, значит или численность ее была больше, или сторонники ее были надежнее по спаянности и стойкости.

Теперь - экономическая сторона дела. «Военный коммунизм», при котором у крестьянина забирали все, кроме самого минимума - это никакой не коммунизм, это - воскрешение раннефеодальных отношений, когда феодализм имел еще сословные формы. Но война - вообще феодальное явление, у войны никаких иных основ нет, и существуют войны до тех пор, пока общество не освободит окончательно свои отношения от феодальных составляющих. То есть «военный коммунизм» - это не забегание вперед, а опрощение отношений, отступление назад на несколько тысячелетий. А кончилась война - и понадобилось строить экономическую жизнь, соответствующую требованиям времени. А как?

Тех, кто с непонятной мне надеждой хватается за приведенную Борисом Бажановым, может быть, ленинскую фразу о пересмотре «всех наших взглядов на социализм», хотел бы предупредить: нет в ней ничего опровергающего, а откровение может в ней и скрыто, но это не для нас откровение. Есть у Ленина одна небольшая статья, не статья даже, а полустатья, опубликованная задолго до НЭПа, в 1919 году: «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Вспоминать сейчас ее не любят, видимо, из-за «диктатуры пролетариата». Так вот в ней говорится: «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства».

Я не в качестве теоретического аргумента эту выдержку привожу, она другое доказывает: что абстрактная ясность по этому вопросу у Ленина была уже тогда, да и ранее тоже. Я думаю, в этом взгляде на социализм пересматривать нечего. «Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою.» Эта цитата - с той же страницы, что и предыдущая.

Но, чтобы создать дизельный двигатель, кроме знания законов физики, нужны и инженерная мысль и эксперимент. Так вот ошибки конструктивных решений мы сейчас горбом чувствуем, до нас они гнетущим грузом докатились по плечам предшествующих поколений. Это теперь уже мы должны пересмотреть все наши взгляды на социализм.

Так мы этим и занимаемся.

Тут размышления для тех, кто понимает неизбежность социализма. К тому откровению, которое Ленин мыслью постиг, нас жизнь, хоть и с опозданием немалым, за ручку привела и со всей очевидностью показала. Тем же, кто в упомянутой фразе стремится вычитать мысль о полной несостоятельности социализма, могу сказать: ни к чему это, не годится Ленин вам в союзники. Да и я разговор с вами вынужден отложить - это иной вопрос, его на нашей истории не докажешь, это - всемирного опыта вопрос.

Итак, нэп был конструктивной попыткой ответить на требования переходного периода, и успешной попыткой поначалу: помог нэп, предотвратил катастрофическое обнищание. Но и проблем немало породил. Правда, поговорить об этом придется несколько позже.

А пока вспомним еще один вопрос ленинских времен - вопрос национальных отношений. Ленин много писал о самоопределении наций, это все помнят. Но я хотел бы еще напомнить, что столь же постоянно он был противником национальной автономии в партии. Вот это подзабыто. А Ленин был диалектиком и отчетливо видел диалектику в национальном вопросе. Да, пролетариат «великих» наций должен ставить задачей право всех «малых» наций на отделение. Но это не значит, что пролетариат «малых» должен такое отделение приветствовать. Скорее наоборот. Хотя, если окажется, что пролетариат может взять власть только при условии отделения, то власть надо брать и с отделением соглашаться. Но опять же помня при этом, что с автаркией и разобщенностью надо бороться и когда-нибудь победить.

Что важно для нас, сегодняшних? Диалектическое мышление подсказывает и из ленинских соображений вытекает, что государство и пролетарская партия должны в национальном вопросе занимать совершенно противоположные позиции. Государство не может не считаться с национальным сепаратизмом: оно всеобъемлюще и вынуждено реагировать на запросы даже самых отсталых своих граждан. А партия обязана поддерживать, насколько это возможно, интернациональные интересы передовой части, отстаивать для нее соответствующие права, будь эта часть хоть большинством, хоть меньшинством. А без такого противостояния никак эти вопросы не решаются, и если что и проясняется - так только их запутанность и неразрешимость.

И еще с ленинским периодом истории советского государства нельзя расстаться, не прочитав «Последние письма и статьи», продиктованные Лениным в последние месяцы работоспособности - того, что называют политическим завещанием Ленина. Бухарин, например, в своем докладе 1929 года рассматривал совокупность этих работ как план на перспективу, правда, истолковывал их в своем ключе. Но и другие ищут в них директивный смысл, подлежащий прояснению и исполнению. А давайте попробуем прочесть их иначе, увидеть раньше то, что и надо увидеть раньше. А именно: какие вопросы волновали Ленина в ту пору? Ведь главные, наверное, были вопросы?

И вот какой получается перечень:

Опасность раскола в партии.

Кадровый состав высшего партийного руководства.

Необходимость в руководстве рабочих и крестьян, не утративших непосредственных связей с производством и производственной средой.

Соотнесение научного планирования и административных решений.

Национальные отношения - в идеологическом и практическом аспекте.

Ликвидация неграмотности в деревне, общий подъем грамотности и культуры. Укрепление партийной связи между городом и селом.

О кооперации и государственном капитализме. Но это уже конкретно, это - скорее ответ, чем вопрос. А вопрос, видимо, такой: социалистические пути организации производства и распределения благ.

Готовность России к социализму. И способность справиться с возникшими задачами.

Непригодность бюрократического аппарата, перенятого, в основном, у России самодержавной.

Эффективность средств переустройства административной системы.

Вот такие вопросы, я ничего не придумал, честное слово. Это не из нынешнего дня туда перенесено. Можете сами прочесть, это не много: том 45, страницы 343-406.

С неграмотностью мы, кажется, покончили. А все остальное? Не помогли ленинские советы - почему?

Попробуем ответить. Но не сразу.

5

Сталин. Дальше разговор о Сталине, и долгий разговор. Опять же для многих неприемлемый и потому трудный до невозможности.

Невозможность - тут, к сожалению, не гипербола. Я много раз пытался объяснять собеседникам, что значит «иметь жизненную позицию», и что значит «мыслить материалистически». Не удается: понимают только те, кто имеет позицию и мыслит материалистически.

Есть вопросы, которые можно решать голосованием - это вопросы, связанные с нашими желаниями, интересами, готовностью рискнуть, в конце концов. Да и то не все. И есть вопросы, которые голосованием не решаются - там, где действуют объективные законы природы, там, где знание, а не мнение чего-то стоит. В технике все это охотно принимают, в обществоведении - нет.

Вот одни, к примеру, доказывают: Ленин очень удачно придумывал лозунги. Бросит лозунг в толпу, и толпа организуется и действует, как он захотел. А будь другой человек, не менее талантливый в этом деле, он бы другие лозунги придумывал, и толпа бы в другую сторону пошла. И есть совсем иные люди. Они просто понимают: не придумывал Ленин лозунгов, он их в самой массе находил, в ее интересах. Ни за какими другими лозунгами масса бы не пошла, придумывай их хоть трижды талантливый. Возможны, конечно, расхождения, - но в пределах точности, с которой каждый сам себя понимает.

Для первых я ничего предложить не могу, кроме возможности, прочтя мою работу, отметить: есть и такое мнение. Со вторыми - разговор гораздо серьезнее. Хотя текст-то будет и дальше один и тот же - и для первых, и для вторых.

Итак, Сталин.

Шестерых отмечает Ленин в своем «Письме к съезду», мимоходом указывая их недостатки, а иногда и достоинства. Отношения между Сталиным и Троцким - возможный источник раскола. Следовательно, Ленин уже предполагал, что малозаметного пока Сталина поддержит не менее существенная часть партии, чем та, что пойдет

за широко известным Троцким. Или не в Сталине и Троцком тут дело, а в большевизме Сталина и меньшевизме Троцкого?

Большевизм Сталина нигде не оговорен в письме. Но давайте посмотрим, какие недостатки видит за Сталиным Ленин. Сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться властью генсека. Сталин слишком груб, и этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. И косвенно: требуется генсек, отличающийся от Сталина «только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.» Но все это обозначается опять же в свете возможного раскола: «Это не мелочь или такая мелочь, которая может получить решающее значение».

Сомнений в большевизме Сталина тут никаких, подтверждений, правда, тоже как будто нет, кроме одного: если бы не грубость, Сталин бы вполне устраивал Ленина на посту генсека, генсека ленинской большевистской партии. А Троцкий - не устраивал. Ленину и в голову не приходило избежать раскола передачей «необъятной власти» в руки Троцкого. Хотя он в равной степени считает Сталина и Троцкого «двумя выдающимися вождями современного ЦК». И никто другой из имевшихся в то время партийных лидеров, как перечисленных в письме, так и неупомянутых, Ленина не устраивал.

Почему?

Ленин был материалистически мыслящим человеком. Вынося на заседание ЦК какой-либо вопрос, Ленин всегда знал, какое решение должно быть принято в силу исторической необходимости. Кроме деталей, касающихся образа действий - тут все должно было решаться по мнению большинства, ибо ему и предстояло действовать. Когда Ленин давал кому-то поручение, он предвидел результаты действий - во всех возможных вариантах. И предвидел совокупные результаты всех действий, контролируя общую картину.

Ни Троцкий, ни Зиновьев, Каменев и Бухарин не были материалистически мыслящими людьми. Относительно Пятакова я, право, с уверенностью того же сказать не могу из-за недостаточного знакомства с его деятельностью. Но это ничего не меняет. Все они успешно работали под руководством Ленина. И это не случайно. Ленин направлял и ставил их в те конкретные условия, где их конкретные способности давали наибольшую отдачу. И любили они Ленина не случайно - это подсознательная констатация того, что ленинские поручения приносили им больше успехов и удовлетворения, чем собственная самостоятельность.

Именно это ленинское качество - постоянное соотношение логики, науки и опыта с конкретностью времени и обстановки, с конкретными силами и возможностями людей - придавало партии ту особенность, которая называется большевизмом. Вот Юлий Мартов, например, так же, как, впрочем, и Троцкий, неоднократно приходил к замечательным теоретическим находкам, однако способностью соотнести это с реальным ходом общественного развития ни тот, ни другой не обладали.

Из всего ленинского окружения, из всего высшего эшелона партийного руководства только один человек был способен к таким сопоставлениям - Сталин.

Сталин был материалистически мыслящим человеком.

Сталин мог возглавить партию и государство в условиях трудностей и неожиданностей периода становления.

Но Сталин не мог заменить Ленина.

Я уж не говорю о том, что Сталин обладал менее динамичным мышлением и меньшей глубиной в понимании исторического процесса. Но и в сложившихся в партийной верхушке отношениях занять место Ленина Сталину было не дано - ведь это были не должностные, не формальные отношения.

Мне кажется, поначалу Сталин очень не стремился оказаться в центре событий. Он выжидал: вдруг, после освобождения от ленинской опеки, в ком-то прорежется дар материалистического мышления. Ведь при хорошем руководстве люди способные и неспособные к такому мышлению почти неразличимы... Объявись такой человек - и Сталин стал бы для него надежной опорой: люди с материалистическим мышлением легко находят взаимопонимание.

Может быть, я не прав, и такой надежды у Сталина сразу не было. Он ведь имел возможность оценить многих, ну, хотя бы, в спорах о Брестском мире. В любом случае, чуть раньше или чуть позже, но Сталину стало ясно, что принимать на себя всю полноту ответственности придется ему.

Вот тут и начался период, как принято считать, борьбы Сталина за неограниченную личную власть. А с вышеизложенной точки зрения - за полный контроль над ситуацией и развитием событий.

Да нужен ли был полный контроль? Тем более - личный контроль одного человека? Не важнее ли было построить систему коллективного руководства, застрахованную от личного произвола, где все вопросы решались бы коллегиально?

Мы часто сравниваем политическую систему СССР с политическими системами капиталистических стран. Опыт у них богатый, испытано много вариантов, и ни один эффективный вариант не содержит тоталитарных решений.

Но вот на что хочу обратить ваше внимание. Социалистическое государство с его государственной собственностью на средства производства является, помимо всего прочего, еще и системой экономической. И системой гигантского масштаба.

Аналогом такой системы в капиталистическом мире служит фирма, предприятие. Одна фирма, а не вся экономика. Одна фирма, возглавляемая либо лично предпринимателем, либо генеральным директором - авторитарно.

Какие бы бури не происходили в буржуазных политических верхах, стабильность экономики обеспечивается

стабильностью отдельных систем. Хозяева - не меняются. Хозяев не избирают и не свергают. Чем и обеспечивается единство замысла и осуществления, политики (экономической) и реализации.

Конечно, меняются и хозяева - фирмы наследуются и продаются. Но этот процесс стохастически рассеян во времени. И то, что при этом наследник, может быть, разорится, а покупатель изменит политический курс - это мелочи, мелкая зыбь в море экономической жизни.

Другое дело - социалистическое народное хозяйство. Эта фирма просто не имеет права обанкротиться. Или существенно ошибиться с выбором курса. Но, как и любая капиталистическая, она не может себе позволить разноречивой в экономическом механизме, неполадки в системе управления, хотя ей значительно труднее защищать свои конструкции от политических штормов. И помощи или покровительства ждать неоткуда.

Вот какую ответственность брал на себя Сталин. И чтобы проделать необходимую работу, ему нужны были надежные цепи управления системой, и тем более нужна была независимость от легкомысленных поворотов коллегиального голосования.

Я пока не выношу суждения хорошо это или плохо, и читателя прошу с суждениями не спешить. Может быть, и лучше было не браться за строительство социалистического хозяйства, может быть, надо было пустить все на самотек, дожидаться полного развала и посмотреть, что из этого сформирует сама экономическая стихия. Может быть. Но Сталин сделал свой выбор. И поступок Сталина, который каждый из нас волен судить и оценивать с высоты своих нынешних воззрений, весь состоит в этом выборе.

О других поступках Сталина мы еще будем говорить. Но первым его поступком, соизмеримым по масштабам с нашей историей, был этот.

6

Если бы в начале 20-х годов в партийном руководстве было больше материалистически мыслящих людей, то, во-первых, возможно и не Сталину суждено было бы стать преемником Ленина, а во-вторых, легче было бы преемнику выстроить новую, безленинскую систему отношений.

Сталин не мог воспользоваться механизмом, сложившимся при Ленине: без Ленина не было и механизма. Сталин не мог воспользоваться даже теми отношениями, которые формировались вокруг него самого за время болезни Ленина - они тоже во многом определялись ленинским авторитетом. Систему надо было строить заново.

Необходимо было на ключевые посты расставить таких людей, для которых авторитет Сталина был так же высок, как в свое время ленинский, а еще лучше - непререкаем. Партийные лидеры первой волны никак не могли увидеть в Сталине руководителя - для них он оставался в лучшем случае координатором.

Да, это была борьба за власть. Но не между кем-то и кем-то - никто, кроме Сталина, на центральный пост и не претендовал реально, - а за построение, за создание работоспособной системы управления. И те, кто не мог или не желал в нее вписываться, те, кто усложнял своими действиями ее настройку, должны были освободить свои места для других.

Бессмысленно было браться за управление страной, не берясь за решение этой проблемы. Сейчас нередко говорят о хитрости Сталина, особенно в этот период. Но хитрость состоит в том, чтобы изобретать новые уловки каждый раз, когда на пути возникает препятствие, которое нужно преодолеть. Хитрость мелка по своей природе, ее масштаб - масштаб эпизода. Сталину же достаточно было осознать задачу, а далее уже всей своей жизнью, каждым шагом он работал на ее решение, совершенно независимо от того, рисовались ли в обозримом пространстве конкретные препятствия.

Сейчас мы знаем, что систему всеобщего, тотального контроля Сталин построил. Знаем - какой ценой. Отметим это как второй его поступок.

Сталину предстояло много ошибаться. Я не о неизбежных ошибках говорю - это еще полбеды, я говорю об ошибках необходимых. Вперед продвигаются методом проб и ошибок: всякая проба в том и заключается, что доводится до ошибки.

Казалось бы, я взялся за такую работу, которая обязывает меня - если уж я не осуждаю все сталинские деяния скопом - обязывает высветить все его ошибки одну за другой и запечатлеть их, как говорится, «иглами в уголках глаз».

На самом деле все совсем не так. Мы об ошибках судим двояко: либо от наших сегодняшних проблем, привнося в эту оценку и все эмоции, нашими проблемами рожденные, либо как бы объективированно, то есть предполагаем у субъекта, у персонажа наличие определенной цели, установленной или угадываемой нами, и рассматриваем, какие неточности он допустил в своем движении к этой цели.

Ни то, ни другое я себе позволить не могу. Вместо этого изложу еще два подхода. Первый - иерархический. Есть, скажем, у исторического субъекта какая-то высшая цель. В процессе достижения разбивается она на группу целей меньшего масштаба, а сам процесс - на ряд параллельных и последовательных этапов, в ходе которых эти цели достигаются. И так до конца, до мельчайших отдельных действий можно разбивать. Если мы сочувствуем высшей цели, то можем в свете новых исторических знаний по всем ступеням пирамиды пройти и дать оценку правильности разбиений на каждом уровне, а то и улучшенные варианты указать. Но это - если сочувствуем. А вот если не сочувствуем... Тогда мы сочувствуем какому-то иному историческому субъекту, выступающему в данном рассмотрении как лицо страдательное. Иерархию этапов и целей некой активной исторической фигуры мы тоже, конечно, можем построить, но задача наша будет другая: указать те точки, где интересующее нас страдательное лицо могло активно вмешаться и - может быть, единым махом - всю пирамиду подкосить и перекорезить. При таком взгляде мы именно безукоризненные подробности и пропускаем: они нам ни к чему. И существует второй

подход - прагматический. Это - когда мы устанавливаем некоторое сходство своих собственных целей с целями изучаемого исторического субъекта и сопоставляем его путь с тем, что нам предстоит. Сходство при этом может быть и очень однобоким, это допустимо, но важно при этом и аналогии проводить в соответствующей мере.

Я об этих подходах почему говорю так подробно, почему на них время читательское трачу? Да потому что в них вся соль. Если кто сам мечтает о безразмерной личной власти, тот имеет полное право в этом ключе исследовать сталинскую эпоху, с этой позиции судить об удачах и ошибках, потому что исторический результат он наблюдает и, может быть, понимает и оценивает. Я же, поскольку совсем иную задачу вижу перед собой, лишен пока такой привилегии - суждения выносить. Вот доберемся до точки сопоставления, разберемся в соотношении целей, тогда и проявится, что нам подсудно, а что нет.

Тогда и я не удержусь и вынесу некоторые оценки. Но и то надо понимать, что, хотя и есть необходимость ради них проштудировать всю нашу историю, не историю они будут характеризовать и не Сталина, а меня самого да, может быть, дело, от которого отделить себя не могу.

А пока просто заметим объективно: Сталину предстояло много ошибаться. Но права на ошибки он не имел.

7

Сталин и нэп. Говоря о Ленине, мы нэп мало трогали - так, найденная форма для реализации теоретических представлений. Нэп тогда еще младенцем был.

Исполнилось младенцу шесть лет, и прорезались у младенца зубки. Два, и оба сверху.

Во-первых, для нэпо-капиталистов Советская власть оказалась оковами, куда более тесными, чем самодержавие для буржуазии дореволюционной. И капитал начал расширять свою площадку привычным методом - подкупая советских чиновников направо и налево.

Во-вторых, наметилась опять нехватка хлеба. Хлеб у крестьянина был, но продавать он его не хотел. Впрочем, следовательно, и производить не стремился.

Для любителей логических задач, здесь все ясно. Коррупцию надо пресекать, а крестьянину предложить лучший выбор товаров, он бы хлеб и продал. В общем - не против нэпа надо бороться, а против его недостатков. Хорошие решения, ничего не скажешь, но как-то не всех они устраивают принципиально. Сталина, определенно, не устраивали.

Бухарин говорил: обогащайтесь!

А зачем?

Вот ведь какой возникал вопрос. При капитализме ты можешь наращивать миллион за миллионом с целью приобрести компанию «Дженерал моторс» или вытеснить Форда с автомобильного рынка. А при Советской власти? Нэп был лишен реальных стимулов, он только начальную стадию предприимчивости стимулировал, а далее ставил предел, вот и дошли до предела. Далее надо было убирать пределы, отдавать нэпманам парламент, пусть бы они сами себя регламентировали.

У нас и перед перестройкой неоднократно и одновременно поднимался вопрос: заимствовать на Западе лучшее и у нас применить. Например, когда стало мяса не хватать, решили поднять закупочные цены, дескать, это будет стимулировать развитие производства. Но, чтобы зарплата пастухов и скотников не росла до неприличия, пришлось подсократить количество голов на одного работающего. А с тем и все стадо. Производство мяса опять уменьшилось и цены снова повысили. Это называется: сказка про белого бычка. Но и с черным, кажется, дело не лучше обстояло.

Я это к тому, что надо додумывать до конца. Но для этого надо мыслить материалистически. В 1928 году Сталин искал контактов с Бухариным. Пожалуй, Бухарин был единственным из заметных деятелей партии, на чье признание Сталин все же надеялся. Напрасно, правда, надеялся, не оправдались эти надежды, и в 1929 году Бухарин жил теми же красивыми, но незаконченными мыслями, что и прежде, не замечая, что жизнь их уже заканчивает по-своему.

Короче говоря, Сталину не только решать пришлось в одиночку, но и видел-то ту проблему, которая решается, только он один. Само собой разумеется, что не между социализмом и капитализмом он выбирал, тут-то выбор был однозначный и не только для него. Но только от понимания этого и можно было дальнейшие пути намечать, да не было ни в ком этого понимания. Потому дальнейшее нормально воспринималось в созданной Сталиным системе, которая ему просто верила, и не очень-то доходило до тех, кто остался вне ее, не вписался.

Итак, был взят курс на индустриализацию - это один поступок. И на коллективизацию - это другой поступок, самостоятельный.

Необходимость индустриализации была ясна всем. Но Троцкий и его сторонники надеялись на рост ее темпов за счет поборов с крестьянства. Бухарин указывал, что это подорвет зерновое производство - сырьевую и экспортную базу индустриализации - и призывал к поискам середины. Сталин понимал, что ни первое, ни второе problemу индустриализации не решает.

Из тупиков выводят только парадоксальные решения, революционная мысль. Сталин придумал свой ход - массовую коллективизацию. Сейчас мы по крохам воспоминаний и по ужасающему лику восстанавливаемой статистики осознаём жестокость этого процесса. Но и то надо иметь в виду, что направления, задаваемые идеями Троцкого и Бухарина, принципиально не могли дать сколько-нибудь близкого политико-экономического результата. Может быть, и не нужен был этот, достигнутый сталинскими методами итог? Может быть. А, может быть, тот же или еще более высокий результат мог быть получен иными путями, на ином направлении? Этого - не знаю, разумных конструкций на эту тему не встречал, а недодуманные - что ж их судить, их в любые времена хватает.

8

Маленькая заметка об одном не таком уж историческом событии: в начале тридцатых годов был отменен партмаксимум.

Что такое партмаксимум? До этой отмены действовало такое положение: зарплата коммуниста на руководящем посту определялась не должностным окладом, а устанавливалась соответствующим партийным органом, и устанавливалась в пределах средней заработной платы рабочего. Партмаксимум - это был максимальный размер оплаты, и не все руководители-коммунисты его получали. Нередким было такое положение: главный инженер завода, беспартийный спец получает 500 рублей, а директор, коммунист - 150, и больше не может.

Так вот это ограничение и было отменено. Я тут многое могу понять. Ну, принял человек завод, был никем, а стал директором, вник во все хозяйство, стал специалистом, может, вуз вечерний закончил - а перспективы личной никакой. И опять же: как в таких условиях наберешься руководителей-коммунистов? Их бы всех через вуз пропускать, а ведь сдерживает это - что, оставаясь рабочим, ты можешь и больше среднего заработать, а с дипломом - ни-ни. Да и за что боролись? За рабочих - да. Но ни за то же, чтоб беспартийным спецам жилось по-буржуйски, куда лучше чем партийным...

Понять я многое могу, но очень меня интересует, что было бы, если вместо этой простой отмены установить иной порядок: предложить руководителям такой выбор - или оставайся коммунистом и на партмаксимуме, или выходи из партии и получай за работу сполна, без всяких ограничений. И чтобы без взаимных обид: не исключаем тебя, а отпускаем на административную работу. Очень хотел бы я знать, к каким последствиям это бы привело. Да - не судьба.

9

1937 год. Выписываю эти цифры с ужасом, будто занимаю место за столом адвоката перед ведущим делом Сталина трибуналом. И сходятся на мне тысячи взглядов: неужели осмелится что-то пискнуть в оправдание?

Действительно, отношение к «Большому террору» стало у нас пробным камнем, паролем. Осуждаешь? Решительно и бесповоротно? - Перестройщик! Есть сомнения? - Сталинист... И Иван Грозный с его опричниной тоже, оказывается, подходит в качестве критерия. А Александр Македонский - нет. Почему?

Моя позиция - она, конечно, иная, она вне этих рамок находится. Но одно опасение меня не покидает. И в том и в другом лагере, и в сталинистах и в антисталинистах, находятся сейчас люди, которым еще предстоит переадресовать свои эмоции в нынешний день, а в истории, как положено, искать точки опоры. Нам, может быть, вместе в подробностях разобраться придется, поэтому не хотелось бы, чтобы меня зачислили во враги только из-за того, что объяснения типа паранойи или безудержного упоения собственным всеилием для меня ничего не объясняют, а уверения в изначальной правильности накатанного пути меня не успокаивают.

Теперь по существу. То, что после Октябрьской революции страной руководил аппарат, во многом заимствованный от царизма - это не секрет, об этом и Ленин немало писал. Мало того, есть к тому и объективная причина: не может общество сразу воспринять иную, непривычную форму, ее шаг за шагом осваивать надо, поэтапно. И сталинская система тоже повторяла форму феодальной государственности, может быть, еще более ярко выраженную. Это - так, замечание, характеризующее конкретные условия.

Теперь о другом. Всякий человек, ведущий какое-либо дело, если он и наилучшим образом этому делу соответствует, не может находиться в таком соответствии вечно. Особенно - если и дело развивается, и внешние условия меняются с заметной быстротой. Если это дело личное - тут человек сам решает, когда от него отступить. Но если это дело ему поручено, тут, понятно, управляют интересы поручившего.

Какой квалификации руководители пришли после революции на важнейшие посты - об этом что говорить: какие были, тех и ставили. Люди это были как правило энергичные и старательные, делом овладевали, но и дело-то на месте не стояло, торопилось вперед.

Обычно мы добры - конкретно, сочувствуем определенному человеку. Если бы было не так, то художественной литературы, искусства вообще бы не существовало. А то, что при этом абстрактно мы часто оказываемся очень жестоки - это и не замечается вовсе. К примеру, увольняют человека в 58 лет, и мы ворчим: могли бы уж дать до пенсии доработать. А то, что, может быть, два года отставания при этом руководителе такую брешь науке, или отрасли, или всему народному хозяйству нанесут, что потом всеобщими усилиями и за десять лет не залатаешь, не нагонишь - это область абстракций, этого мы не видим.

Прогресс - слово холодное, но противостоит ему не что-нибудь мягкое и ласковое, а деградация - в этом слове если и чувствуется теплота, то это теплота гниения. Прогресс - дитя абстрактной доброты, а Леонид Ильич избегал конфликтов, не обижал конкретных людей. Ньютон и Уатт, Дизель и Оппенгеймер - вот носители абстрактной доброты, и в этом ряду атомная бомба не зло, и водородная и нейтронная тоже, это все расширяет научные наши горизонты. А злом это становится в ином ряду, ряду применения, где и дизель оказывается злом, и удобрение тоже, и даже лекарства.

Но мы - люди, мы болезненно переживаем, когда абстрактная доброта проявляется в конкретном зле, а иначе она себя проявит и не может. Общество постоянно придумывает смягчающие формы: проводы на пенсию, почетная отставка, перемещение на специально созданную почетную и бездеятельную должность - внешне предельно благопристойно, но ведь за всем этим стоит кто-то, кто сказал конкретно и грубо: этого человека с этого места пора убрать.

И чем дальше развивается общество, тем больше его нужда в абстрактной доброте. Сознание наше пока отстает, а пора бы уже уяснить, что не можем мы жить без этой доброты и без ее жестокости, и найти для нее подходящие формы и примирить себя с ними.

Вот и тогда для рабочего класса и для всей советской страны и для социалистической экономики было очень

важно своевременно обновлять руководящий состав. Потому что тот, кто выводил заводы из разрухи, не годился для совершенствования производства, а тот, кто его совершенствовал, не справлялся уже с не очень-то малыми и по нашим меркам гигантами тогдашних времен. И оставлять их на прежних руководящих местах означало впустую тратить народные деньги, обманывать ожидания всей страны, да и всего наблюдающего из-за границы мирового пролетариата, и вообще из движения вперед делать пустое топтание на месте.

А теперь представим себе состояние такого исчерпавшего себя руководителя. Я этот завод по камушку собирал (возможны варианты: в голой степи из ничего строил, болота носилками засыпал, скалы киркой долбил), я ночами не спал, думает он, я без куска хлеба был, а грузил, долбил, таскал, возводил, я кровью своей это заслужил - и вот, на тебе, присылают мальчишку с дипломом, интеллигентского сынка (действительно, откуда еще братья тогда образованным людям), который в гражданскую еще пешком под стол бегал, присылают мне на замену. Не нужен, видите ли, я стал!

Стресс, конечно. Но один человек это бы еще ничего, пережил бы как-нибудь, глядя на других. Страшнее, когда такой стресс бьет по целому поколению, а именно так и было.

Сама по себе феодальная структура, которую я не зря в начале главки помянул, создавала ощущение, по крайней мере, пожизненности завоевания, если не вечности. А тут - такое. И собирались люди этого поколения, сходились, беседовали, переписывались, обменивались мнениями, сходными до деталей - и приходили к сознанию полной своей правоты и к единому пониманию того, что Сталин ведет борьбу со старыми партийными кадрами.

Я потому затронул вопросы психологии, что в данном случае это - не личное, что формировалось однотипное настроение определенного слоя, и это был слой лидеров авторитетных и влиятельных и в партийной среде, и в народе.

Когда член счетной комиссии на XVII съезде партии В. М. Верховых утверждает, что против избрания Сталина в ЦК было подано 125 или 123 голоса - это может быть и правдой, хотя, видимо, так и останется неподтвержденным и неопровергнутым. Было кому голосовать против, было. Это был 1934 год.

Необходимость обновления руководящих кадров, конечно же, не содержит в себе неизбежности репрессий. Во всем мире такой процесс обновления идет непрерывно, а в периоды резких изменений конъюнктуры становится и более интенсивным - и ничего, обходится без трагедий. Без массовых трагедий, по крайней мере.

Сталин дважды проводил массовые компании - до некоторой степени это объяснимо тем, что начало руководящей карьеры для всех было связано с одной датой, датой революции. В 1927 году обновление кадров прошло под флагом борьбы с троцкизмом. Через десять лет - 1937-й...

В этих десятилетних циклах заложена какая-то закономерность. И Мао Цзедун указывал ту же периодичность для своих культурно-революционных встрясок - 8-10 лет.

В 1937 году верх был за Сталиным. Но ведь нетрудно оценить, что произошло бы, если бы преимущество оказалось на стороне этого самого руководящего слоя. Он бы пришел к власти со вполне брежневским лозунгом: надо дать людям спокойно работать, - и остановил бы всякое движение вперед на тех, отчаянно невысоких рубежах. Правда, и идея перестройки в той или иной форме родилась бы, видимо, тогда же, в завершение тогдашнего застоя.

Еще раз хочу подчеркнуть, что все приведенные соображения не содержат ни малейшего мотива для оправдания массовых репрессий. Они - только о том, что в экономическом развитии страны имелись и реальные трудности, которые требовали своего решения. Вот эти требования реальности, а совсем не произвол, и служили первоначальным толчком, запускающим страшный механизм.

Вот это важно нам понять из истории, ибо нам предстоит решать свое будущее, и в нем те же трудности могут встретиться. Если мы будем, отталкиваясь от идеи сталинского произвола, заботиться только о том, чтобы человек, подобный Сталину, не оказался у руля, кто знает, в будущем, столкнувшись с теми же проблемами, не придется ли этому новому рулевому, и не Сталину совсем, действовать по-сталински, не имея иного пути. Если же мы осмыслим, как изменить условия, чтобы с теми трудностями не встречаться, или чтобы более благополучный выход из них был подготовлен, то это и будет означать, что уроки истории мы проходили не зря.

Есть у меня и еще один аргумент, который позволяет сталинские действия понять. Не оправдать, нет, но приблизить нас к пониманию тех исторических закономерностей, которым наше общество подчинено. Я его, конечно, тоже изложу, но не сразу. Прежде придется одну главку посвятить подновлению теоретических взглядов, без теоретической опоры здесь разобраться трудно.

И еще один вопрос. Пусть Сталин решал вопросы обновления руководства в интересах экономики, страны, рабочего класса. А не устаревал ли сам Сталин, не требовалась ли ему замена?

Может быть и надо было его менять. А как?

10

В 1917 году в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция. Эта фраза, не так давно бывшая банальностью для каждого школьника, сейчас подвергается атаке с самых различных направлений. Социализм ли принесла эта революция? Нужен ли нам социализм? Несла ли Октябрьская революция социализм с самого начала? И вообще: может ли социализм быть следствием революции? Совместимы ли эти понятия?

Не имея сейчас возможности пофехтовать, наподобие Д'Артаньяна, со всеми противниками сразу, я вынужден повернуть коня и продолжить путь. Для меня фраза, вынесенная в начало, ни в чем не утратила своей истинности.

Что такое социализм? Социализм есть **п р о л е т а р и з м**, говорит первооткрыватель этого термина Григорий

Исаев, то есть эпоха господства пролетариата. Это никак не расходится с Марксом, который первым шагом видел «превращение пролетариата в господствующий класс», а вторым - экономическую власть «государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс».

Я марксист, я уже предупреждал об этом, но это не означает, что я не готов к диалогу с людьми, мыслящими за пределами марксизма. Всякую додуманную, то есть определенную в своих завершающих моментах концепцию можно обсуждать. И даже недодуманную - если автор не отказывается от додумывания. Но сейчас - дело не в спорах; если понадобится, потом доспорим. Сейчас, пожалуй, важнее всего другое: я марксист, и предпринимаю это исследование с позиций, совпадающих со взглядами тех, кто творил историю на исследуемом этапе.

Внимание и тех, кто уже готовится к спору, и тех, кто читает эти заметки с сочувствием и пониманием, я хотел бы обратить на те небольшие, может быть, даже незначительные усиления марксистской позиции, которые несет почти каждая заметка. Это неслучайно. Это перевод спора из области «верен или не верен марксизм вообще», «нужен или не нужен марксизм» в другую область: помогает ли марксистская наука нам разобраться в собственной истории.

Итак, в Октябре 1917 года в России пролетариат одержал победу. В Октябрьской революции и затем в ходе Гражданской войны пролетариат показал себя господствующим классом. Это была победа именно пролетариата, а не большевиков - большевики только приняли на себя организацию самого пролетариата и его взаимодействия с крестьянством. В великих социальных революциях вообще борются и побеждают не партии, а классы; партии оказываются заметными в этой борьбе только благодаря тому, что выражают интересы того или иного класса.

Новый господствующий класс - это новые экономические отношения. Чтобы закрепить их, чтобы придать им форму, и нужно было новое «государство, т.е. пролетариат, организованный как господствующий класс».

С этим всегда возникали трудности. Буржуазия веками искала формы для своего господства. С семнадцатого века через гражданские войны и перевороты вела свой поиск Великобритания. Через две буржуазные революции и испытание Парижской коммуной пришлось пройти Франции. Через войну за независимость и гражданскую войну Севера против Юга прошли Соединенные Штаты.

С выходом на историческую арену нового класса возникали и новые проблемы. Социалистическое государство должно быть выразителем воли пролетариата. Не разового его пожелания, а предвещающей новые и новые требования воли, изменяющейся вместе с развитием самого пролетариата.

Способность Ленина к постижению интересов пролетариата доказана и его предреволюционной деятельностью, и его работой на посту главы государства. Собственно, она и определила большевизм, обеспечила связь партии с рабочим классом и в революции, и в гражданской войне.

Но и Сталин находился с интересами рабочего класса в постоянном контакте. Если в двух первых дискуссиях с троцкизмом еще можно говорить о роли ленинского авторитета, то дискуссия 1924-25 годов проходила уже без Ленина, однако поддержка сталинской линии в ней тоже была предreshена. Так же, как и в борьбе с последующими оппозициями.

Я сейчас вынужден коснуться совершенно неприемлемого вопроса, я знаю, что это не может не причинять боль, но и уяснить это необходимо. Сама возможность сталинских репрессий против известных и популярных деятелей партии прямо доказывает прочность связей Сталина с рабочим классом, надежность его опоры. Брежнев, например, даже если бы очень захотел, не смог бы провести сколько-нибудь заметных репрессий в руководящем слое: этот слой немедленно смел бы его, потому что ни на что, кроме этого слоя, он и не опирался.

Тем, кто убежден, что сила Сталина состояла в мощи репрессивных органов, возражу.

Во-первых, никакие органы не являются социальной силой. Социальной силой является только класс, и всякие органы функционируют, пока классы им это позволяют.

Во-вторых, репрессивные органы - не механизм, это люди, которых служба свела в некую систему. И если обстоятельства заставляют их служить меньшей социальной силе против большей, или даже активно участвовать в противостоянии равных сил - раскол в них неизбежен. Скажем, если бы Брежнев потребовал от КГБ активных действий против руководящего слоя, то эти органы просто перешли бы на сторону руководящего слоя. И если бы на это не решился лично Андропов, нашелся бы кто-нибудь из его ближайшего окружения для того, чтобы возглавить такой переход. Я намеренно говорю о Брежневе, чтобы вы представили общность ситуации. Что касается конкретных фактов - вспомните роль Семичастного в 1964 году.

Так вот, по крайней мере в тридцатые годы, сила Сталина состояла в его прочной опоре на рабочий класс. Возражения типа «на неразвитый рабочий класс», «на отсталую часть рабочего класса» не приемлются. Если бы в тогдашнем рабочем классе были более развитые и более мощные слои, то нашлись бы и люди, которые построили бы на этом политику, более мощную, чем сталинская.

Ленин представлял интересы рабочего класса совместно со всем партийным руководством. Сталин представлял эти интересы уже практически в одиночку. Вот такая сложилась картина, вот такой процесс вырождения шел в руководящих верхах. И то, что Сталин с некоторых пор стал проявлять особую заботу о своей жизни, возможно, объясняется вовсе не личным страхом, а чувством ответственности, осознанием исключительности своего положения.

Пока в партии была оппозиция, сталинские формы для выражения интересов пролетариата проверялись в спорах с оппозицией. Но оппозиция была ликвидирована, и Сталину уже пришлось принимать решения без малейшей предварительной проверки.

Да и со стороны рабочего класса странное это было господство. Решения принимались в его интересах, но не им же, не им. Развитие господствующего класса в том и состоит, что, принимая ошибочные решения, он

чувствует на себе все результаты своих просчетов, обучается их избегать и, в конце концов, выстраивает систему, в которой сохраняет за собой все ключевые моменты. Советский рабочий класс оказался всего этого лишен полностью. А ведь, только проходя такой путь, создавала свои институты буржуазия. «За нас думает Сталин!» - это было правдой, и гордиться тут нечем. Великий вождь сам совершал ошибки, сам исправлял их, как мог. А рабочий класс, освобожденный от необходимости мыслить, оставался темным, социально непросвещенным и растрачивал даже то, что было приобретено в революционной борьбе. Это были условия, в которых рост рабочего сознания невозможен.

11

Теперь я приступаю к главке, которая вполне могла бы быть завершающей. Хотя жив еще в нашем исследовании Сталин, и впереди немало событий, которым суждено обогатить и нашу историю, и наши знания, но можно подвести и некоторые итоги. Уже освоенный исторический материал позволяет сделать важную вещь - произвести сопоставление позиций. Но и не только это.

Я буду сейчас высказывать не вполне убедительные мысли - не обращайтесь внимания. Сейчас нет ни времени, ни нужды их доказывать подробно, ибо пока они касаются только лично меня, моих взглядов, а не того исследования истории, которое мы ведем вместе с вами. О том же, что заинтересует вас в моих мыслях, можно поговорить в другой раз, если будет на то читательская и издательская воля.

Я полагаю, что марксистская идея, что всемирная социалистическая революция начнется с завоевания власти пролетариатом в одной или нескольких наиболее развитых капиталистических странах, недостаточно точна. Дело не только в том, что практика показала иное, дело в том, что это - неизбежное иное. Я думаю, что если бы пролетарская революция не произошла в России, она произошла бы в Германии. А после этого в России состоялась бы все-таки обычная буржуазная революция. То есть очередность прорыва в будущее была предоставлена историей именно одной из этих двух стран.

Поэтому построение социализма в одной отдельно взятой стране для меня не проблема, требующая доказательств, а неизбежность, требующая только правильных путей реализации.

Отсюда, естественно, следует, что дело, за которое не без серьезных сомнений взялся Ленин - дело построения социализма в России - считаю правильным. Но...

Но вот те вопросы, приведенные в четвертой главке, над которыми бился Ленин, бился и Сталин, и которые сохранились нерешенными до наших дней, говорят, что, видимо, изначально был заложен дефект, препятствующий их решению.

Или - то отстраненное от управления государством положение рабочего класса, о котором мы говорили в предыдущей главке. Ведь оно препятствует развитию пролетариата. Видимо, оно же препятствует и решению нерешенных вопросов?..

«Пролетариат, организованный как господствующий класс.» Этот тезис для меня очевиден. Феодалное государство - организованные как господствующий класс феодалы. Буржуазное - буржуазия. Так в чем же секрет?

Что организует феодалов? Земля и оружие.

Что организует буржуазию? Капитал и товарообмен.

Что организует пролетариат? Производство и ...

Организации! Вот в чем дело: если начальный толчок организованности пролетариата дает совместное участие в производстве, то дальнейшее развитие этому процессу могут дать только самостоятельные пролетарские организации, пронизывающие весь класс вдоль и поперек, возникающие и распадающиеся, базирующиеся целиком на доброй воле и энтузиазме актива, их создающего.

Организованность - в организациях! Ничего себе секретик. Есть сомнения?

А давайте-ка посмотрим. Предреволюционный российский пролетариат: страховые кассы; профсоюзы; национальные связи; партии - не только большевистская, но и все остальные. Есть на чем созреть, есть среда для формирования мнений, есть поле для поиска истины.

А после революции? Коммунистическая партия стала правящей, все остальные запрещены. Но правящая партия - это совсем не самостоятельная. Она связана с правительством, она его интересы выражает, а это далеко не всегда совпадает с интересами пролетариата. Профсоюзы? Но и они уже подчинены правящей партии, как и все остальные сохранившиеся и вновь возникшие организационные формы.

А давайте-ка поподробнее проработаем такой вариант: сформировала бы партия 25 октября правительство и вывела бы его из своего состава, осталась бы сама с пролетариатом. Что было бы?

Разделиться - не значит вступить во вражду. Поначалу партия активнейшим бы образом помогала становлению нового правительства, поскольку ему и задачи-то партией определены. Но чем прочнее бы становилась власть, тем больше бы в ней обнаруживалось косности. И тем активней становились бы атаки партии, тем настойчивей она бы требовала изменений. А когда бы иссякли возможности старой структуры, вытолкнула бы партия на государственные посты новую волну руководителей со свежим взглядом. И опять бы вывела их из своего состава.

Это - упрощение. Но не по сути упрощение, а по изложению. Для хорошего изложения этого вопроса еще и языка-то нет, его надо бы придумывать по ходу. Но подумайте сами над этим, пусть упрощенным, представлением - сколько проблем оно позволяет решить. Возьмем те же ленинские вопросы.

И сразу оказывается, что множество вопросов просто отпадает. Опасность раскола? Кадровый состав? Но это для класса - не проблемы. Раскол в правительстве? Сменим правительство. Раскол в партии? Пусть две будет, пусть хоть четыре. Как соотносить научные и административные решения? Сами научитесь, партии вам ни одной

ошибки не простят. Так же, как ошибок в национальной и культурной политике. Что касается организации производства и распределения - пробуйте: и удачи и неудачи без оценки не останутся. А уж Рабкрином становится вся самостоятельная политическая система.

И вот когда я понимаю, наконец, что основой социалистического государства может быть только самостоятельная политическая система, связанная с пролетариатом по множеству направлений, но независимая от правительства и тем более ему не подчиненная, система, которая постоянно поддерживает организованность рабочего класса и готовность вмешаться в деятельность правительства, если что не так, вот тогда я и о Сталине свое суждение могу высказать.

Диалектическое оно, это суждение. А для тех, кого эмоциональная сторона интересует, скажу понятнее: амбивалентное.

Невозможен социализм с наличием правящей партии. И сколько бы человек - Сталин или кто другой - не клал стараний на реализацию этой идеи, это напрасные старания. И все жертвы - напрасны, и нет за них никакого оправдания.

Но ведь есть и другая сторона. Хоть и неполноценный социализм, но просуществовал он несколько десятилетий и важнейшие трудности высветил. Не будь этого - и пришлось бы человечеству вслепую тыкаться снова и снова, проходить через сотни Парижских коммун и опять же кровью платить за знания, поскольку дешевле они историей не отдаются.

Вот что касается нас - то нам уж точно не будет никакого прощения, если мы оплаченными уже знаниями не воспользуемся, а пойдем, не разбирая дороги и внося, внося, внося за то новую плату.

1989 г.

США, СОЦИАЛИЗМ, МЫ ...

По поводу статьи в «Литературной газете» от 28 июня 1989 г.

Я прочел статью Л. Любимова «К какой системе принадлежат США?» и мне захотелось:

- а) согласиться,
- б) возразить.

Прежде всего, я должен выразить согласие с постановкой вопроса: нам необходимо разобраться в социальной организации этого государства, по крайней мере для того, чтобы понять почему американцы живут лучше, а мы хуже, или, предвидя имеющийся наготове полутвердый ответ: почему американцы работают лучше, а мы хуже.

И не так уж дик и крамолен разговор о социализме в Соединенных Штатах. Известно, что эффективность производства (производительность труда, как писали классики, но более поздний термин здесь точнее) тем выше, чем выше уровень социальной организации общества. Это - закон общественного развития. Но тогда: если мы живем в социалистическом обществе, то что, у американцев уже коммунизм? А если там все же капитализм, то что у нас?

Мы можем задать те же вопросы, сравнивая нашу жизнь с положением во многих других государствах, традиционно считающихся капиталистическими. А главное - нам нужно разобраться в других, чтобы разобраться в себе.

Но для этого годится не всякое сравнение, нужно сравнивать на базе какой-либо научной концепции. Я, по нынешним временам рискуя выглядеть старомодным, все же твердо предпочитаю марксистский анализ.

И вот здесь взгляды Л. Любимова вызывают у меня несогласие. «Старательно выписанные многими авторами представления, - пишет Любимов, - что достижения США в социальной сфере - результат классовой борьбы и следствие умелого маневрирования бизнеса и властей, безусловно, устарело. Такое объяснение оставляет за чертой все более существенную трансформацию всей системы производственных отношений, отнюдь не совпадающую с коренными интересами вчерашнего правящего (господствующего) класса».

Да, конечно, истины, которые задевает здесь Любимов - давно уже стали банальными. Но и «дважды два - четыре» тоже не отличается новизной. Так перестают ли банальные истины оставаться истинами? Они превращаются в общие места для тех, кто и не пытается установить их связь с жизнью, они увядают на поле схоластики, где ведется борьба между доктринерами и их не менее доктринерствующими противниками.

А по существу?

Попробуем разобраться в вопросах, поставленных Любимовым, опираясь на самые банальные тезисы марксизма.

Капиталист приобретает рабочую силу как товар. Капиталист оплачивает воспроизводство рабочей силы. Оплачивает по минимуму. Дает ли это возможность понять, почему так неплохо живет американский рабочий? Картелирование и монополизация - процессы становления капитализма в конце прошлого века - казалось бы, создали исключительные условия для монопольного снижения цен на рынке рабочей силы. Однако благосостояние

рабочих не падает, а растет. Как это разъяснить по Марксу?

Недоумение возникает из-за того, что предполагается, будто капитализм меняется во времени, а рабочая сила - нет. Но она тоже меняется, но дело не в повышении квалификации, а в том, что на смену индивидуальной рабочей силе приходит организованная рабочая сила, и все более организованная рабочая сила. Чтобы убедиться в различии стоимости организованной и неорганизованной рабочей силы, достаточно вспомнить исследования Гюнтера Вальрафа о положении турок-иммигрантов в ФРГ.

Закон, открытый Марксом, остается таким же незыблемым. Только, считаясь с историческим фактом, капиталисту приходится оплачивать воспроизводство **организованной** рабочей силы. А организованность требует высокого уровня культуры, который, в свою очередь, невозможен без должной материальной обеспеченности. Оплата идет по минимуму, но минимум-то не стоит на месте.

Теперь посмотрим на законы самого капитализма. Еще в начале нашего века английский экономист Джон Мейнард Кейнс указывал на неизбежность кризисов при существовавшей тогда организации капиталистического общества. Судите сами. Совокупный предприниматель, то есть все капиталисты вместе взятые, производит в год некоторое количество товаров. Совокупному потребителю он выплачивает, скажем, при скромной норме прибавочной стоимости в 100 процентов, половину стоимости этих товаров. Он не может платить больше, потому что затевает производство исключительно ради прибыли, ради получения своей половины. Но потребитель-то не может выкупить вторую половину товаров, у него на нее просто нет денег.

Тупик. Из этого прямо следует, что капитализм не может существовать. Это - не шутка, это действительно научный вывод. Как же существовал капитализм все эти годы?

А так и существовал, со взлетами и падениями. В период подъема, развития, процветания капиталист не стремится получить свою прибыль в деньгах, он предпочитает иметь ее в виде дополнительных средств производства, которые будут приносить ему добавочную прибыль. И он вкладывает всю свою прибыль в строительство, закупку оборудования, научные разработки - тем самым возвращая деньги потребителю, позволяя ему выкупить весь произведенный товар.

Но для того, чтобы наращивать капитал, развивать производство, предприниматель должен видеть перспективу спроса, знать, что товар, изготовление которого он намечает, будет иметь сбыт. По мере насыщения рынка все меньше остается таких зон потенциального спроса, все меньше явных и неудовлетворенных потребностей. И капиталист - не совокупный, а конкретный - вынужден задумываться, откладывать деньги про запас. Один, другой, третий... Деньги не попадают к потребителю, покупается меньше товаров, следует сокращение производства, увольнения... Неизбежный, лавина нарастающий кризис.

А после кризиса - снова процветание...

Чтобы вырваться из этой ужасающей цикличности, Кейнс предложил систему государственного регулирования экономики. Суть ее в том, что государство должно обеспечить потребление всего производимого продукта: частично - направляя дополнительные средства потребителям, а главным образом - потребляя само. А где должно брать средства государство? Три источника: высокий прогрессивный налог на прибыль и планируемый дефицит бюджета, складывающийся из правительственных займов и эмиссии денег.

Эта система была принята в США в годы правления Ф. Рузвельта и действует по сей день. В ее рамках было развернуто грандиозное строительство дорог в 30-е годы, а затем это место занял военно-промышленный комплекс. Так что ВПК - это своего рода экономическая необходимость, инструмент возврата денег от государства потребителю. В рамках той же системы осуществляются и все социальные программы. Государство просто вынуждено тратить громадные суммы.

Налоги на крупные фирмы поглощают около 80 процентов их прибыли. Правда, в период правления Рейгана они были несколько снижены. Мелкие предприятия платят меньше, но в среднем это около 60 процентов всех прибылей.

С какой стати капиталисты, живущие в вечной гонке за максимальной прибылью, обреченные на это, чтобы не оказаться растоптанными в конкурентной борьбе, и вдруг согласились отдавать большую часть прибыли государству? А если их заставили, то кто?

И тут мы выходим в область классовых интересов.

Интересы класса никогда не совпадают с интересами составляющих его индивидов. Это - тоже азбучная истина марксизма, одна из тех, которые стали как-то забываться в последнее время. Предприниматели и в феодальном государстве были заинтересованы в одном: в получении максимальной прибыли. Но вся земля принадлежала и могла принадлежать только аристократам. Предприятия надо было где-то размещать, и здесь предприниматель оказывался ничем не защищенным от произвола землевладельца. Никакие договоры не помогали, ибо единственным гарантом был тот же землевладелец, который мог пересмотреть и отменить любой договор, объявить своей собственностью все, что расположено на его земле... И произвол землевладельца защищался всей мощью феодального государства.

Поэтому и выросли основные идеи буржуазного общества:

государственная собственность на землю и свобода предпринимательства, то есть защита государством права частной собственности на средства производства. Это были классовые идеи, и XVIII - XIX века были потрачены на их усвоение передовыми классами и на болезненные поиски форм практической реализации.

Отметим один важный момент: была ли реализована идея государственной собственности на землю? Ведь частное землевладение сохраняется во всех капиталистических государствах? Но может ли итальянец продать свою землю Франции? А если ее купит француз, то станет ли она французской территорией? Но главное даже не это,

главное - что устойчивость всех договоров об аренде и продаже земли гарантируется государством, государственным законодательством, государственными механизмами. Иными словами: частная собственность на землю сохранилась как форма, но не как сущность.

Реализовав две основные классовые идеи, буржуазное государство несло свой тяжкий крест через непрерывную серию кризисов перепроизводства XIX - XX веков. До тех пор, пока не вызрела третья классовая идея: чтобы иметь возможность получать максимальную прибыль, недостаточно урегулирования земельных проблем, недостаточно незыблемости права частной собственности на средства производства - необходима еще и социальная стабильность.

Ибо в смутные времена, когда некому производить продукцию или некому ее покупать, даже самый совершенный завод прибыли дать не может.

Решать проблему стабильности общества поручили государству. Именно ради этого сильные мира сего оказались готовыми расстаться с большей частью своих прибылей. Классовые интересы возобладали над интересами индивидуальными.

Государство оказалось непосредственно вовлеченным в экономические процессы. А чтобы это могло значить?

Если прибыли какого-либо предприятия делятся между двумя субъектами в отношении четыре к одному, то кто из субъектов владеет этим предприятием? Поразмыслив над этим, нетрудно придти к выводу, что более чем половиной средств производства в Соединенных Штатах владеет государство. Номинальные владельцы только распоряжаются своими предприятиями полностью, а владеют - меньшей долей. Государство, кстати, ничем не рискует, доверившись предпринимателю во всем: продаст предприниматель свой завод - делиться с государством придется купившему, если же предприниматель разорится, тоже не страшно - освободившуюся нишу спроса займет другая фирма и также вынуждена будет делиться прибылью с государством.

Итак, в США более чем половиной средств производства владеет общество в лице государства. Не правда ли, знакомая формула? Это же важнейший признак социализма.

В США государственная система регулирования экономики по Кейнсу принята осознанно. Многие капиталистические страны пришли к аналогичным решениям под влиянием потребностей второй мировой войны. Кстати, Кейнс участвовал в этом и лично, занимая с 1942 года пост советника британского казначейства. Так или иначе, но сейчас элементы социализма присутствуют в экономике всех ведущих государств. Мало того, можно утверждать, что высокий жизненный уровень в капиталистических странах прямо зависит от степени внедрения социалистических идей. И история, порядок событий показывает, что это именно так, а не наоборот, как ныне кажется некоторым нашим экономистам.

Но социализм ли это?

Общественная собственность на средства производства - это важнейший признак социализма. Но не первый. Потому что первый - это организованный в господствующий класс пролетариат.

Различия между социалистическими элементами в экономике буржуазных государств и социализмом такое же, как между частным предпринимательством в феодальную эпоху и ныне, между оброчным крестьянином и современным маркетингом. Феодалы тоже не искореняли предпринимательство, они лишь стремились удержать его под своим контролем, в полной зависимости.

Но все же и термин ГМК, государственно-монополистический капитализм, не отражает историко-материалистической сущности современного капиталистического общества. Капитализм-то он капитализм, но, конечно, не тот классический, который пытался себя выстроить исключительно на основе капиталистических отношений. Социализированный капитализм - вот, пожалуй, какой термин ему требуется.

Попробуем разобраться в этом поподробнее. В 1917 году в мире произошла социалистическая революция. В мире, я не оговорился. То, что она осуществилась в России, сути дела не меняет. С этого момента все человечество уже вынуждено было жить с оглядкой на этот факт.

История миру дана одна, варианты в ней исследовать трудно. Но не потому ли буржуазия финансировала фашизм и нацизм, что опасалась своего Октября? Однако фашизм - это отступление к феодализму, из него опять выход к тем же проблемам. Американская буржуазия пошла иным путем: она предпочла сделать социалистические уступки, опережая требования своего пролетариата. И этот путь оказался куда более эффективным. Он не только резко снизил накал классовых отношений, но и затормозил развитие классового сознания, лишив его непосредственных стимулов и ближайших ориентиров. Правда, он породил такой феодальный нарост, как военно-промышленный комплекс, который давно уже не пожелал играть предназначенную ему роль регулирующего экономического механизма и зажил самостоятельной не очень-то считающейся с интересами общества жизнью. Но это не органический дефект найденного пути. Хотя он и приведет Соединенные Штаты к кризису, но это будет не окончательный кризис, он завершится заменой ВПК на какую-то иную систему нетоварного производства, возможно, экологическую или космическую.

Но главное в найденных решениях - то, что они позволили сохранить политическую власть, продлить политическое господство буржуазии. Уступки по второму пункту для капитализма не смертельны, не то что по первому. Буржуазия согласится выстроить социализм и на 90 процентов, лишь бы политическое господство, капиталистическая классовая доктрина сохранялись.

Как видите, я не оспариваю основной вывод Любимова о явном присутствии социализма в общественной жизни США и многих других капиталистических государств. Но, подходя к тем же выводам иной дорогой, можно получить возможность научного сопоставления этапов развития капиталистического и социалистического

общества. В частности, что интересно для нас сейчас, - это заметить как капитализм решал вопрос о собственности на землю, сохраняя форму частного землевладения. Перед социализмом стоит вполне аналогичная задача относительно средств производства, и нетрудно заметить, что во времена НЭПа она решалась в том же ключе. Сопоставление течения различных эпох на базе исторического материализма и марксистской политической экономии позволяет и в других вопросах осваивать исторический опыт, не прибегая к дорогостоящим и рискованным экспериментам - но это уже тема иного разговора.

И прогрессивные, и направленные вспять процессы в обществе XX века несут в себе отпечаток Октября. Но нельзя оставить без внимания то, что весь мир занят поиском и проработкой социалистических форм в политической и экономической сферах, превратился в грандиозный полигон практической проверки социалистических идей. Этот международный опыт еще ждет непредвзятого исследования и обобщения.

И не надо поспешно отказываться от добротной марксистской теории только потому, что услугами догматиков, прилепавших ее к месту и не к месту, она изрядно опорочена. Надо отказываться от услуг догматиков, а марксизм еще верно послужит рабочему классу.

ТЕНДЕНЦИИ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

(1981 год)

Всякий экономический кризис есть следствие и проявление несоответствия производительных сил и производственных отношений, накопившихся противоречий между ними.

Всякий экономический кризис разрешается только революционными преобразованиями, приводящими производственные отношения в соответствие производительным силам. Даже в том случае, если разрешение кризиса происходит в исторических рамках одной общественно-экономической формации, выход из него неизбежно несет революционные перемены. То есть, если строй даже не заменяется на другой строй, он все равно становится после кризиса иным, обновленным, более приспособленным к требованиям истории.

Экономический кризис в нашей стране, совершенно отчетливо обрисовавшийся с конца 70-х годов, а начавшийся еще раньше, никак не является исключением.

Всякое революционное преобразование начинается с революционного движения низших классов. Именно их борьба и их сплочение формируют социальную опору, без которой никакие революционные преобразования невозможны, даже если они проводятся «сверху». Движение низов порождает и те идеи, которые ложатся в основу революционной перестройки.

Других путей у истории нет.

Правда, история знает немало случаев, когда экономически отсталое общество удерживалось от распада силой, то есть за счет поддержания его социальной отсталости. Но это никогда не предотвращало краха и даже не отдаляло его - наоборот, насильственное сдерживание общественного развития только усугубляет противоречия, доводит их до крайности и завершается наиболее мощным взрывом и наиболее разрушительными последствиями.

Кризис в нашей стране характеризуется следующим.

1. Население надо кормить.

Единственный реальный на данный период путь решения этой проблемы состоит в постоянном увеличении закупок продовольствия за рубежом. Платить за это приходится невозполнимыми национальными богатствами (нефть, газ, другие полезные ископаемые). Но Россия - не Кувейт, надолго этого не хватит. Далее этот путь ведет к согласию на грабительский концессии, к сдаче в аренду шельфа и другое - вплоть до распродажи территории. Социальные проблемы не решаются, и, значит, таким способом нельзя решить экономические проблемы, а можно всего лишь оттянуть их решение на некоторый срок.

2. Продовольственная программа.

Сначала она (может быть) будет выполняться, но только по вложениям и только на бумаге. Далее выяснится: вложения не дают той отдачи (на единицу), которая бралась в расчет; отдача от всего объема вложений не перекрывает естественно текущего спада производства сельскохозяйственных продуктов, то есть спад продолжается.

После этого выяснения возможны два решения. Первое - махнуть рукой на Продовольственную программу и держаться за политику интенсификации распродажи богатств, ни на что уже не надеясь (или тешась надеждами на чудо). Второе - всеми силами добиваться намеченных результатов, делая дополнительные вложения. То есть, дополнительно отвлекая средства от промышленности. При большой настойчивости желанных сельскохозяйственных показателей можно на какой-то момент добиться. Но при этом промышленность будет подорвана несравнимо больше, чем на суммы отвлекаемых вложений, ее спад ускорится, и это, с некоторым временным лагом, убийственно подкосит сельское хозяйство, единым махом ликвидировав все достижения.

3. Спад в промышленности.

Спад в промышленности, определившийся в 1977-78 гг., будет продолжаться. Для улучшения нет никаких причин, а отвлечение средств на освоение распродаваемых богатств и на сельское хозяйство только усугубляет положение. Вполне возможно, что в ближайшее время промышленный кризис скажется, как заметное ограничение, даже на распродаже национального достояния.

Необходимость решения проблем промышленного производства заявит о себе, видимо, острее всего. И тогда

правительство (под правительством здесь имеется в виду не какой-либо формальный орган, а фактически правящая группа, вероятно, в какой-то степени совпадающая с Политбюро) вынуждено будет принять решение, которое стучится в дверь уже свыше 20 лет - решение о расширении экономических прав директоров. Это решение, в конце концов, вынуждено будет достаточно полным, т.к. половинчатые меры никакого эффекта не дадут. Других путей у правительства нет.

Других путей нет, а эти решения немедленно превратят директоров в капиталистов, так как остальные необходимые решения уже подготовлены. Под «остальными» имеются в виду два компонента:

положения из закона о госарбитраже, защищающие предприятия (читай: директоров) от своих министров, т.е. от вышестоящих органов вообще;

положение из Конституции, предусматривающее судебную защиту права человека на занимаемую должность.

Получив достаточный объем экономических прав, директора заставят эти положения, ныне практически бездействующие, работать сполна, оберегая их директорское (читай: буржуазное) положение.

Успеет ли при этом подняться производство - неизвестно (тенденция к подъему действительно возникает). Но правительство, принявшее такое решение, раньше всякого подъема рухнет с грандиозным треском. И наша страна получит новое «директорское» правительство - самое грязное и бесчестное в истории человечества, на редкость несогласованное, исполненное наглости и насквозь коррумпированное. Мэру его буржуазной извращенности невозможно вообразить - не то что предсказать.

Решающим шагом реставрации капитализма будет разрушение государственной монополии на внешнюю торговлю, т.е. выход на внешний рынок отдельных предприятий и объединений (читай: директоров - читай: капиталистов, хозяев).

4. Возможные осложнения.

Их три.

Первое - денежная паника. Денежные вклады в сберкассы превышают 150 миллиардов рублей, на руках у населения денег еще больше. А товаров в обороте - на 60 миллиардов или около того. Достаточно устойчивого слуха о денежной реформе или даже заметного локального срыва в товарно-денежном обращении - и вся наличность водопадом обрушится на магазины. А далее - дикая инфляция, невообразимый скачок цен и переход к жесточайшему нормированию товаров широкого потребления (которое нынешним властям совершенно не под силу). На экономике это скажется губительно, политический кризис неминуем.

Второе - это поручение органам госбезопасности надзора за хозяйственной деятельностью. Это страшное осложнение. В кратчайший срок оно приведет к тому, что будут полностью подкуплены вначале следственные органы безопасности, а затем и вся оперативная служба (как это уже произошло с системой БХСС). Это страшно тем, что в стране не останется ни одной не разложившейся централизованной системы. И, значит, кризис, разруха, полнейший развал производства достигнут ужасающих величин, ибо для их преодоления (силами, которые их действительно могут одолеть) не останется ни одного годного инструмента: всю централизацию придется строить заново от полного нуля.

Третье - это возможная война. Подтолкнуть правительство к развязыванию достаточно серьезной войны могут следующие примитивные соображения: «Отечественная война, в условиях разрушения и эвакуации, позволила, за счет патриотического порыва, резко поднять эффективность производства, при значительном понижении уровня удовлетворения потребностей. Патриотический порыв - вот что нам нужно, вот что нас может спасти». Патриотического порыва не будет, такое решение только резко ускорит развитие кризиса.

5. Встречная тенденция.

Низы реагируют на развитие кризиса по-своему. Они давно уже восприняли кризис производственных отношений и ответили на него развивающимся наплевательским отношением к производству (эта мелкобуржуазная форма противодействия, собственно, и двигает экономический кризис). На экономический кризис низы ответят все более крепнущим организованным революционным движением. Предотвратить это невозможно (то есть для предотвращения надо бы ликвидировать кризис, а не получится). Само развитие революционного процесса возможно по следующим четырем направлениям.

Первое. Революционное движение возглавят сами директора. Им это сделать легко - достаточно, оправдываясь перед предъявляющими свои требования рабочими, указать на верха как на причину всех трудностей. Но первые директора, которые встанут против верхов вместе со своими рабочими, будут жестоко караться еще не потерявшими силы верхами. Такая опасность будет их притормаживать. Победа директоров во главе рабочего движения приведет к утверждению капитализма в директорском варианте, через всестороннее расширение директорских прав - с какой-нибудь наскоро сшитой идеологической вуалью.

Второе. Движение возглавят лидеры более или менее откровенно буржуазного толка. За такой вариант два фактора: возможность указать, как образец, на жизненный уровень Запада, и экономическая поддержка директоров и всей полуподпольной буржуазии, которая существует уже сейчас и продолжает расти. Победа этой линии может породить капитализм в любой форме вплоть до фашизма - собственно форма будет чисто спекулятивным моментом в борьбе за поддержку масс.

Третье. Движение возглавят псевдосоциалистические (т. е. стремящиеся к социалистическим идеалам, но не владеющие марксистским материалистическим методом оценки общественных сил) лидеры. Их лозунги всегда наиболее понятны для масс, потому что их суть такова: «мы хотим, чтобы все было как сегодня (вариант: как вчера), но только лучше для всех и во всех отношениях». При недостаточной остроте событий и, соответственно,

невысоком уровне революционного подъема, они могут прорваться к власти. Но сразу же столкнутся со множеством неразрешимых проблем и вынуждены будут прибегнуть опять же к расширению экономических прав директоров со всеми вытекающими последствиями.

Четвертое. Рабочее движение выдвинет лидеров, стоящих на марксистской платформе. Здесь все ясно. Только, в зависимости от глубины овладения лидерами марксистской теорией, в результате их победы может возникнуть либо социализм циклического, переходящего типа (подобный имевшемуся после Октябрьской революции), либо более совершенный - с учетом прошлых ошибок, с гарантированным воспроизводством диктатуры пролетариата.

Первые три течения (по сути первое и второе - прямо буржуазные, а третье - мелкобуржуазное) имеют мелкобуржуазную классовую основу, но опираться будут вовсе не на крестьянство, а непосредственно на мелкобуржуазные взгляды рабочих, на экономическую борьбу рабочего класса. В своем развитии они будут значительно опережать четвертое течение, ибо мелкобуржуазные взгляды сформированы в рабочем классе уже сейчас, самими существующими производственными отношениями, а пролетарские будут порождаться только по мере роста организованности пролетариата, по мере сплочения в ходе организованной борьбы.

6. Указанные тенденции и осложнения могут сталкиваться, пересекаться, взаимодействовать в различные моменты и с различными преобладаниями - этим и будет порождаться своеобразие реальной истории.

Необходимо отметить то, что социалистическая революция (реализация четвертого революционного направления) может возникнуть только как продолжение, развитие, перерастание революции буржуазной. При этом, чем мягче будет буржуазная революция, тем вероятнее и острее будет социалистическое продолжение. Даже если условия наиболее удачно сложатся для победы капитализма, после нее социалистический всплеск все равно неизбежен. (И тоже может принести победу).

7. Особенности развития революции.

Одна особенность очевидна. В силу отсутствия в стране заранее подготовленных, сложившихся политических партий, ни одно направление не будет иметь сколько-нибудь устойчивой, обкатанной временем платформы. Все направления будут формироваться в диком хаосе идей, где даже союзники и единомышленники не всегда будут узнавать друг друга. Дольше процесс формирования - глубже разруха.

Можно предвидеть еще один весьма своеобразный момент. Получив расширение прав, директора немедленно (в интересах производства) проведут резкую дифференциацию интеллигенции на «нужных» и «ненужных» для производства. В результате «ненужные» останутся с нищенскими средствами к существованию (или совсем без них) и в великом озлоблении (в общем-то мелкобуржуазном!) ворвутся отчаянным завихрением в пролетарский революционный поток, одновременно и усиливая движение, и внося идеологический сумбур и хаос, и заражая массу жестоким анархическим радикализмом.

8. Все это вместе взятое лишний раз показывает, что экономический кризис может «развязаться» только революционными преобразованиями. При этом даже «революция сверху» невозможна без опоры на определенным образом сложившееся сплочение низов. Практически (для верхов) это означает вот что: либо всеми силами противодействовать сплочению низов, затягивая кризис и подводя его к завершению в наиболее острых формах, либо содействовать сплочению низов (оно неизбежно будет направлено против верхов), надеясь опереться на сплотившиеся низы (после раскола верхов) при проведении необходимых реформ, но и рискуя (и чем далее - тем больше рискуя) сразу же войти в конфликт с массами, не найдя уже взаимопонимания.

Революционные события неизбежны и непредотвратимы. Можно только в определенной степени «управлять» ими - поддерживая какие-либо из указанных тенденций и противодействуя другим.

1981 г.

КОМУ ОТВЕЧАТЬ?

(1977 г)

ГЛАВА 1

ОТКУДА БЕРУТСЯ ВОПРОСЫ?

В этой работе будет поставлено много вопросов - гораздо больше, чем ответов. Причиной тому не принятая литературная форма и не слабость наших познаний. Эти вопросы порождены нашей жизнью, бытом, нашим социалистическим строительством. И, видимо, они то и являются самым главным продуктом нашей действительности, поскольку наше руководство готово поделиться с нами всем, чем угодно, кроме этих вопросов. В нашем обществе они стали тайной тайн, секретом сверхгосударственной важности, тем самым, на котором ставят гриф: "Перед прочтением сжечь". Эти вопросы настолько засекречены, что их никто не желает знать. Мало того, как только до официальных лиц, которые обязаны иметь дело с вопросами такого рода, доходит хотя бы легкий намек на эти темы, они предпочитают сыпать ответами, рекомендациями, лозунгами, призывами и пожеланиями - лишь бы не нарушить табу, не произнести вслух проклятых вопросов.

Первая серия вопросов. Доволен ли рабочий класс своим положением в стране победившего социализма? Устраивает ли рабочего тот уровень удовлетворения его материальных и культурных запросов, который имеется на

сегодня? Каков он должен быть, этот уровень, с чем его надо сопоставлять? Можно ли утверждать, что трудящиеся нашей страны могли бы к нынешнему дню жить гораздо лучше, или то, что достигнуто - предел возможностей нашего общества? Иными словами, могли бы мы достичь более высоких темпов роста нашего благосостояния при тех же затратах труда? Могли бы мы вложить в дело общественного развития без личного ущерба большее количество труда?

Перечень вопросов первой серии можно продолжать долго: он неисчерпаем. Но мы уже подошли к основному и можем изложить это следующим образом. Материальные ценности создаются трудом человека, наше общественное достояние - результат деятельности нашего общества.

В связи с этим два вопроса.

1. Могли бы мы без изменения предельных норм напряженности труда отдавать обществу большее количество труда, чем отдаем его сейчас? Ставя этот вопрос, мы, естественно, полагаем, что, вкладывая большее количество труда в общественное производство, мы будем производить соответственно большее количество материальных ценностей.

2. Могли бы мы производить то же количество материальных ценностей, что и сейчас, затрачивая в целом меньшее количество труда, чем затрачиваем сейчас? Или наоборот, могли бы мы, затрачивая то же количество труда, что и сейчас, производить большее количество материальных ценностей (в натуральном выражении)?

К этим двум вопросам присовокупим третий, теснейшим образом связанный с ними. Он обособляется потому, что от детального рассмотрения его мы пока воздержимся.

3. При каких условиях, во имя каких целей мы готовы, мы согласны работать с большим напряжением, то есть вкладывать в общественное производство большее количество личного труда?

Эти вопросы только на первый взгляд выглядят абстрактными - на самом деле они затрагивают существенные стороны нашей реальной жизни.

Принцип социализма : "От каждого по способностям - каждому по труду". Так вот, первый наш вопрос - действительно ли мы берем от каждого по способностям? Люди различны - по здоровью, по умению, по физическому складу, у каждого из них свой предел способностей, предел производительности труда. Но в рамках этого предела, относительно этого предела можем ли мы говорить, что все члены нашего общества в равной степени заняты в общественном производстве? Нельзя ли всего лишь иным распределением по рабочим местам добиться того, что увеличится общее количество труда, вкладываемого в производство, и количество производимых этим трудом материальных ценностей?

Второй наш вопрос относится ко второй части того же лозунга. И дело здесь не в том, что на наших предприятиях множество бездельников получают зарплату неизвестно за что. И не в том, что само существование "выгодных" и "невыгодных" по расценкам работ говорит о том, что одни и те же затраты труда могут оплачиваться совершенно по-разному. С этими несправедливостями надлежит, конечно, бороться, борьба с ними ведется и сейчас. Но причины того, что в этой борьбе не видно реальных результатов, мы рассмотрим особо. Сейчас мы должны рассмотреть другую сторону вопроса, относящуюся к распределению "по труду".

Если общество в целом произвело какое-то количество материальных благ, и если эти блага справедливейшим образом распределяются по труду, для каждого члена общества становится решительным образом безразлично, сколько всего благ, сколько материальных ценностей произведено.

Потому, что одна и та же стоимость, являющаяся выражением одного и того же количества труда, может состоять из различного количества материальных ценностей, то есть, если общество за один год произвело продукции в натуральном выражении вдвое больше, чем за предыдущий год, то каждый член общества при условии равного вложения труда в течение обоих лет так же получит за свой труд ровно вдвое больше конкретных материальных ценностей, чем получал их в прошлом году. Естественно, количество производимых обществом ценностей зависит от технической оснащенности, от применяемых средств производства. Но после представленных разъяснений мы повторим наш второй вопрос относительно иной стороны производственного процесса: могли бы мы при реально существующем на данный момент уровне развития средств производства производить большее количество материальных ценностей при тех же затратах труда?

Третий наш вопрос так же имеет прямую связь с приведенным выше принципом. "От каждого по способностям"- говорим мы. Но никакой меры этим самым способностям мы предложить не можем. Зато мы прекрасно знаем, что один и тот же человек сегодня способен выполнить одно количество работы, а завтра другое - большее или меньшее. Способность не есть нечто неизбывное, она зависит от многих факторов. Скажем, в критических обстоятельствах один способен горы своротить, проделать гораздо большую работу, чем в обычных условиях, у другого, наоборот - все валится из рук. В каждом конкретном случае наши способности, пожалуй, определяются нашим физическим состоянием и настроением, состоянием духа. Но в общественном смысле работоспособность определяется всей системой действующих стимулов к труду, как выдвигаемых обществом в виде материального и морального поощрения, проявляющихся в общественной оценке, так и возникающих в ходе выполнения самой работы - таких, как осмысленность труда, его целенаправленность и т. д. В общем, этот вопрос более тонкий, чем те два, которые мы выдвинули вначале.

Возвратимся в этом вопросам. Мы можем слить их в один: правильно ли используются производительные силы нашего общества?

Производительные силы, как известно, включают и людей, занятых в производстве, и средства производства. Такая постановка вопроса важна для нас тем, что позволяет уяснить одну существенную мысль: наличие в обществе определенных производительных сил и их участие в процессе производства само по себе не содержит

никаких гарантий количества производимых материальных ценностей - все зависит от того, как ими распорядиться.

Вот что важно! Оказывается, важно распорядиться теми силами, которыми мы располагаем. Оказывается, важно разумнейшим образом распределить труд. Важно рационально организовать производство. И только тогда, когда все это проделано, мы можем сказать - да, мы произвели столько благ, сколько смогли, и получаем за свой труд сполна.

В противном случае, когда в распределении труда нет целесообразности, когда производственные связи запутаны, а планы и задания на разных участках вступают в противоречия, распределение "каждому по труду" не может быть осуществлено. Потому, что из всех людей, занятых в производстве, только часть производит материальные ценности. Распределяются же созданные ценности на все общество, на всех работающих. Значит, каждому оплачивается только такая доля труда, какую составляет полезный производительный труд во всем труде, затраченном в общественном производстве.

В результате получается: как бы мы ни старались, какие бы силы не прикладывали на своем рабочем месте - то, что мы заработаем при этом, то, что получим от общества за свой труд, от нас зависит очень мало. Та доля нашего труда, которая возвратится нам в качестве компенсации, зависит, оказывается, не от нас, а от того, насколько рационально организовано все наше хозяйство.

При капитализме рабочий получает долю производимой им стоимости. Другая доля - прибавочная стоимость - присваивается капиталистом.

Что должно быть при социализме? Маркс писал: "Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему". (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч, т. 19. С. 18).

Так должно происходить при социализме.

Что мы фактически имеем? Сначала производителю определяется пропорционально его труду часть совокупного общественного продукта. Но эта часть не равна его труду, ибо совокупный общественный продукт не есть овеществление всего труда, вложенного обществом в производство, в его составе нет никакого овеществленного эквивалента труду, потраченного впустую, труду, результаты которого в силу организационных причин пришлось уничтожить. А оплачивается труд, не давший никаких результатов, наравне с трудом результативным - из того же совокупного общественного продукта, в создании которого он никакого участия не принимал.

И только потом уже из доставшейся производителю доли делаются вычеты, указанные Марксом - они идут на воспроизводство средств производства и в фонд общественного потребления.

Можно предвидеть, что приведенное выше рассуждение вызовет противоречия теоретиков. С теоретической точки зрения совокупный общественный продукт всегда выступает эквивалентом совокупного труда. И это действительно так в том случае, если предметом нашего рассмотрения является все общественное производство, взятое в целом. Точно так же это относится к деятельности отрасли, предприятия или отдельного производителя, если мы не рассматриваем из деятельности в подробности. Например, если деятельность какого-либо предприятия состоит в том, что три бригады производят некий продукт, а четвертая разрушает две трети произведенного, мы имеем полное право рассматривать оставшуюся треть как конечный результат этой деятельности и сопоставлять ее со всем трудом, затрачиваемым на этом предприятии. Пока мы рассматриваем предприятие в целом, мы не можем мыслить иначе, не можем отличить его от другого предприятия, где то же количество труда овеществляется в таком же количестве продукции просто в результате низкой производительности труда. Но вот если мы хотим понять почему на этом предприятии производительность труда именно такова, то обобщенные показатели нам ничем не помогут. Мы должны обратиться к исследованию труда на каждом участке! Если бы труд на каждом участке оплачивался (компенсировался) в соответствии с результатами труда на этом участке, той проблемы, о которой мы ведем речь, не возникало бы - проблемы были бы иными. Но поскольку у нас более или менее равномерно компенсируется труд на все участки, компенсируется ничем иным, как фактически созданными ценностями, постольку доля труда, ничего не создавшего, и вычитается из этой компенсации, отсутствует в ней.

Сделав отступление к теории, вернемся в сферу практической деятельности. Построили дом, оштукатурили квартиры - пришли электрики, продолбили штукатурку, проложили проводку - пришли штукатуры, оштукатурили - пришли сантехники, продолбили стены, проложили трубы - пришли каменщики, заложили проломы - пришли штукатуры, оштукатурили ...

Так ли строить или более продуманно - результат труда один : готовая квартира. Но оплачен-то будет весь труд, в том числе и тройной труд штукатуров. А какими же ценностями?

Новое оборудование годами лежит нераспакованное. А потом его режут автогенном, чтобы выполнить план по металлолomu. Чем будет компенсирован труд изготовителей оборудования?

Строим крупнейший комбинат, старались уложиться в срок, тут же не до мелочей вроде противопожарных мероприятий. Комбинат сгорел. В чем овеществился труд строителей?

Остановился важный агрегат, нужной части нет в запасе, и станочник трудится всю смену, изготавливая деталь, которая, вообще-то, находится в массовом производстве и стоит копейки. Но ему-то будет заплачено рублями!

Вот тут обязательно найдутся желающие прервать наш разговор. "А что же вы хотите? - скажут они - По вашему деталь не надо было делать? Надо было искать ту, выпускаемую, копеечную? А убытки от простоя агрегата пусть себе растут? Да и сами поиски потребовали бы большего количества труда, чем изготовление детали. Нет уж, тут мы понимаем, что к чему. На курсах конкретной экономики постигли и превзошли!"

Ну что тут возразить? Придется согласиться - хотя бы на время. А значит, придется пересмотреть свою

позицию. Но уж пересматривать так пересматривать!

А тогда получается, что прокладывать кабели проводки по оштукатуренным стенам все же разумнее и выгоднее, чем делать это после того, как стены будут еще и покрашены. И трубы к унитазу проложить вот так, а не после того, как въедут жильцы. Да и станки сдали в металлолом своевременно. Через несколько лет они проржавели бы, рассыпались в труху - и даже металлолома не осталось бы. Правда, со сгоревшим комбинатом так не получится. Но тут что? - пожар, стихия, от этого никто не застрахован. Впрочем, если бы он сгорел на месяц позже, сгорел бы еще месячный труд многотысячного коллектива.

Вот это - логика! Замечательная логика. С такой логикой не пропадешь и в огне не сгоришь - столько в ней непробиваемого оптимизма. А если и есть в ней дефектик, то самый небольшой. Предполагает эта логика, всякое дело начинается с головотяпства, что в основе всегда лежит головотяпство, а счастье в том и состоит, чтобы хоть как-нибудь это головотяпство выявить. А ведь логика эта от практики идет! Привыкли мы к тому, привыкли настолько, что в рассуждениях уже не оговариваем, а само собой подразумеваем это головотяпство.

Мы привыкли, что нужной детали в нужном месте в нужный момент нет и быть не может. И как лучший вариант рассматриваем разумный выход из этого вовсе неразумного положения. Мы и миримся с тем, что разумный порядок работ по ряду причин обязательно будет нарушен. Мы сами создаем неразумные ситуации, выход из которых нам дается дорогой ценой... .

Мы? Да полно, мы ли? Плотник, шофер, литейщик, слесарь, сварщик. Да в какой мере все это зависит от вас? И с какой стати вам принимать ответственность на себя? Нет, не мы в этом виновны, не мы! Откуда знать асфальтировщику, что завтра его работу взломают, чтобы проложить трубы? Откуда знать автогенщику, что он режет готовые к работе станки, а не дефектную продукцию, эксплуатация которой строжайше запрещена, просто опасна? И как постичь монтажнику, что ему не поручили монтаж противопожарных устройств, хотя они нужны позарез?

Так причем же здесь мы? Зачем прикрывать этим дорогим и емким словом тех, кто действительно повинен за всякую неразбериху ?

Существует особая группа - обозначим ее собирательным понятием "Администрация" - которой поручена координация деятельности всех членов нашего общества. Вот она-то и отвечает за все. С нее и спрос.

Так чего же мы хотим? Чтобы каждый администратор хорошо делал свое дело? Чтобы он берег наш труд? Чтобы он не пускал на ветер результаты нашей работы?

А возможно ли это? Если мы внимательнейшим образом перетряхнем деятельность любого администратора, увидим, что все его распоряжения, и самые нелепые из них в первую голову, продиктованы независимыми от него объективными причинами.

Мы имеем массу государственных и общественных контрольных органов, наши газеты ежедневно вытаскивают на свет самые разнообразные проявления бесхозяйственности. А результат?

Не секрет, что если виновного даже "освободили от занимаемой должности", то, чаще всего, это перевод на равноценную работу. А что это значит?

А это значит, во-первых, что виновный не виновен. По крайней мере в глазах более высокой администрации.

А это значит, во-вторых, что виновный ничем не хуже других администраторов - ведь его же не выводят из их среды.

А, в-третьих, - и это для нас самое главное - тем самым бесхозяйственность признается вполне простительной, почти что узаконенной.

И вот ведь какие дива дивные! Налицо тысячи преступлений. Налицо вещественные доказательства в виде так или иначе загубленного человеческого труда. Масса людей через различные контрольные органы вовлечены в расследование этих преступлений. Печатью обеспечивается широкая гласность...

А виновные - не виновны. Не виновны, и все тут!

Судить некого. Наказания носят даже не условный, а откровенно фиктивный характер.

Виноваты во всем обстоятельства, виноваты во всем объективные причины. Те самые, которые мы же и создаем.

Вот так. Вот так нам морочат голову. Не скрывая безобразных фактов. Выставляя на всеобщее обозрение нерадивых (или просто несчастных) администраторов. Ну какая великолепная демократия!

Уважаемые товарищи трудящиеся!

Вы все можете:

- участвуйте в народном контроле,
- исследуйте любые факты и материалы,
- ищите виновных,
- вскрывайте причины.

И пока вы этим занимаетесь, пока душу выматываете из того или иного администратора, кое-кто может спать спокойно. Потому что виновных вы не найдете. Потому что никаких причин не вскроете.

В чем же дело? Чтобы это понять, мы рассмотрим сейчас одну сказочку, которую сами по ходу дела и придумаем.

Ударил человек человека. Привели обидчика в суд. А судья был дотошный, внимательный к подробностям.

Начал он допрос с ног. Ноги сказали:

- Конечно, мы шагали, мы всегда шагаем, у нас работа такая. А куда - на свиданье, за получкой, в драку ли - откуда нам знать?

Туловище сказало:

- Ну вот, чуть чего - сразу и на меня. Я хоть и самое большое, но дело мое маленькое. Иду куда ноги несут. И все. И знать ничего не знаю.

Голова сказала:

- Зачем же так сразу: голова - и все? Надо разобраться сначала - нас здесь много, целый коллектив: и глаза, и уши, и рот. И все мы - публика, можно сказать, очень интеллигентная. Глазом ударить разве можно? Лбом - это да, это бывает. Но только в самом крайнем случае. А в этот раз лоб никакого участия не принимал. Так что...

Оторопел немного судья. И сразу с вопросами к Кулаку:

- Ну ты-то хоть бил? Или и ты тоже не при чем?

- Да, можно сказать, что и не бил, - отвечает кулак - я вообще это дело не люблю. Кому-то удовольствие, а у меня все косточки болят. Но куда мне было деваться, если меня локоть двигал? Я и рад бы увернуться, да как тут увернешься: я с этим локтем суставом навеки связан.

Нацелился судья на локоть. Локоть все и объяснил:

- Вот ноги идут. Если они муравья, к примеру, раздавят - какой с них спрос? Они свое дело делают, они про муравья и знать не знают. А я и за себя и за всю руку могу сказать. Вон у нее сколько шарниров всяких. А для чего? Для того, чтобы двигаться могла во все стороны, такая у нее, значит, задача. Думать ей - и некогда, и нечем, она двигаться-то едва успевает. Если ты далеко, она тебя и не достанет. А вблизи-то зачем соваться под самое движение?

Крепко задумался судья. Крепко задумался и решил: потерпевшего примерно наказать, чтоб в другой раз под руку не попадался.

Вот так и мы, когда мы пытаемся найти виновника конкретного преступления, когда мы берем на прицел конкретного администратора, мы почти неизбежно приходим к тому, что его действия продиктованы объективными причинами - инструкциями, решениями и действиями, предпринимаемыми кем-то и когда-то и совершенно ни нам, ни этому администратору недоступными. Когда нам говорят: да, творится безобразие, помогите нам найти конкретного виновника, укажите имя и фамилию и мы его примерно накажем - это ложь.

Когда нам указывают на объективные причины - это тоже ложь. Объективны законы природы. Но ссылки на них не принимаются: уж эти-то законы все обязаны знать и учитывать. И нет ничего субъективнее всяких нелепиц, рожденных в недрах гигантского организма, имя которому - Администрация.

Чем старательнее нам помогают в поисках конкретного виновника, в определении конкретной вины, конкретных мер, конкретной ответственности и конкретных действий - тем дальше нас уведут от установления истинных причин.

Нам засыпают глаза песком частных дел, нас тычут в деревья, чтобы мы, упаси бог, не увидели леса. Нам даны все права - там, где их применение ничего не может изменить.

Нам морочат голову. И очень умело. Но не пора ли с этим покончить?

Давайте выберем из трясины конкретностей, из абсолютно бесперспективных попыток что-то в ней укрепить и исправить. Давайте определим ориентиры.

Есть один конкретный виновник, ответственный за те тысячи и тысячи лет человеческого труда, которые разбазарены, растеряны, уничтожены, не принесли людям ни малейшей пользы - этот виновник Администрация в целом.

Есть одна объективная причина: законы природы - и в данном случае - это социальные законы, определяющие действия администрации, определяющие наши с ней отношения.

Это сложно. Это гораздо сложнее, чем поиски конкретных виновников. Но, не разобравшись в этом, мы не сможем и шагу сделать вперед, не сможем выбраться из этой трясины.

У пролетариата есть надежнейшее и испытанное оружие - марксизм. И не следует бояться того, что цитатами из Маркса и Ленина слишком часто прикрывают совсем не марксистские делишки. Марксизм был и остается оружием пролетариата, только пролетариату он служит верой и правдой. В чужие руки он не дается: приглядитесь - и вы увидите, что это всего лишь жалкое подобие, звонкая жестяная погрешка.

ГЛАВА 2

КОГО СПРОСИТЬ?

Откройте современный учебник философии. Прочитайте его от первой до последней страницы. И закройте. Прочитайте то же самое с новейшим учебником политической экономии. И нигде вы не найдете ни слова о взаимоотношениях пролетариата и администрации в социалистическом обществе.

Может быть это - вопрос не философский? Может быть он целиком лежит в чисто практической области? А может быть, в вашем общенародном государстве такого вопроса вообще не существует? В общенародном государстве общенародная администрация: плоть от плоти, кровь от крови? Задачи, цели, интересы одни - общенародные?

А может быть это - один из тех проклятых вопросов, на которые наложено жесточайшее табу?

Мы начнем с азов. Мы вынуждены начать с азов, потому что на подступах к этому вопросу - голая пустыня. Как вокруг ядовитого анчара.

Мы ликвидировали буржуазию как класс. Мы построили государство, в котором все средства производства находятся в общественной собственности.

В чем состоят интересы пролетариата на этом этапе? В расширении круга доступных ему материальных благ - это раз.

В углублении собственной культуры, в реализации творческих способностей - это два.

А как он может этого добиться? Ведь пролетариат не может получить ничего сверх того, что он сам создал.

Пролетариат не может обогатиться, присвоив чей-то чужой труд, потому что все материальные ценности только им и создаются. И никак увеличение зарплаты тут не поможет - на нее все равно можно будет приобрести только то, что создано - не больше и не меньше.

Значит, единственный путь к удовлетворению интересов пролетариата состоит в увеличении производства материальных ценностей, то есть в повышении эффективности производства, в повышении производительности труда.

Еще осталось добавить: так трудитесь же, товарищи, добросовестно и со старанием, в соответствии с моральным кодексом, и господь воздаст за труды ваши.

Красиво, не правда ли? Правда, слышны призывы разных эпох, но цена им одна и та же.

Потому что производительность вашего труда определена не вами. Она определяется общим уровнем развития производства, уровнем развития производительных сил и производственных отношений.

Производительные силы - это и научно-техническая оснащенность производства, и квалификация занятых в нем рабочих, и сознательность их отношения к труду.

Производственные отношения - это вся возникшая на базе общественной собственности на средства производства совокупность производственно-экономических связей, это нормы и расценки, цены и зарплата, условия взаимодействия цехов и предприятий, планирования и исполнения. Словом, это весь механизм, организующий производство - как закрепленный в различных законодательных актах, инструкциях, предписаниях, так и непрерывно воплощаемых в практическом общении людей, и прежде всего, в деятельности Администрации.

И вот тут мы подошли к весьма важному для нас вопросу: зачем потребовалась и откуда взялась Администрация?

Завоевав власть, взяв в свои руки средства производства, пролетариат столкнулся с новой трудностью. Исчезла буржуазия, рассыпался созданный ею аппарат для координации производства и оказалось, что заменить его ничем. Координация производства требует знаний и опыта - таких знаний у пролетариата не было. Отсюда и НЭП - временная, но совершенно необходимая уступка капитализму, отсюда и борьба за ускоренную подготовку своих пролетарских административных кадров.

Но пролетариат нуждался в более совершенном аппарате, чем капиталистический. Вот какие требования пролетариат должен был предъявить создаваемой им Администрации:

1. Нацеленность на удовлетворение интересов пролетариата, то есть непрерывная борьба за максимально эффективное воплощение в материальных ценностях всего труда, вложенного пролетариатом в общественное производство.

2. Знание объективных законов, управляющих производством, непрерывное углубление этих знаний и применение их в административной работе с максимальным эффектом.

3. Накопление и совершенствование опыта организационной работы, закрепление его путем формализации, передача этого опыта пролетариату, то есть подготовка к осуществлению административной работы силами самого пролетариата.

Такие требования должен был предъявить пролетариат. Но чтобы Администрация могла их принять, они должны были соответствовать ее собственным интересам.

Администрация, созданная пролетариатом, оформилась в нашем обществе как самостоятельная социальная группа со своими особенностями, интересами и весьма широкими возможностями влиять на все общество.

В основе социальных интересов Администрации лежат те же стремления к удовлетворению материальных и культурных потребностей, что и у пролетариата. Есть и общий путь решения этой проблемы - всемерное повышение производительности труда, но у Администрации есть и альтернативный вариант.

Администрация сама ничего не производит. Она получает за свою организационную деятельность долю тех материальных ценностей, которые созданы трудом пролетариата. Следовательно, благосостояние Администрации улучшается и в случае увеличения доли, получаемой администрацией, доли, приходящейся на каждого администратора в отдельности.

Так какой же путь избирает Администрация?

Но социальные законы непререкаемы, как и остальные законы природы. У пролетариата только один способ заставить Администрацию служить себе - это поставить ее в такие условия, чтобы невыполнение требований пролетариата - противоречило и собственным интересам Администрации.

Так все и строилось поначалу. Во главе стоял Ленин - мозг и голос пролетариата, гениальный выразитель его интересов. Основной контингент составляли люди, доказавшие свою бескорыстную преданность пролетарскому делу в революционной борьбе. Остальное было предоставлено рабочим от станка, которым к станку же предстояло и возвратиться.

В таком составе Администрация соответствовала требованиям пролетариата качественно, но ее было недостаточно количественно, чтобы взять на себя управление всем народным хозяйством, всеми делами страны. Потребовалось привлечение дополнительных сил, хотя бы в малейшей степени пригодных к работе в системе управления из среды пролетариата и интеллигенции. Приобретая необходимые размеры, Администрация теряла в качестве.

В последние дни жизни Ленина вопрос о создании эффективной системы управления пролетарским государством волновал его более всех остальных. В одной из последних работ "Лучше меньше, да лучше", созданной в 1923 году, у Ленина говорится: " Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги.

Надо наконец, чтобы это стало иначе"

Самому Ленину продолжить эту работу по созданию социалистической системы управления уже не пришлось.

Опять вопросы.

Представляла ли партия со всей полнотой, каким требованиям должна удовлетворять создаваемая ею Администрация? Искала ли партия пути к созданию подлинно пролетарской Администрации? Какие трудности были преодолены и какие остались непреодоленными? Какие объективные социальные законы управляли формированием и развитием Администрации? В чем сущность Администрации в наши дни? Каким социальным законам она подвластна? Какие тенденции этим определяются?

Сталин, будучи безусловно преданным идеям марксизма-ленинизма, хорошо знающий и владеющий марксистской теорией, но обладающий меньшим, чем у Ленина творческим потенциалом в деле практического применения теории, в деле изобретательного использования объективных законов для решения конкретных вопросов, все же предпринял ряд очень важных попыток, которые если и не решили проблемы создания пролетарской Администрации, способствовали накоплению ценнейшего опыта в этом вопросе.

Но в то время задача создания Администрации, полностью удовлетворяющей потребностям пролетариата, не была и не могла быть главной задачей. Партия и Сталин направляли свои усилия на создание работоспособного аппарата, хотя бы в минимальной степени пригодного к тому, чтобы принять хозяйство у НЭПа, чтобы покончить с мелкой и средней буржуазией в стране и завершить процесс экспроприации средств производства. Затягивать с ликвидацией НЭПа было нельзя категорически - существование буржуазии, развращающей, разъедающей государственный аппарат повсюду, где только удавалось, таило реальную угрозу реставрации капитализма.

Созданную Администрацию надо было укреплять, а не переделывать. А когда она укрепилась, она стала весьма устойчивой к воздействиям, и переделать, исправить что бы то ни было стало уже невозможным.

Что это означает? Что означает для нас?

Исторический путь нашей Администрации можно представить в виде такой последовательности.

Сначала, в период формирования Администрации пролетариат создавал ей условия, всемерно способствуя ее укреплению, и гораздо менее заботился об условиях ограничивающих Администрацию - в смысле ее полного подчинения интересам пролетариата,- в основном полагаясь на пролетарскую сознательность Администрации.

Будучи созданной, достаточно укрепившись и стабилизировавшись, Администрация получила практически неограниченное право влиять и на условия своего собственного существования и на условия существования пролетариата.

Дальнейшее развитие Администрации происходило в условиях, ею самую контролируемых и изменяемых в ее собственных интересах. Администрация полностью вышла из под контроля пролетариата и приняла меры к тому, чтобы оградить свои интересы, обеспечить им надежную защиту.

Так в какой же мере существующая Администрация соответствует требованиям пролетариата, и в какой мере она этим требованиям противоречит?

Прежде всего, так же, как и пролетариат, Администрация является ярой противницей капитализма. Только, если пролетариат видит в буржуазии врага, Администрация видит в ней опаснейшего конкурента, способного своей деловой активностью подорвать основы существования Администрации.

Далее. Администрация не имеет никаких причин противодействовать пролетариату в его стремлении всемерно развить производство - это и в ее интересах. Но Администрация ни в малейшей степени не намерена вести сколько-нибудь серьезную работу за развитие производства, поскольку может удовлетворить свои интересы более легким путем.

И, наконец, Администрация не оставила пролетариату никаких демократических возможностей контролировать деятельность Администрации как единого целого.

Направляя неудовлетворенность пролетариата на конкретных администраторов, на отдельные организации, Администрация надежно оберегает себя как единое целое.

Сложившееся в нашей стране положение можно понимать так. У нас действительно ликвидирована частная и установлена общественная собственность на средства производства. Но это общественная собственность Администрации - без какого бы то ни было участия пролетариата! Администрация, выступая как совокупный владелец всего народного хозяйства, присваивает и распределяет между собой создаваемый пролетариатом прибавочный продукт. Но в отличие от капиталиста, которого жесточайшая конкуренция заставляет непрестанно искать и находить пути повышения производительности труда, наша администрация не отягощена и этими заботами: она обезопасила себя тем, что давно подавила и ликвидировала всех возможных конкурентов.

Как мы уже говорили, у Администрации нет никаких причин противодействовать пролетариату в осуществлении его стремления к повышению эффективности производства. Но эффективность современного производства зависит не только от трудового вклада каждого конкретного производителя, сколько от организации правильного взаимодействия и использования результатов труда в общем процессе производства. А этого

пролетариат и сейчас еще не может осуществить собственными силами. Существующая Администрация мешает пролетариату в его движении уже тем, что препятствуют созданию органов, действующих в интересах пролетариата, попросту занимает их место.

Можно ли надеяться на то, что Администрация, изменяясь в ходе исторического процесса, приобретает качества соответствующие интересам пролетариата?

Надежда надежде рознь.

Развитие Администрации зависит от тех условий, в которых оно протекает. И пока Администрация сама и управляет этими условиями, надеяться пролетариату не на что.

У пролетариата одна возможность. Вспомнить, что именно он - класс - гегемон текущего исторического периода. И на деле активными практическими действиями продиктовать Администрации свои требования.

Если Администрация еще не совсем утратила свои связи с пролетариатом и в состоянии эти требования принять, то они должны быть закреплены в реально осуществимых процедурах контроля пролетариата за действиями Администрации в целом.

Если же Администрация уже не в состоянии принять требования пролетариата или не намерена это делать, у пролетариата нет иного выхода, кроме как заменить Администрацию старую и строптивую новой, способной и признать контроль пролетариата и направить свои усилия на достижение целей пролетариата.

Но может быть мы несправедливы к имеющейся администрации? Ведь та цель пролетариата, о которой мы ведем речь - всемерное повышение эффективности производства - является и главным предметом забот Администрации теперешней? Решения и постановления, речи и статьи, лозунги и почины - разве не призывают нас к тому же?

Вот именно, призывают. Вот именно НАС.

Сама направленность этих призывов отражает действительные нужды страны, отражает обострение противоречий между потенциальными возможностями удовлетворения интересов пролетариата и практическими достижениями в реализации этих возможностей.

Сама форма этих призывов не отражает ничего, кроме порочного стиля работы Администрации, кроме ее полной неспособности эти противоречия разрешать.

Особые социальные интересы Администрации в сочетании с ее сложной иерархической структурой предопределили весьма своеобразную роль творческой инициативы в ее деятельности. Деловая инициатива вместо того, чтобы быть источником прогресса, двигателем общественного развития, в сложившейся административной среде не имеет иной ценности, кроме как средство продвижения по службе, как оружие в мелочной карьеристской борьбе за личное благополучие. В этой борьбе подавление и подрыв всякой инициативы играет нисколько не меньшую роль, чем ее проявление и поддержка. А поскольку ценность творческого подхода к решению важнейших задач полностью извращена таким его измерением, постольку он и не может приниматься в расчет при самом выдвижении задач. В связи с этим возник и укоренился вполне определенный - дурной и вредный - стиль в работе Администрации, в соответствии с которым задание, поступающее к любому администратору, без особых раздумий перекладывается на плечи его подчиненных (что так же проделывают и подчиненные - в свою очередь). В результате многие задачи, организационно разрешаемые на каком-то определенном уровне административной структуры, в неразрешенном виде перекладываются на нижестоящий уровень, где они уже и не могут быть разрешены, становятся неразрешимыми.

Естественно, такое перекладывание всегда завершается тем, что доходит до непосредственного исполнителя, если только на пути не возьмет на себя ответственность очередную неразрешимость признать и принять к исполнению только то, что в возможностях его и его подчиненных.

Заметим тут, возможно не кстати, что неразрешимые задачи развращают все звенья административного аппарата, через которые они проходят. Развращают они и производителя, когда доходят к нему в виде нелепых, невыполнимых, бессмысленных производственных заданий. Развращают в том смысле, что отбивают всякую охоту относиться к своему делу с осознанием его осмысленности, целесообразности, полезности для общества.

Но таков уж стиль работы этой Администрации, и его не искоренить, не разрушив сложившиеся структуры, не поставив Администрацию в совершенно иные условия.

Этим стилем и ничем иным продиктована проводимая ныне "широкая" мы вынуждены поставить в кавычки, потому, что при всей своей громогласности она менее всего затрагивает ту верхушку Администрации, от инициативности которой более всего действительно зависит эффективность производства, потому что она не содержит ничего, кроме стремления недееспособной Администрации переложить свою ответственность на широкие слои трудящихся.

Можно было предложить Администрации сменить стиль работы, но чтобы она серьезно отнеслась к этому, ее надо встряхнуть, перетрясти как следует и только тогда поставить на место. Потому что у Администрации, функционирующей в реально сложившихся условиях, никакого иного стиля быть не может.

Потому-то важнейшая на сегодня задача пролетариата состоит в борьбе с этой Администрацией, в борьбе за реально осуществимое право контроля над ней, в борьбе за то, чтобы поставить Администрацию в такие условия, в которых она не могла бы подменить служение делу пролетариата мелкой грызней за собственные интересы.

А нельзя ли пролетариату избежать участия в этой борьбе? Нельзя ли ограничиться борьбой за повышение личного заработка? Или тот, кто хочет зарабатывать больше, предаст интересы пролетариата? Нет, борьба за повышение личного заработка интересам пролетариата не вредит. Эту борьбу надо вести, надо продолжать, надо в ней стремиться к массовому солидарному действию. Но при этом каждый должен дать себе отчет, что в одиночку

многого не добьешься, а всеобщее увеличение заработной платы ни для кого ничего не изменит: все равно на всю полученную нами зарплату мы можем приобрести только то, что создано нашими руками и не более того. Значит единственно реальный путь к повышению жизненного уровня состоит в повышении эффективности производства, для чего нам и нужна Администрация, прямой и контролируемой обязанностью которой должна стать работа по улучшению организации производства.

ГЛАВА 3

ГДЕ ИСКАТЬ ОТВЕТ?

Существует мнение, что если бы каждый на своем рабочем месте работал добросовестно, то жизнь изменилась бы к лучшему: и эффективность производства возросла бы, и уровень благосостояния.

Так ли это?

Так, да не так!

Так - только в том случае, если под добросовестностью понимать деятельность на благо общества даже вопреки собственным интересам.

В единичных случаях это возможно. В отношении массовом - это бессмыслица. Какому такому существу будет польза, если все его члены действуют во вред себе?

Массовые действия определяются совсем другим.

Чтобы каждый приносил пользу обществу, нужно такое сочетание условий, в которых он имеет возможность удовлетворять свои личные интересы не иначе, как способствуя удовлетворению интересов общественных. То есть, чтобы сами его действия, направленные на достижение целей личных, служили благу общественному.

Конечно, во времени меняются - и меняются по-разному - и личные интересы и интересы общества. Задать условия, связывающие личные интересы с общественными, раз и навсегда - невозможно. Но общество, заботясь о своем прогрессе, должно постоянно к этому стремиться. Должно предельно чутко реагировать на каждую смену интересов изменениями соответствующих условий, определенной перестройкой производственных отношений.

А люди что? А люди всегда работают добросовестно. И смысл этого вполне конкретен: в рамках существующих условий, какие бы эти условия не были, люди добросовестно ищут и всегда будут искать пути удовлетворения своих собственных интересов. Другой разговор, что и тогда общему делу вредит погоня за интересами мелкими и сиюминутными в ущерб интересам более важным, но более отдаленным. Но и тут помочь могут не призывы к "добросовестности", а, во-первых, реальная обеспеченность удовлетворения долгосрочных интересов, во-вторых, пропаганда, разъяснение этого. Все сказанное относится в равной степени и к каждому рабочему и к каждому администратору. И если мы говорим, что Администрация у нас работает из рук вон плохо, то это не абстрактная оценка, а прямое указание на тот факт, что результат ее нормальной и вполне добросовестной, применительно к реальным условиям деятельности плох для пролетариата, не обеспечивает достижение целей пролетариата.

А что это значит?

А это значит, что условия, в которых работает

Администрация - и, видимо, вполне устраивающие ее условия - толкают Администрацию на действия, которые пролетариату пользы не приносят, которые для пролетариата откровенно вредны.

Главное, чего не хватает пролетариату сегодня - это бережного отношения к его труду, к продукту, этим трудом создаваемому.

Рабочий, занятый бесполезной, бессмысленной работой, и рабочий, сделавший полезную вещь, которая не будет по назначению или, хотя бы, не будет использована с максимальной полнотой, в равной степени имеют основания быть недовольными, как бы хорошо не оплачивалась их работа. Почему? Да потому, что их труд, продукт их деятельности изымается из совокупного продукта, как бы вычитается из того количества ценностей, которые могли бы получить и они сами и весь пролетариат в целом в уплату за труд, который могли бы купить за ту же самую зарплату.

А такого у нас хоть отбавляй. Шьется одежда и обувь, которую никогда не будут носить, и производится для этого пряжа, ткань и другие материалы. Засылаются оборудование туда, где ему нет применения. Печатаются книги, которые сразу можно сдавать в макулатуру. Ржавеют под дождем неустановленные станки. Выпускается морально устаревшая техника, а ВАЗы и КАМАЗы мы вынуждены покупать за рубежом. Росчерком пера, распоряжением, приказом, инструкцией пускается в расход месяцы и годы нашего труда.

Так почему же, почему же. Почему так безжалостна Администрация к нашему труду? Потому что это не ее труд? Но это не объяснение: мы бережем и вещи, сделанные другими.

Потому что все это ей не принадлежит? Нет, ей это принадлежит в равной степени со всеми остальными членами общества.

Рассмотрим совсем другую картину. Представьте себе толпу, грабящую склад. Бьют окна, взламывают двери. Один вскрывает ящик за ящиком - ищет, что поценнее. Другой хватается, что ни попало, лишь бы побольше. Двое тянут друг у друга - и никак не могут поделить одну вещь, хотя рядом лежат такие же. Вырывают, дерутся, перехватывают из под носа. А то, что никем не схвачено - топчется, ломается, швыряется, бьется... Тут не до сбережения затраченного труда, тут тоже не до того.

Сколько угодно таких фактов было в революционный период, в период экспроприации экспроприаторов. Так было везде, где экспроприация проходила стихийно, неорганизованно. И гибло и уничтожалось уже принадлежавшее трудящимся, а до этого накопленное помещиками и капиталистами добро, продукт труда тех же самых трудящихся.

Вот какая открывается странная общность. Вот что роднит Администрацию нынешнюю с разнузданной толпой тех времен - отсутствие организованности, мелкобуржуазная стихийность.

И это при всем при том, что наша Администрация - мощнейший аппарат с прочными связями, подчиненностью, сквозными планами, учетом, отчетностью, ревизиями и проверками? Да.

Организация существует, но она не направлена на подъем производства, на повышение его эффективности. В силу обстоятельств она во много утратила свое первоначальное назначение, превратилась в организованную арену дележа прибавочной стоимости, в арену мелкобуржуазной борьбы за свою личную долю ценностей, экспроприированных из продукта, производимого пролетариатом. И управление производством из фактора главного, целевого для всей системы превратилось а организованную арену дележа прибавочной стоимости, в арену мелкобуржуазной борьбы за свою личную долю ценностей, экспроприированных из продукта, производимого пролетариатом. И управление производством из фактора главного, целевого для всей системы превратилась в фактор косвенный, лишь в силу формальных (для администрации), причем влияющий на определение доли награбленного. Отсюда и убогость наших производственных успехов.

Чтобы понять это, давайте посмотрим на капитализм. Нам хотелось бы посмотреть с высот социализма на капитализм, оставшийся далеко позади. Но пока этого нет. Это насквозь прогнивший капитализм все еще бьет нас по эффективности производства. Так почему же?

Давайте разберемся в организационных принципах администрации капиталистической. Рассмотрим положение администратора среднего уровня. Он беспокоится о том, чтобы подобрать хороших деловых подчиненных. Он старается организовать их работу наилучшим способом. Он старается найти наилучшее решение в сфере своей деятельности. А почему? А потому что он сам готов рассчитать любого нерадивого подчиненного, потому что ему грозит такое же увольнение - стоит лишь вышестоящему администратору заметить его нерадивость. А почему это сделает вышестоящий? Да потому что сам находится в таком же положении. А самый высший администратор? А самого высшего в случае чего выгонит хозяин, владелец фирмы.

Ни один из них не может поступить иначе. Потому что капиталистическая фирма существует до тех пор, пока живет по закону извлечения максимальной прибыли. И провались в этом деле хотя бы одно звено, фирма рухнет, не выдержав конкуренции. Любое нарушение правил влечет неотвратимую кару.

А у нас? А что у нас? Внешне - почти то же самое. Администратор, над ним еще администратор, и еще, и еще - и так до самых высших. А над ними - хозяин, гегемон, рабочий класс.

Рабочий класс конкурентов не боится. Но в максимальной эффективности производства он заинтересован не меньше всяких капиталистов - это его кровный интерес. Очень похожая получается цепочка.

Если у капиталиста ухудшается работа на одном участке, будет заменен администратор, отвечающий за этот участок. Если ухудшается работа сразу на многих участках - владелец уволит высшего администратора. Подберет другого - получше.

И у нас. Если на каком участке худо - администратора можно заменить. Если развал на многих участках, надо бы менять высшую администрацию...

И вот тут пролетариат - хозяин, гегемон, встает в тупик. Право на замену администрации у него есть. Но вот как этим правом распорядиться?

Право такое есть, но это право - фикция. Такая же фикция, как многие буржуазные права и свободы. Право-то оказывается липовое!

Фикция потому, что провести такую замену некем! Не то, чтобы их вовсе не было - кандидатов. Но чтобы подходящего кандидата найти, его надо выслушать, его надо проверить, его надо оценить. Так где он может высказаться, чтобы его услышал каждый рабочий, весь рабочий класс?

Вот так и оказывается, что не хватает в нашей цепочке одного важнейшего звена.

Не хватает звена, и не чувствует высший администратор никакой ответственности перед пролетариатом. О работе ему думать некогда и незачем, он хозяина не боится, а боится он совсем другого: как бы его нижестоящие ненароком не скovyрнули. И силы свои высший администратор тратит на то, чтобы от этого уберечься. И с нижестоящих он не работы требует - его и видимость работы устраивает. А требует поддержки, требует гарантии собственной безопасности. Для него те подчиненные хороши, которые к его посту рваться не будут, в его дела вмешиваться не захотят. Это и служит критерием подбора.

У нижестоящих - те же заботы. Да еще им надо, чтобы у вышестоящего не было причин для недовольства. Значит, видимость работы должна быть хорошей, а поведение - верноподданническое...

И идет это по всей цепочке сверху донизу. А до дела никому нет дела. Производственные успехи тут не цель. Это только повод, чтобы продвинуться выше, чтобы добраться до более жирного куска. И повод это не единственный, даже не главный. Умелый администратор может так развалить дело, что отвечать будут другие, а он пойдет на повышение.

Вот так-то, в таких условиях и решается судьба наших интересов.

Итак, если мы теперь сформулируем организационные принципы капиталистической производственной администрации, мы должны отметить:

- целью администрации является извлечение максимальной прибыли, что определено владельцем средств

производства и является для него жизненной необходимостью.

- путем достижения цели является участие всех звеньев администрации в рациональном определении конкретных задач каждого производственного участка.

- это обеспечивается соответствующим подбором административных кадров сверху донизу, контролем сверху по результатам деятельности и личной ответственности каждого администратора за порученное дело.

Если заменить в пункте первом максимальную прибыль максимальной эффективностью производства в соответствии с интересами иного владельца средств производства - пролетариата, то эти принципы будут пригодны для нашего производства, для построения Администрации социалистической.

Но сейчас эти принципы в виде требований к администрации не реализуются и реализованы быть не могут.

Прежде всего, потому, что в силу фиктивности права пролетариата на замену высшей администрации становится фиктивным и право собственности пролетариата на средства производства.

Представьте себе положение владельца фирмы, который не имеет права сменить своего администратора. Даже если администратор всю прибыль фирмы нахально адресует в качестве жалования! Но дело не только в этом.

Администратор, узурпировавший права владельца фирмы, сам становится фактическим хозяином, сам заинтересован в извлечении максимума прибыли, следовательно, в процветании производства.

У нас даже этого нет.

Выступая по отношению к пролетариату как единое целое, как некий субъект, узурпировавший собственность пролетариата, наша Администрация в другом, внутреннем отношении единым субъектом не является. Вся организованность Администрации служит только для того, чтобы от пролетариата отгородиться, а в своих внутренних делах она неоднородна, дезорганизована, подчинена законам мелкобуржуазной междоусобной борьбы. Эта мелкобуржуазность категорически мешает Администрации слить свои интересы воедино. Слияния на пролетарской классовой основе она не желает - не желает расставаться со своими мелкобуржуазными свободами и привилегиями. Слияния на основе капиталистической она боится, потому что боится немедленной расправы пролетариата. Вот и осталось у нее одно: крутиться в своем мелкобуржуазном раю, мороча пролетариату голову, доколе это будет возможно, заверениями в общности интересов.

Вот и получается, что нашим производством управляет субъект без единых интересов, то есть раздираемый противоречиями "администратор", которому место в доме умалишенных.

Наша Администрация может сколько угодно болтать об интересах пролетариата, о строительстве коммунизма, об эффективности производства - ничего этого она не желает и сделать не может.

Наша экономика давно уже находится на краю пропасти. Это чтобы хоть чуть-чуть отогнать ее, нужны общие комсомольские субботники, дополнительные, повышенные и всякие другие сообразительности - но спасения эти меры не несут. Администрация утешает себя надеждами на авось, хотя и видит, что увлекает наше общество в глубочайший кризис.

Ничего изменить Администрация не в силах. Кризис продолжает углубляться. И одним из вариантов его разрешения - реакционнейшим вариантом - является реставрация капитализма, которая отбросит нас на сотню лет назад, в самое гнусное прошлое. Пока все идет своим путем, именно эта опасность зреет в мелкобуржуазной административной среде, именно она становится все более реальной.

Положение нетерпимо. Опасность нарастает. Но это не безнадежно.

У пролетариата достаточно сил, чтобы взломать, чтобы изменить сложившееся положение, чтобы уничтожить растлевающую Администрацию, а через нее и все общество, условия. Надо только этим заняться, надо понять, как это делается, и сделать.

Так что же нам нужно?

Обратимся к Ленину. Начнем с одной очень известной цитаты из статьи "Великий почин": "Производительность труда, это в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда." (Т. 39, с. 22). Вторую половину этого высказывания сейчас цитировать не любят. Получается одно из двух: либо Ленин ошибался, либо наша Администрация гнет не туда. Наш социализм, тот социализм, который мы имеем сейчас, обещанной производительности труда породить не смог. И не сможет. Сейчас мы уже и по темпам роста производительности труда (3 - 4 % в год) не опережаем капиталистов - значит не догоним, и, тем более, не перегоним.

А это значит, что доставшийся на нашу долю социализм - не социализм вовсе, не настоящий еще социализм.

В докладе об очередных задачах Советской власти Ленин говорил:

"Да, тем, что мы свергли помещиков и буржуазию, мы расчистили почву, но не построили здание социализма. Ибо на расчищенной от одного буржуазного поколения почве постоянно в истории являются новые поколения, лишь бы почва рожала, а рождает она буржуев сколько угодно. И те, кто смотрит на победу над капитализмом как смотрят мелкие собственники, - "Они урвали, дай-ка и я воспользуюсь", - ведь каждый из них является источником нового поколения буржуев". (т. 366 с. 261 - 262).

Вот в чем корень зла. Мелкобуржуазность не дает нам подняться до высот социалистических. Сама же она до более совершенного империалистического капитализма подняться не может и обречена плестись в хвосте. В капиталистических странах мелкая буржуазия выживает только за счет энергичности, она крутится непрерывно, получая пинки крупного капитала со всех сторон. У нас же, наша мелкобуржуазная Администрация просто погрязла в своей мышине возне.

Нам этого терпеть нельзя. Нам нужен социализм настоящий. Тот, который является первой фазой коммунизма. Тот, который обеспечивает беспредельный рост производительности труда.

Исподтишка нас попугивают: производительность труда - это работать больше надо. "Сегодня рекорд - завтра норма", - как пишут в газетах.

Так ли это?

А давайте смотреть по пунктам.

1. Если бы труд наш не пропал, не уничтожился, не расходовался зря, если бы каждая начатая вещь доделывалась до конца, а каждая сделанная использовалась по назначению - увеличилось бы производство продукции? Да, увеличилось бы.

2. Если бы все заказы, плановые задания соответствовали действительным нуждам, если бы все предприятия гнали не тонны для плана, а вещи для дела - способствовало бы это росту нашего народного богатства? Да, способствовало бы.

3. Если бы все заказы размещались в соответствии с качеством и возможностями оборудования, в соответствии с квалификацией исполнителей - смогли бы мы производить больше и лучше? Да, смогли бы.

4. Если бы проблемы по первым трем пунктам решались правильно, а значит, в первую очередь, были бы направлены на создание и применение нового, более производительного оборудования - обеспечило бы это рост эффективности производства? Да, обеспечило бы.

Прежде чем записать пятый пункт, обратим внимание на то, от кого зависит выполнение первых четырех, и требует ли их выполнение увеличения интенсивности труда рабочего? И оказывается, что все это требует иного отношения к делу, изменения стиля работы именно от Администрации.

5. Если бы Администрация справилась с решением указанных проблем, если бы труд каждого приобрел осмысленность и целенаправленность, если бы определилось его значение в общем труде - стал бы рабочий относиться к труду с большей ответственностью и с инициативой? Да, стал бы.

Вот мы и перечислили резервы создания новой социалистической производительности труда. Той производительности труда, которая не закабалит рабочего, а позволяет сократить рабочий день и выделить больше средств на дело культурного развития, на дело раскрытия творческих, созидательных способностей трудящихся.

Для этого нам нужна иная Администрация, способная решать те задачи, которые, кроме нее, решать никому. Нам нужна Администрация, способная служить интересам пролетариата и за страх и за совесть. Сначала, может быть, больше за страх. Потом, видимо, все больше за совесть.

Но что нам нужно в первую голову - так это настоящую пролетарскую власть.

А с этим дело обстоит совсем не просто.

После Октябрьской революции власть в нашей стране безусловно была пролетарской. А дальше? А теперь? Перерождение произошло на наших глазах, а мы и не заметили как. В Верховном Совете сидят полтысячи рабочих - и только руки поднимают. По команде и единогласно.

Надо восстановить пролетарскую власть. Но этого мало.

Нам надо удержать ее. И не от врагов оборонить - это мы умеем - а удержать ее от перерождения, от мелкобуржуазной ржавчины, разъедающей ее изнутри.

Без Администрации нам не обойтись - но это должна быть наша, нам подчиненная и нам служащая Администрация от всяких буржуазных вывертов застрахованная.

Гарантия тут может быть только одна: личная ответственность и контроль, контроль, контроль. Контроль снизу, контроль равных. Но самое главное - контроль сверху, контроль по фактическим результатам деятельности. А чтобы это не было фикцией, чтобы это действительно осуществлялось - под самый жестокий наш контроль должен быть взят самый верх.

Мы должны чувствовать себя хозяевами, должны восстановить недостающее звено в административной цепочке. А это значит, нам нужны не только люди, способные возглавлять Администрацию сегодня, но и другие люди - люди, пристально анализирующие деятельность Администрации, не прощающие ей просчетов, подвергающие беспощадной критике каждый шаг Администрации.

Пусть не всегда эта критика будет состоятельна - мы сами сумеем разобраться что к чему. Но пусть эта критика всегда будет доступна для широкого обсуждения. Именно при столкновении критических взглядов будет рождаться обоснованная оценка и будут рождаться, формировать свою позицию те, кому мы доверяем возглавлять Администрацию завтра, кому придется устранять накопившиеся недочеты и перестраивать всю систему в соответствии с задачами завтрашнего дня.

Что сейчас? Несколько раз в год нам преподносят "гениальные" решения и руководящие указания верхушки. Изредка выдают разгромную критику в адрес тех, кого уже нет у власти. Никакой обмен мнениями не предусмотрен - поэтому никакому нашему коллективному мнению не суждено сформироваться. Существует только спущенное сверху единодушное "Одобряем!" Кто не согласен - того не слышно.

Что должно быть? К нам должны идти идеи и решения настолько новые, передовые, что их трудно понять сразу, настолько правильные, марксистские, что их нельзя не принять в конце концов. Это и должно отражаться в нашем мнении. Ошибки должны называться ошибками. Те, которые можно простить, мы простим: нельзя идти вперед, в неизвестное, не ошибаясь. Но тех, кто мог заранее на основе глубокого понимания марксизма эти ошибки предсказать, тех, кто сразу рекомендовал более верный путь - мы должны видеть, мы должны искать среди них новых лидеров, способных вести нас вперед и дальше.

Только при таком положении вещей, только при такой расстановке сил рабочий класс получает гарантию

своих хозяйских прав, получает возможность справиться и всегда справляться с неугомонно возникающим в административной среде мелкобуржуазным разбродом.

И речь здесь идет не о простой отмене цензуры и допуске на страницы нашей печати критических высказываний. Нет, кроме пустой псевдокритической ругани да протаскивания буржуазной пропаганды, это ничего не породило бы. Только перестройка всей структуры Администрации, только организованный пролетариатом контроль над Администрацией, и над критикой в ее адрес может обеспечить нам абсолютно необходимые для дальнейшего движения условия и результаты.

А теперь мы вынуждены поставить перед собой новую серию вопросов.

Как добиться желаемого положения? Какие организационные формы нам нужны? Какими документами и в каких формулировках должны быть хозяевами своей страны, быть хозяином фактически, а не номинально? Что должно быть сделано, чтобы пролетарский контроль стал практикой нашей жизни, а не красивой фразой? Как поступить с Администрацией теперешней и где взять Администрацию будущего?

Вопросов много. Пока они останутся без ответа. Не потому, что эти вопросы неразрешимы или чрезвычайно трудны, а потому, что ответ на них должен быть конкретен, как приказ. А конкретный ответ зависит от той конкретной обстановки, в которой пролетариат сумеет вернуть себе власть.

Вернуть власть - вот главная проблема на сегодня. Пролетариат силен, но не организован, а противостоит ему вполне организованная Администрация.

Нам предстоит борьбу начать. нам предстоит в ходе борьбы организовать. нам предстоит организованно одержать победу. Нам предстоит эту победу закрепить и так закрепить, чтобы в будущем права пролетариата не зависели от личных качеств администраторов.

От начала борьбы - к возврату власти. Вот это наш ближайший этап. И он ставит вопросы, на которые четкие ответы должны быть даны незамедлительно.

ГЛАВА 4

КТО ЗАДАЕТ ВОПРОС?

Знают ли верха о нарастающем кризисе нашего общества?

Да, знают. Хотели бы они этот кризис предотвратить? Да, хотели бы. Предпринимают ли верха что-либо для предотвращения губительной для них развязки?

Да? Да, или нет? Верха весьма активны, они многое пытаются предпринять. И все - впустую. Ничего для того, чтобы приостановить развитие критической ситуации, они провести принципиально не могут.

Избавившись от контроля пролетариата, от ответственности перед ним, они одновременно избавились и от его поддержки. Наша верхушка давно уже утратила связь с рабочим классом, она оторвалась от народа вместе со всей Администрацией, ее выдвижение стало внутренним делом Администрации. А раз она выдвигается Администрацией, она и вынуждена служить Администрации, к каким бы катастрофическим последствиям это не вело бы.

Так, может быть, Администрация в целом постарается избавиться от катастрофы? Нет, такой цели Администрация поставить не может. Потому что такая цель требует консолидации, требует единства, которого в обстановке мелкобуржуазной борьбы быть не может. Мы уже говорили о том, что Администрация выступает как единое целое только в своем притворном пролетариате.

Если бы верха в этих условиях вознамерились предпринять какие-либо реальные меры - а реальность их только тем и может быть обеспечена, что они будут направлены против Администрации, будут подавлять мелкобуржуазные интересы Администрация во имя интересов пролетариата - так вот, если верхушка вознамерилась такие меры провести, то Администрация просто сместила бы верхушку. Иного конца в существующих условиях не может быть ни у каких благих намерений верхушки.

Вот почему кризис может разрешиться только либо реставрацией капитализма, либо восстановлением власти пролетариата.

Кризис и заключается в том, что наше общество катится по наклонной плоскости, то есть медленно, но неуклонно и самым естественным путем катится к капитализму, в лапы самой черной реакции. И совсем не случайно то, что капиталисты (которых мы называем то общественно-опасными преступниками, то уважаемыми людьми - в зависимости от проявления их буржуазных склонностей) растут у нас, как грибы теплой осенью.

Как бы ни расхваливали капитализм западные радиостанции и наши свихнувшиеся диссиденты, как бы ни мечтали о нем наиболее наглые и удачливые наши администраторы - рабочим, кроме закабаления и жесточайшей эксплуатации на долгие годы, капитализм ничего не готовит.

А к восстановлению пролетарской власти наше общество само по себе придти не может. Для этого требуются наши усилия, усилия всего пролетариата и передовой беспокойной интеллигенции, которая хочет служить пролетариату, а не буржуазии.

Администрация живет вольготно. Администрация спокойно может заниматься своей мышинной возней только потому, что сумела оглушить нас громкими фразами о развитии марксизма и ленинским стилем, завязать нам глаза альми полотнищами с самыми прекрасными лозунгами.

Администрация вольна грабить нас и губить наш труд в драке за свой личный кусок до тех пор, пока мы не замечаем этого, пока мы позволяем себя обманывать, пока глядим на ее преступное расточительство с наивностью младенца.

И хотя отдельные Администраторы и, может быть, большинство администраторов (но совершенно неорганизованное в этом отношении большинство) рады бы пойти вместе с пролетариатом, Администрация в целом (вот тут-то она связана железной организацией) все равно идет в противоположную сторону и продолжает грабить и разорять пролетариат.

И потому Администрация боится нас. Она готова принести в жертву и административного стрелочника - струбелевого инженера, и первого секретаря ЦК, и кого угодно - лишь бы отвести наш гнев, лишь бы направить его на конкретную личность, а не против нее, Администрации. Администрация боится банкротства. Она боится, что если мы предъявим счет за все наши потери по адресу, то есть именно ей, всей Администрации, расплачиваться ей будет нечем. Именно это мы и должны сделать!

Мы должны предъявить свой счет.

Мы должны, наконец, понять, что хозяева - мы, как бы беззастенчиво ни грабил нас назначенный нами управляющий.

Предъявить наш счет непросто. Администрация противостоит нам своей большой разевшейся тушей - любой наш единичный протест для нее не страшнее комариного укуса.

Рабочий класс силен тогда, когда он организован. Администрация организована против нас. Мы должны создать более мощную организацию.

Делать мы это умеем.

Мы и делаем это - пока по мелочам. Цеха и целые предприятия откликаются забастовками на внезапное повышение норм, снижение расценок. Каждый из нас либо участвовал в таких забастовках, либо слышал о них.

Администрация немедленно отступает. Нет, это ей еще не страшно, но она боится как бы не пошел крутой разговор.

Забастовка, стачка - главное наше оружие. Но мы разучились им пользоваться. Мы только хватаемся за рукоять, как Администрация уже спешит нас успокоить, уступает нам в мелочах. И мы успокаиваемся.

Но мы же хозяева! Так что же мы робеем? Что мы стесняемся применить оружие против того, кто обобрал нас до нитки? Мы еще и благодарны грабителю за то, что он вернул нам лоскуток, чтобы прикрыть нашу наготу.

Борьба и организованность - вот что нам нужно. Борьба и крепить наше единство. Нам ничего не отдадут без борьбы, но мы должны выступить против организованной Администрации - пролетарской организацией. Борьба без организации - это комариный писк. Организация же формируется только в борьбе.

Забастовки по поводу снижения расценок - это лишь малый шаг. Они стихийны, в них рождаются лишь самые зачатки организации. Но эти зачатки надо поддерживать, их надо сохранять и укреплять. Вдобавок Администрация научилась избегать и таких забастовок: она снижает расценки порознь - по отдельным изделиям, операциям.

Такое снижение расценок - повод для проявления организованности более высокой ступени. Сейчас мы выражаем свой протест стихийно: всеми силами уклоняясь от исполнения "невыгодных работ". Но мастер посулами или принудительно - находит для них исполнителей. А если бы кадровые рабочие единодушно сказали: "Не трогай парня, мастер. Эту работу на таких условиях не будет делать никто."?

Мы должны бастовать по поводу каждого, не вызванного изменением технологии, снижения расценок, потому что это - грабеж.

Мы должны организованно бойкотировать все "невыгодные" работы, потому что это - тоже грабеж.

Мы должны организованно бойкотировать все "невыгодные" работы, потому что это тоже грабеж. Но кроме того, мы должны требовать и то, что у нас уже отнято, мы должны бастовать везде, где за головоутизм Администрации нам приходится расплачиваться своим трудом и своим здоровьем.

Мы должны требовать удобных бытовок и улучшения условий труда, мы должны требовать грузоподъемных механизмов и механизации труда, где это может помочь. Мы должны требовать жилье и транспорт до работы и с работы. И мы должны предъявить свои требования забастовкой. Везде, где Администрация ущемляет наши общие интересы, мы должны видеть повод для забастовки.

Здесь нам важно избавиться от одного недостатка: перестать быть добренькими, перестать "входить" в положение. Когда мы приходим просить автобус для субботней рыбалки к мастеру Валерию Константиновичу, тому Валерке, который еще год назад стоял за соседним станком, и слышим: "Ну где я вам автобус возьму? У завода их всего три, и наш цех получал автобус в прошлую субботу. Войдите в мое положение" - тут трудно не войти в положение. То же самое, когда директор говорит: "Нам выделили всего три квартиры, те, кто их получает, живут хуже чем ваш токарь Крестцов".

Не входите в положение! Не мастер Валерка и не директор разговаривают с вами. Их устами спекулирует на вашей жалости, на вашей понятливости многоликая Администрация. Задумайтесь: кто определил вашему заводу три, а не тридцать три автобуса? Кто выделил три, а не триста квартир? А кто обрекает токаря Крестцова на дальнейшую жизнь в бараке? Пока вы жалуете Валерку, ваши требования никогда не дойдут до того, кто разбазарил неполученные вами блага.

Не входите в положение! А какое нам дело, где Администрация возьмет автобус? А какое нам дело, сколько времени потребуется для установки телефона? А какое нам дело, откуда в столовую завезут мясо? Это обязанности Администрации, и пока она не научится их исполнять, мы не будем работать, не будем своим горбом вытаскивать телегу, завязнувшую из-за безделья Администрации.

Мы ведь не чужого просим, мы требуем то, что нами создано, что нами заработано, а Администрацией загублено, растеряно, разграблено.

И тогда наша Администрация почувствует, что настало время платить за вольготную жизнь. И тогда Администрация завертится, пытаясь закрыть прорехи. И тогда Администрация признается, что расплачиваться по всем предъявленным ей счетам нечем, так как беречь наши ценности, наш труд она никогда не считала нужным.

Стачка, забастовка по каждому конкретному поводу - это первый шаг. Нам нужно наладить обмен информацией для того, чтобы мы могли добиваться того же, чего уже добились рабочие других заводов. Мы все, на всех заводах должны держать один и тот же курс.

А дальше - шаг второй. Внутрицеховая солидарность в поддержку справедливых требований. Солидарность различных предприятий по вопросам благоустройства районов, развитию транспортной сети, больничного обслуживания. Для этого нужен еще более интенсивный обмен информацией, нужна серьезная организационная работа.

С самого начала борьбы, как только проявят себя первые лидеры этой борьбы, мы должны обратить самое серьезное внимание на профсоюзную работу. Это сейчас наши профсоюзы, как тяжелобольной, не в силах поднять никакую работу, кроме распределения путевок, да и то по указке Администрации. Мы должны завоевать профсоюзы, мы должны выдвинуть туда наших лидеров, людей, способных в борьбе с Администрацией бескомпромиссно, не входя в положение, защищать интересы рабочих. И тогда профсоюзы опять начнут работать по-ленински, тогда они снова станут школой коммунизма, как это записано на каждой страничке профсоюзного билета. Мы должны продвигать наших лидеров в самые высшие профсоюзные органы и постоянной готовностью к массовым забастовкам оберегать их от расправы Администрации, от репрессий, к которым Администрация обязательно захочет прибегнуть, чтобы хоть как-то защитить себя. Администрация прибегает и к репрессиям, и к фальсификации, и к клевете - мы не должны допускать, чтобы гибли наши российские Сакко и Ванцетти.

И еще мы должны помнить, что кроме борьбы за всеобщую пролетарскую организацию, нам предстоит работа по созданию стержня, направляющего нашу борьбу, по созданию узкой пролетарской организации, координирующей нашу деятельность. Это должен быть мозговой центр и нервная система всего рабочего класса. В этой организации должны объединиться самые передовые силы, способные дать верную оценку любой ситуации, найти верное направление борьбы, подготовить силы для удара. Рабочему классу нужна большевистская партия.

Это она должна обеспечить обмен важнейшей информацией о ходе пролетарской борьбы на всех участках. Ей нужна своя печать, не контролируемая Администрацией, свои корреспонденты и курьеры.

Это она должна анализировать наши победы и неудачи, наши сильные и слабые стороны и делать по-марксистски точные выборы, и вести работу по укреплению всего фронта борьбы.

Это она должна определить цели нашей борьбы на каждом этапе, должна выдвигать все новые и новые вопросы, должна определить слабости в лагере Администрации и вести нас на прорыв. Это она должна связать, сцементировать нашу борьбу единством мысли и действий.

Это она должна противопоставить казенному "марксизму" Администрации свой по-настоящему марксистский анализ жизни нашего общества. Она должна разоблачить лживость теории официальной и вернуть нам марксизм подлинный, не боящийся самые гнусные явления действительности называть точными именами.

Это она должна давать нам уроки марксистской политграмоты, должна отучить нас от дурной, воспитанной в нас Администрацией привычки отделять теорию как пустую болтовню от практики, и к которой развиваемая Администрацией "теория", естественно, не имеет никакого отношения. Она должна неустанно доказывать нам, что подлинно марксистская теория и практика борьбы за рабочие интересы всегда неразрывны, всегда составляют единое целое, усиливая друг друга.

Это она должна вести и поднимать нас от борьбы экономической к победе в борьбе политической, в борьбе за возвращение власти пролетариата. Она должна выделять этапы борьбы и выдвигать политические цели каждого этапа.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что именно на нее Администрация в первую голову обрушит всю мощь своих карательных сил. Администрация не хуже нас знает: чтобы победить противника, надо его бить по голове, бить в солнечное сплетение, где сосредоточены нервные центры.

Но именно туда должны быть направлены лучшие наши люди - люди, обладающие передовым марксистским мышлением, преданностью интересам пролетариата, личной смелостью и непоколебимостью в борьбе.

И если задачи повышения пролетарской организованности и создании пролетарской организации будут нами решены, победа в борьбе с Администрацией будет нам обеспечена.

Почему? Что гарантирует нам победу?

Победа обеспечена нам тем, что мы вступаем в борьбу за то, чтобы сделать еще один шаг к коммунизму, еще в направлении поступательного движения истории. Рухнул фашизм, рухнул режим греческих "черных полковников", рухнет и режим Пиночета в Чили - потому что попытки задержать ход истории, самой же историей на гибель и обречены. По сути дела такой же попыткой, только на более передовом прогрессивном историческом этапе является и существование нашей Администрации. Рухнет и она - от нас зависит только, произойдет ли это сейчас или много десятилетий спустя, после того, как Администрация затянет нас назад, в прошлое. И в любом случае движение вперед не произойдет без борьбы. Нам решать: готовы ли мы вступить в борьбу сами или предпочтем мириться с постоянным ограблением и оставить борьбу - а тогда она будет еще тяжелой борьбой - нашим детям и внукам.

Многие отказываются от борьбы потому, что боятся оказаться в одиночестве, потому, что не верят в возможность консолидации рабочих сил, потому, что их дух угнетен тем, что на их памяти все изменения в обществе осуществлялись только сверху. Они не верят в силу рабочего класса, в его способность организоваться,

потому, что они этого не видели.

Но ведь рабочий класс не слаб, нет не слаб! Он только одурачен наглой пропагандой Администрации, выдающей себя за защитницу интересов пролетариата. Он потерял ориентиры, потому что Администрация откровенно спекулирует именами и высказываниями Маркса и Ленина. Он не может найти правильного направления, потому что Администрация, увязнув в мелкобуржуазном болоте, сама делает все, чтобы затянуть туда же и пролетариат. Администрация всеми силами старается подорвать стремление пролетариата к прогрессу. Нас старательно убеждают в том, что мы живем свободно, богато и счастливо.

Хотя для любого честного марксиста должно быть ясно, что жизненный уровень передовых капиталистических стран, таких, как Швеция и США - нулевая точка, это тот минимум, от которого должен вести свой счет подлинный социализм. И все это делается для того, чтобы Администрация могла беззаботно, безалаберно транжирить все, что создано нашими руками.

Но пролетариат, даже очень сильно охмуренный проповедями Администрации, остается пролетариатом - единственным классом, имеющим власть над будущим. И силы его, впавшие в дремоту от умелого охмурения, всего лишь спят, а не угасают. А сознательность пролетариата растет подспудно, не находя возможности для применения.

Революционная ситуация приближается, и тем, кто не видит этого, кто не верит в это, неплохо напомнить уроки истории - нашей собственной истории.

Прежде всего обширная цитата, имеющая прямое отношение к нашей современности: "Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас слабые силы эти наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ними, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, то картина получается удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создает, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создает ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится в аморфном состоянии и никакой формы не создало. Стагическое движение, существующее при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто качественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях)" (Ленин, т. 4 с. 163).

Если отбросить некоторые неточности используемой автором терминологии, как наблюдательно он характеризует теперешнюю застойность в нашем рабочем движении, не правда ли? Примерьте каждую фразу к нашей действительности - как зорко подмечена пассивность наших рабочих, их неспособность к организованным действиям, тем более к политической борьбе!

Вполне могут гордиться те, кто понимает нашу действительность столь же прозорливо. Могут гордиться, потому что работа, из которой извлечена эта цитата целиком (целиком) процитирована Лениным в 1899 году. Она приведена в написанном Лениным "Протесте российских социал-демократов", и взятая нами выдержка там, естественно, опротестована, как и все остальное. А называется эта работа "Кредо" и написана она Кусковой (помните у Маяковского: мадам Кускова?) и являет собой образец либеральной обывательщины, полного неумения оценить реальную политическую ситуацию.

Стоит ли приводить ленинское опровержение 1899 года, если в течение двух десятилетий ее дважды решительнейшим образом опровергла история: сначала революция 1905 года, а потом победой пролетариата и Октябрьской революции.

Так же ошибаются те, кто сегодня не желает замечать революционного брожения в массах, кто отводит душу в основательном критиканстве и живет либеральными (по нынешним меркам - диссидентскими) надеждами.

Пролетарские силы зреют. Рабочий класс, когда-то по своей темноте способный постичь и поддержать только главные идеи революции, сейчас уже может разобраться в самых тонкостях построения революционного общества. И задача каждого, кто смотрит в будущее, помочь рабочему классу взять это будущее в свои руки.

Для того, чтобы это сбылось, нужны люди особой смелости. Эти люди нужны сегодня. Но речь идет не о личной отваге, хотя она тоже нужна, так как предстоит пронести свои убеждения в обстановке непрерывных преследований со стороны Администрации.

Речь идет не о личной отваге, хотя, когда борьба достигнет должного размаха, она потребует тысяч и тысяч самоотверженных борцов.

Речь идет о смелости духовной, о готовности бросить вызов обществу, не желающему даже замечать твоего существования. Речь идет об умении терпеливо и настойчиво стучать в стену глухого людского недоверия, инертности, непонимания. Речь идет о том, чтобы верить в правоту и успех, даже если твой голос годами не находит отклика, чтобы не прекращать работы ни при каких условиях и этого успеха добиться тогда, когда

подлинно марксистское революционное отношение к действительности начнет распространяться лавинообразно.

Тогда водоворот борьбы будет вовлекать все новых и новых людей и недостатка в кадрах не будет. Но для этого нужна большая работа сегодня.

"Гораздо труднее - и гораздо ценнее - уметь быть революционером, когда еще нет условий для прямой, открытой, действительно массовой, действительно революционной борьбы, уметь отстаивать интересы революции (пропагандистски, агитационно, организовано) в неревolutionонных, а зачастую и прямо реакционных учреждениях, в неревolutionонной обстановке, среди массы, неспособной немедленно понять необходимость революционного метода действия" (Ленин, т.41 с. 80).

Это писал Ленин в "Детской болезни "левизны" в коммунизме". Именно этим характеризуется та фаза борьбы, в которую мы вступаем.

Что должно дать нам силу в такой борьбе? Что дает нам уверенность в том, что время этой борьбы наступило?

Ранее высказанные соображения определяют неизбежность такой схватки с Администрацией. Но чем обусловлен выбор нынешнего дня как момента ее начала?

Три фактора позволяют выделить текущий момент в нашем общественном развитии.

Фактор первый, не самый главный вообще, но решающий именно для начала борьбы, состоит в том, что история существования нашего общества и нашей Администрации, в частности, уже представила достаточный материал не только для марксистского анализа глубинных причин неспособности нашей Администрации обеспечить движение вперед, но и для построения позитивной программы перестройки общества. Одним из свидетельств этого и является эта работа. Сущность состоит в том, что пролетариат готов вступить в борьбу идеологически вооруженным.

Фактор второй состоит в том, что Администрация утратила всякое идеологическое влияние на общество. Никаких новых продуктивных идей Администрация выдвинуть не может, а прежние идеи, перехваченные Администрацией у революционного, активного прошлого, частью утратили свое историческое значение в связи с изменением условий общественного бытия, частью категорически опошлены спекуляциями самой Администрации. Важная специфическая сторона нынешнего идейного кризиса заключается в том, что отсутствуют не только идейные связи Администрации с массой трудящихся, но нет и никаких идей, которые связывали, цементировали самое Администрацию.

При широком развороте борьбы Администрация начнет разваливаться и переходить целыми звеньями на сторону пролетариата в силу элементарной тяги к духовному богатству. Конечно, Администрация еще прочно скреплена множеством формальных и традиционных связей, но к настоящему моменту она полностью идеологически разоружена.

Фактор третий и самый главный - это глубочайший экономический кризис, в который мы вступили. Этот кризис тщательно скрывается, Администрация прилагает все усилия, чтобы создать видимость благополучия. Но видимость есть видимость, сущность повсеместно прорывается сквозь нее. Это инфляция, которую мы ощущаем по росту цен. Это отставание объемов производства важнейших видов сельскохозяйственных продуктов. Это - неуклюжие попытки нагромождением всяких дополнительных "социалистических обязательств" выжать из промышленности крохи для покрытия недостач. Но основная примета того, что кризис вошел в окончательную фазу, что никакого выхода из него Администрацией не будет найдено - это динамика наших показателей по производительности труда. Уже несколько лет с вынужденным постоянством ЦСУ фиксирует прирост производительности труда на уровне 3-4 процентов в год, то есть на уровне катастрофического замедления технического прогресса. Для всякого марксиста ясно, что это - прямое следствие крайнего несоответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Наша разлагающаяся Администрация ничего изменить не в состоянии. Стихийным разрешением кризиса может быть только мелкобуржуазным - расчищающим простор для развития буржуазии крупной. Наш рабочий класс еще совершенно не готов к тому, чтобы предотвратить это, чтобы решительными действиями предрешить развитие событий.

Времени на подготовку нам оставлено в обрез. Вот почему работу надо начинать сегодня.

1977 г

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И СТРАТИФИКАЦИЯ НАДСТРОЙКИ

При обобщенном взгляде история предстает как четкая последовательность сменяющих друг друга общественно-экономических формаций. Эта последовательность настолько очевидна, настолько несомненна, что, казалось бы, не составляет труда для любого государства, рассматриваемого в некоем конкретном историческом периоде, указать точное положение в этой последовательности, как на универсальной исторической шкале отсчета.

Однако каждый, кто занимается конкретной историей, знает, что это далеко не так. При детальном исследовании вдруг обнаруживается, что в государствах, искони считавшихся рабовладельческими, в государствах, на которых рабовладение изучалось и получило свое описание - в этих самых государствах рабовладельческий способ производства не играл решающей роли! Мало того, стоит с достаточной ясностью привязать к формационной шкале один конкретный период, как обнаруживается, что предшествующий период с не меньшей ясностью вписывается в более поздний, более высокий участок той же шкалы. Есть от чего придти в растерянность. И неслучайно наиболее добросовестные и вдумчивые исследователи, сталкиваясь с такими фактами, или откровенно ставят под сомнение исторический материализм с его теорией сменяющих друг друга формаций, или осторожно уклоняются от историко-материалистической интерпретации исследуемых материалов. Ситуация оказывается по плечу только явным или тщательно маскирующимся вульгаризаторам, которые, ничтоже сумняшеся, ломают исторические данные, втискивая их в уготованное ложе на не подлежащей сомнениям шкале.

Вульгаризаторы - не правы. Исторический материализм прав. Но, что, может быть, удивительнее всего, гораздо ближе к истине и к историческому материализму стоят те, кто в нем сомневается, чем те, кто боится отступить от него хотя бы на шаг.

Прежде всего, дело в том, что исторический материализм и конкретные исторические исследования категорически, принципиально несопоставимы по масштабам. И есть реальная причина этой несопоставимости. То, что при высокой степени обобщения представляется монотонным (в математическом смысле) поступательным движением от формации к формации при детальном рассмотрении оказывается состоящим из весьма причудливых узоров. Так длинная цепь математически может рассматриваться как линия, ее провисание описывается математической формулой, так и называемой: формула цепной линии - но найдем ли мы какое-нибудь отражение этой закономерности, изучая отдельное звено цепи или даже часть, малый отрезок такого звена?

Говоря более точно, поток истории не линеен, не ламинарен, а имеет турбулентный характер, то есть при сохранении общей направленности, состоит из вихрей, в которых движение может идти и под углом к основному направлению, и вспять.

Иными словами, например, если взять самые отдаленные времена человечества, то, оказавшись в трудных условиях, скажем, по климатическим или иным причинам, выживало то племя - или стадо, - которое смогло подняться до более высокой организации, оказалось в состоянии освоить более сложные формы взаимодействия. Но, пережив тяжелые времена, или - в ходе миграции - выйдя на более благоприятные для существования территории, племя или стадо теряло потребность в усилиях для поддержания более высокой организованности, возвращалось к прежним, примитивным организационным формам. И такие подъемы или всплески повторялись неоднократно до тех пор, пока, с одной стороны, внешние условия не вынуждали племя закрепить высокие организационные формы, а с другой стороны, не накапливался опыт взаимодействия в рамках этих форм. Впрочем, даже закрепление высших форм на длительный период не обеспечивало их незыблемости - при улучшении условий существования они вновь распадались, и нужна была определенная стабилизация условий для целого региона, для своеобразной ойкумены обитания, и даже наличие определенной тенденции к ухудшению условий для того, чтобы высшие организационные формы становились устойчивыми, а затем уже могли переходить в еще более высокие организационные формы.

Естественным источником тенденции к ухудшению условий существования служит прирост народонаселения, необходимость делить природные богатства на большее количество потребителей. Это - важнейшая причина развития организационных форм. Но, видимо, не только причина, а и условие развития такого развития. Во всяком случае, для реализации всякой формы необходимо некоторое минимальное, так сказать - критическое количество индивидов. И чем выше организационная форма, тем большее критическое количество необходимо для ее существования. Следовательно, весьма важную роль в социальном прогрессе играл простой рост народонаселения, повышение концентрации населения определенных зон.

Другой важный для истории фактор состоит в том, что переход на новую организационную ступень всегда связан с освоением элементов нового способа производства - более эффективного, позволяющего увеличить количество производимых благ и тем самым улучшающего условия существования. А улучшение условий, в свою очередь, порождает тенденцию к распаду достигнутых форм, стимулирует возврат прежних, менее развитых отношений.

Таким образом, тенденции к деградации являются как бы атрибутом самого развития. Однако, элементы отношений, сложившихся в фазе подъема, не исчезают; они утрачивают содержание при деградации, но сохраняются как элементы культуры. Им придается во многом мистический, ритуальный смысл, как таинственному

средству, предопределившему в свое время победу над чрезвычайными трудностями, их используют в качестве ритуального средства подготовки к преодолению трудностей малых. В такой форме они могут передаваться из поколения в поколение - это и есть тот опыт, который при необходимости нового подъема, усложнения организации позволяет подняться выше, перешагнуть через ранее достигавшийся уровень. Вдобавок, в период деградации может происходить синтезация форм, унаследованных от различных предшествующих подъемов, то есть порождение более сложных форм, которые при необходимости могут вместить и более сложное содержание.

Если от рабовладельчества возможен возврат только в первобытное состояние, то более высокие формы богаче на этот счет, так как возврат возможен к любой из предшествовавших форм. Глубокая деградация возможна вследствие существенных изменений - пандемий, климатических потрясений и т. п. При этом возникают социальные образования низких ступеней, несущие, однако, в своей культуре элементы когда-то имевших место подъемов. Так, например, для общинного социального образования наличие коллективного земледелия может свидетельствовать о достигавшихся в прошлом высоких рабовладельческих формах, а индивидуальное, семейное земледелие - это свидетельство пережитого когда-то феодального уровня. Но, вообще говоря, все разнообразие культурных форм, являющихся отголосками социальных возвышений, еще подлежит выявлению и выяснению.

Теперь мы должны обратить внимание еще на одну особенность организационных структур, возникающих в ходе развития человеческого общества. Основные отношения, характеризующие уровень социального развития - это отношения между непосредственно классом производителей и господствующим классом. Однако господствующий класс и сам может быть достаточно сложно организован.

Дело в том, что рождающиеся внизу новые отношения вытесняют прежние отношения наверх, в более высокий социальный слой. Так в рабовладельческий период отношения между самими рабовладельцами имеют характер первобытных отношений со всем разнообразием их форм. Они тоже развиваются и пределом их развития является уровень отношений низшего слоя. То есть, например, отношения между рабовладельцами могут сами принять рабовладельческие формы.

С появлением феодальных отношений рабовладельческие отношения переходят в более высокий уровень. А еще выше могут сохраняться отношения, подобные первобытным. Такое перемещение отношений - это тоже процесс, непрерывно сопровождающий развитие общества.

В этом смысле мы вправе рассматривать отношения между непосредственно производителями и господствующим классом как базисные, в то время как все пройденные формы отношений перемещаются в надстройку, они как бы стратифицируют надстройку на определенные пласты, отчетливо сохраняющие черты ранее пройденных базисных форм, и чем выше - тем древнее формы.

Отношения, стратифицирующие надстройку, подчиняются тем же историческим законам, что и базисные отношения, то есть так же способны изменяться - возвышаться и деградировать.

Мы отмечаем как великие социальные революции периоды изменения базисных отношений на более высокие. Однако из истории нам известны социальные катаклизмы меньшего масштаба, как бы не вносящие изменений в социальные отношения. На самом деле это не так. Если вследствие революционных событий не изменились базисные отношения, это, как правило, означает, что революционный процесс ограничился изменением отношений в одном или нескольких стратиграфических горизонтах надстройки. Но так же, как и в базисных отношениях, это не означает окончательного закрепления новой стратификации, то есть после этого вполне возможен деградационный процесс, возвращающий надстройку и к прежней и к более отсталой структуре.

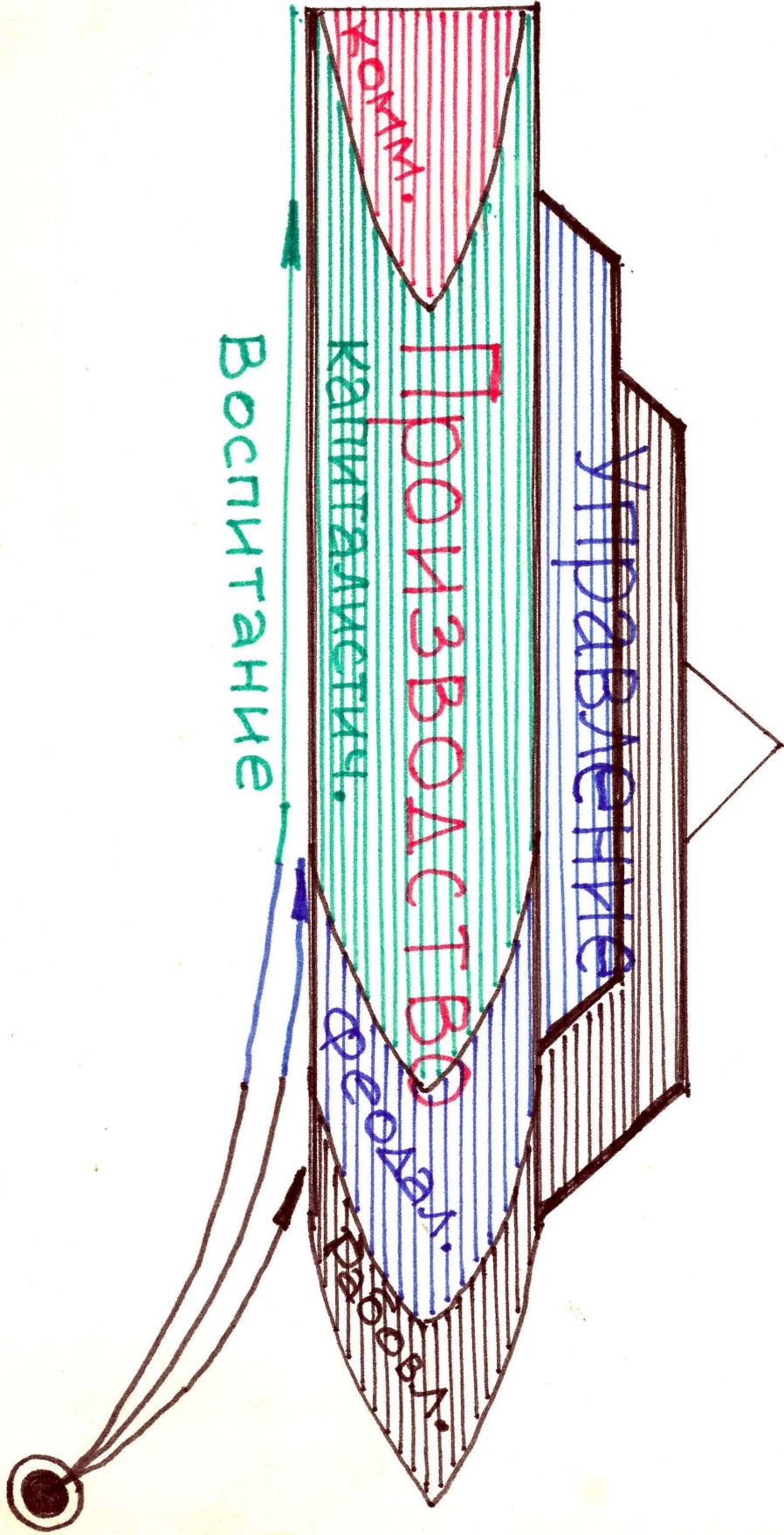
При одних и тех же базисных отношениях надстройка может быть стратифицирована по-разному, отражая разнообразие исторических путей становления общества, однако при этом соблюдается условие: чем древнее форма, тем в более высоких слоях надстройки она может сохраняться.

То, что в ходе великих социальных революций, означающих смену формаций, надстройка претерпевает коренную ломку, не означает, что стратификация надстройки меняется коренным образом. Однако она может терять при этом свои верхние слои и должна приобрести нижний слой, соответствующий предшествующим базисным отношениям, хотя это может произойти и не сразу.

Естественно, что происходящие во времени процессы возвышения и деградации социальной организации общества, наличие многослойно стратифицированной надстройки - все это сильно усложняет социальную картину любого реально существующего в истории общества и порождает то бесчисленное разнообразие фактических исторических форм, с которыми приходится сталкиваться в конкретных исторических исследованиях. Но важно знать, что это именно та сложность и то разнообразие, которые дает марксистская теория формаций, будучи рассмотрена в масштабах, сопоставимых с конкретными историческими исследованиями.

Исторический материализм дает укрупненную картину следования формаций, конкретному историку это позволяет отнести те или иные события к определенной эпохе. Но уже с событиями, происходящими на грани эпох, следует быть гораздо осторожней, так как за ними не следует с необходимостью поступательный переход к более совершенным формам; деградационное возвращение в предшествующую эпоху почти столь же вероятно.

Изучение же внутринадстроечных отношений вообще должно соотноситься с эпохой только с учетом стратификации надстройки, так как в соответствующих слоях надстройки могут иметь место самые древнейшие отношения.

Уровень социального развития

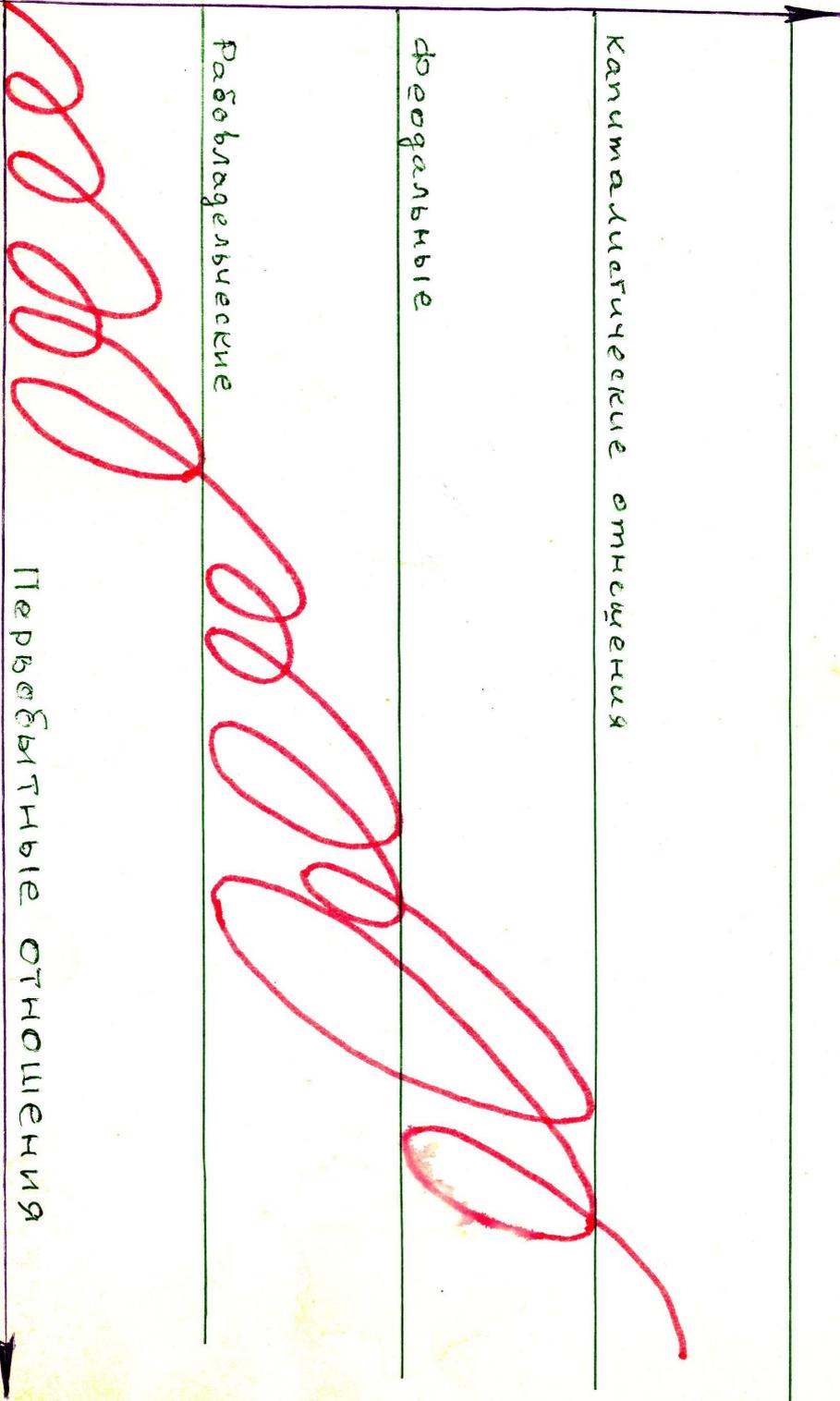
Капиталистические отношения

феодалыные

Рабладельческие

Первобытные отношения

Эррекцияльные производств
(Трудовое отношение в труде)

ПРИРОДА СОБСТВЕННОСТИ: СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Собственность - важнейшая категория политической экономии. Марксистская литература всегда рассматривала собственность как отношения людей по поводу вещей. Предметом политической экономии является вся совокупность трансформаций этого отношения, связанная с характером общественного производства. Несмотря на столь высокое значение этой категории для политико-экономической науки, в отечественных исследованиях отсутствуют сколько-нибудь согласованное представление о ней. Наоборот, господствует чрезвычайное разнообразие представлений от собственности как формы присвоения или просто как особого общественного отношения до утверждений, что понятие собственности многозначно и по различным поводам выступает в различных своих значениях, или, что особое понятие собственности свойственно каждой общественно-экономической формации и может быть рассмотрено только во всей совокупности производственных отношений, связанных с конкретным способом производства.

Однако этим удовлетвориться нельзя.

Недостаточность широких определений очевидно хотя бы потому, что присвоение само может быть наиболее рационально определено как обращение в собственность при некоторых условиях, а собственность как особое общественное отношение нужно отличать от других общественных отношений. С другой стороны очевидно, что особенность собственности в каждой общественно-экономической формации не является отрицанием того общего, что выделяет это отношение на всех исторических этапах.

Ясно, что наивысшего своего расцвета собственность достигает при капитализме в форме частной собственности на средства производства. Но наибольший для нас интерес представляет движение собственности на этапе от обобществления до полного ее отмирания. Постижению этого процесса будет способствовать понимание реальности основных черт собственности в специфических условиях социализма. Для выявления этих черт и предназначена эта работа.

Полноценное исследование, опирающееся на всю историю изучения этого вопроса, содержащее критику основных позиций и привлекающее для доказательства необходимый исторический материал, вероятно, составило бы несколько томов. Данная статья предлагает только схему позитивного исследования и не содержит ни критики, ни цитат, ни конкретных исторических примеров. По сути дела, намечая основные вехи движения мысли, автор обращается к историческому и социальному опыту читателей. Такой подход для многих может показаться неубедительным, зато он позволяет кратчайшим путем двигаться к интересующему нас результату.

ЧТО ТАКОЕ СОБСТВЕННОСТЬ?

Исторически сложилось простое и ясное понятие об этом.

Собственность - это отношение, связывающее некое лицо - субъекта собственности (владельца, хозяина) с некими предметами материального мира - объектами собственности (имуществом).

Но ясность эта обманчива.

В чем сущность этого отношения? Как оно устанавливается? Почему одни предметы являются объектом собственности, а другие нет? Как это отношение может изменяться и как не может? Последний вопрос мы должны поставить дважды: применительно к конкретному обществу, находящемуся на определенном этапе развития, и в плане историческом, в плане форм этого отношения.

Мы могли бы поставить еще много вопросов, - мы и поставим их по ходу исследования - но уже сейчас ясно, что мы не сможем на них ответить, не проведя исследований предварительных.

В качестве первого шага уточним элементы этого отношения.

Робинзон Крузо жил на необитаемом острове, был обеспечен всем необходимым для длительного существования. Был ли этот остров со всей живой и неживой природой собственностью Робинзона и имеет ли это какое-нибудь значение? Мы должны ответить отрицательно: так-же, как и любому живущему на острове зверю, Робинзону незачем было задумываться над этим.

Если только...

Если только Робинзон не опасался вызвать гнев предполагаемого владельца своей деятельностью и просто фактом пребывания на острове.

Если только Робинзону не требовалось выяснить отношение к острову и его природе с другими лицами, оказавшимися там-же.

В любом из этих случаев присутствует СВЯЗЬ С ОБЩЕСТВОМ - либо только в виде социального опыта, накопленного самим Робинзоном, либо через совместное формирование реальных отношений.

Из этого мы должны немедленно заключить, что собственность - отношение социальное, что она характеризует не отношение субъекта к объекту, а отношение между субъектами, которые лишь выявляются на различии их отношения к предметам реального мира.

Чтобы закончить этот этап разговора о Робинзоне мы должны выяснить еще одну диалектическую сторону рассматриваемого факта. Робинзону спасло жизнь, позволило выжить то, что, во-первых, остров существовал, и, во-вторых, Робинзон смог до него добраться после кораблекрушения.

Совокупность этих двух обстоятельств мы будем понимать как ДАННОСТЬ. Естественно, под термином

данность какого-либо объекта мы будем понимать не то, что он кем-то, когда-то, кому-то дан, но и не просто факт существования объекта, а более сложный факт, состоящий в наличии и доступности определенного объекта для определенного субъекта, т. е. в возможности субъекта каким-либо образом взаимодействовать с объектом. Иными словами, данность - это вся совокупность ПАРНЫХ отношений между субъектом и объектом, хотя далее мы часть будем рассматривать (пользуясь этим термином) только важнейшие составляющие этой совокупности.

Теперь мы можем построить первое (формальное) определение собственности.

Собственность есть общественное отношение, проявляющееся в различии отношения субъектов к некоторым объектам материального мира.

Мы еще не продвинулись в понимании вопроса, мы только более точно формализовали его. Мы убедились, что для существования отношения собственности необходимо по крайней мере три элемента: субъект владелец собственности, субъект не владелец собственности (или совокупность таких субъектов) и объект собственности. Можно рассматривать собственность как тройственное отношение, точнее - как отношение между отношениями, в котором участвуют отношения "владелец-объект" и "не владелец - тот же объект". Первоначальное наше представление об этом отношении верно лишь постольку, поскольку оно предполагает существование субъекта не-владельца. Совершенно очевидно, что выяснение отношения собственности между владельцем и не-владельцем возможно только в пределах общей данности объекта этим субъектам. У острова, на котором жил Робинзон, мог быть владелец, остров мог за это время переходить из рук в руки путем обмена, наследования и т. п. - для Робинзона это не имело никакого значения, поскольку данность острова Робинзону и данность его владельцу не пересекались, не имели общих точек. Только при хотя-бы частичном совпадении данностей, например в случае появления на острове владельца ИЛИ ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ возникала необходимость в выяснении отношений.

Теперь пора задать вопрос: зачем, собственно, нужно это выяснение отношений? Почему у людей возникает необходимость установить, чьим имуществом является тот или иной предмет? По каким причинам отношение собственности применительно к одним предметам устанавливается, а применительно к другим - нет?

Нетрудно понять, что сущность состоит не в самом факте установления собственности, а в том, что из этого вытекают определенные преимущества для субъекта, являющимся владельцем собственности.

Человечеству нет нужды определять, кто является хозяином дорожной пыли или владельцем Полярной Звезды. Потому, что такая собственность не может дать никаких преимуществ. Эти предметы ДАНЫ нам так, что их данность в настоящее время не может служить источником каких-либо преимуществ. Но с течением времени, с развитием общества и - главное - его потребностей меняется и данность нам объектов реального мира. Еще совсем недавно разговор о владельце моря или атмосферы выглядел совершенно нелепо - последние годы принесли нам решения о двухсотмильной прибрежной зоне, внутренние законы и международные соглашения об охране окружающей среды. Человечеству понадобилось выяснять отношения к этим вопросам.

Вопрос о собственности возникает там, где есть неудовлетворенная (или не вполне удовлетворенная) потребность и ограниченные возможности ее удовлетворения. Преимущество владельца собственности целиком определены именно в этой области. Причем нередко решающую роль играет не повышение степени удовлетворения потребностей владельцем собственности, а возможность снизить степень удовлетворенности не-владельца.

Теперь после уточнения некоторых деталей мы можем дать второе (не менее формальное, чем первое) определение собственности.

Собственность есть исторически складывающаяся форма общественных отношений, проявляющаяся в различии отношения субъектов к некоторым объектам реального мира, порождающем для одного из субъектов (владельца собственности) возможность получения определенных преимуществ перед другими субъектами.

Дальнейшее исследование мы должны направить на выяснение сущности этого отношения. Первый вопрос, который ждет нас на этом пути - что лежит в основе отношения собственности?

Подобие собственности существует в животном мире. Зверь становится как-бы владельцем пищи, которую он нашел и добыл: это - общее для всего животного мира. В качестве такого объекта могут выступать жилище, определенная территория обитания, есть элементы подобия и в отношении вожака к своему стаду.

В животном мире возникают и довольно сложные конфликты, связанные с этим отношением. Например, когда один зверь посягает на жилище или территорию другого, когда хищник перехватывает жертву, преследуемую другим.

В первооснове всех этих отношений лежит сила. Каждый является как бы владельцем того, что он может защитить от посягательств других и лишь постольку, поскольку он в состоянии это сделать.

Мы можем встретиться и с более сложными фактами. Зверь или птица, обнаружив пригодное для обитания жилище, поостерегутся занять его, если оно уже занято отсутствующим в данный момент сородичем: косвенные признаки наличия "хозяина" служат достаточным предупреждением. Молодой самец в стаде избегает действий, влекущих конфликт с вожаком, только выигрыш решающего сражения освобождает его от этих ограничений.

Не правда ли, многие отношения животного мира напоминают нам все то, что связано с отношениями собственности в человеческом обществе? Так почему же мы считаем собственность отношением общественным? Не должны ли мы рассматривать собственность как отношение, имеющее чисто биологическую природу? И еще один каверзный вопрос: может быть, социальность, "очеловеченность" этому отношению придает только правовое его оформление, выработанное человечеством?

Сходство, действительно, большое, и оно не случайно: источником, исходным моментом собственности как общественного отношения являются те самые отношения животного мира, о которых мы говорили. Различие же имеет весьма тонкий характер и отнюдь не относится к области права.

Для животных все факты и явления окружающего их мира - данность и только данность. Данность одних и тех же предметов не всегда однозначна. Она может быть изменена, осложнена присутствием особой того же вида, животных других видов, а также вообще самыми различными природными явлениями. Но они тоже должны быть даны, т. е. должны присутствовать в воспринимаемой реальности. В свою очередь животное обладает способностью в определенной степени предвидеть развитие событий. И каждый раз применительно к конкретной данности выбирает тот образ действия, который диктуется ему целесообразностью, выработанной в ходе естественного отбора, в ходе развития биологического вида животного.

Животное может отказаться от занятия удобной норы в предвидении нежелательной стычки с сородичем, оставившим признаки своего недавнего пребывания, вполне возможно, что у некоторых видов действует безусловный рефлекс на такие признаки. Животное воздержится от приближения к добыче крупного хищника до тех пор, пока тот не насытится и не удалится. Во всех случаях животное действует сообразно с представшей ему данностью - и не более того.

Первобытное человечество, естественно, начинало свой путь от того же. Подобно зверю, первобытный человек был обладателем того, что мог защитить, и лишь постольку, поскольку мог защитить это от посягательств других - и людей и зверей. В основе этого обладания лежала физическая сила да еще хитрость, почти звериная личная хитрость. И это обладание еще не было собственностью.

Как же данность превратилась в собственность?

Что изменилось с развитием человечества?

Сила, способная защитить определенные предметы от сторонних посягательств так и сохранилась в качестве основы собственности. Но с развитием человечества как общества коренным образом менялось и качество силы и представление о силе. Животная физическая сила, проявляющая себя по конкретному поводу, уступала главенствующую роль силе сознательной, вызываемой к действию все более абстрактными причинами.

Тигр может отшвырнуть, ударить, убить шакала, вмешавшегося в его трапезу. Но никакому тигру не придет в голову наказать шакала за уже съеденный кусок мяса. Наказание в момент проступка, в момент нарушения чьих-то интересов - это еще не наказание. Это - данность, проявление естественных сил природы, заключенных в нормальных звериных инстинктах. Наказание за совершенный проступок (наказание-возмездие) - вот что было первым шагом в формировании собственности.

Наказание могло последовать от индивида, который включался в данность, но не воспринимался ни в какой связи с данными же предметами - объектами действия наказуемого. Более того, наказание вообще могло последовать от индивида, который при совершении действий не присутствовал. Все это заставляло первобытного человека не доверять животному непосредственному восприятию данности, рождало страх перед силами, скрытыми, но все же наступающими, вырабатывало в нем определенное предвидение присутствия связей, не воспринимаемых прямым наблюдением данности и мучительное желание постичь их опасное значение. С другой стороны, это учило человека напряженно усваивать даже неясные предостережения сородичей, вводило человека в сферу их опыта, в сферу общественного сознания.

Следующий этап развития сознания, который имел колоссальное значение для формирования отношения собственности, нашел свое законченное выражение в табу. Сама возможность табуирования определенных предметов означала, что в предвидении существования сил, не вытекающих непосредственно из наблюдаемой действительности, человек способен доверять не только своему личному опыту, но может целиком полагаться на опыт взрастившего его общества, переданный ему в процессе общения. Табу еще прочно связано с наказанием, за нарушение табу предрекались ужасные кары, за табуированием таились неведомые, но страшные неодолимые силы.

И, наконец, последним фактором в формировании собственности было возникновение безусловных запретов. Страшные силы, скрывавшиеся за табу, развеялись, общество стало преподносить свои табу в качестве необходимых норм поведения.

Совокупность таких норм формировалась в виде общественной морали.

Дальнейшее общественное развитие связано с исчезновением и собственности и морали, но сейчас, следуя предмету исследования, мы не будем рассматривать это подробно.

Как же развивалась, формировалась собственность под воздействием этих факторов?

Сразу сделаем оговорку. Мы будем рассматривать

названные факторы под определенным углом, но, конечно, такие этапы, как возникновение и становление представлений о наказании, табу, нравственности, имели для развития сознания общества значение более широкое чем то, что мы связываем с собственностью. Они сыграли важнейшую роль в формировании социального опыта вообще. Для нас же важно только то, что отношение собственности складывалось под их решающим влиянием.

Казалось бы, табу - готовое средство, законченный механизм защиты собственности. Однако это не так. Табу - факт сознания, а не действительности, в силу вторичности сознания, табу нуждается в подтверждении постоянным практическим опытом и при отсутствии такого опыта неизбежно подвергается разрушению, распадается. Только в определенный исторический период, когда интенсивное раскрытие социальных возможностей обеспечило резкое преобладание социального опыта над личным, табу сохраняло относительно устойчивую форму, активно противостояла в сознании индивида его же практика. Кроме того, табу испытывало

энергичнейшие потрясения при ... племен с различным социальным опытом. Табу сыграло свою важнейшую роль утверждения в сознании представления о неприкосновенности (хотя бы временной) некоторых предметов, но большего оно обеспечить не могло.

С этой точки зрения у морали возможности были еще меньше. Внедрение морали в сознание индивида требует значительно больших общественных усилий, а разрушению безусловных запретов не препятствует даже страх перед неизвестными силами. Но поддержка поступила совершенно с иной стороны.

Укрепление в сознании представления о наказании, табу и морали обеспечивалось одним - самим фактом существования реальных наказаний. Только действительный ущерб, только прямое действие силы, воспринимаемое индивидом как не вполне предвидимое следствие его собственных поступков, служило для индивида практическим опытом, закреплявшим связи, почерпнутые из опыта социального. И тут историческое развитие событий претерпело неожиданный поворот. Оказалось, что нарушение табу в большинстве случаев действительно влечет неотвратимое наказание.

Только неизвестные потусторонние силы оказались здесь ни при чем: так как все соплеменники не могли одновременно освободиться от влияния запрета, они неизбежно реагировали на действия нарушителя табу резким изменением отношения к нему. немедленная расправа над нарушителем, изгнание его из племени, страх перед ним или остракизм - все это и было наказанием, следовавшим за нарушением. Мистическое предположение о наказании наполнилось вполне реальным содержанием, стало фактом.

Именно эта социальная реакция позволила ослабить мистическую сторону запретов и во многих случаях перейти к запретам безусловным, действительность которых обеспечивалась реальностью самого общества, стихийным обращением на нарушителя общественных мер воздействия. Так общественное сознание материализовало себя в виде вполне реальной силы, определилось как одна из сил природы.

Данность, предстающая перед человеком, обогатилась еще одной силой - общественной реакцией, действие которой было так же предвидимо, предсказуемо уже не столько на основе индивидуального, сколько социального опыта. Если перед зверем данность представляла во всех своих физических, наблюдаемых связях, то для человека к этой картине прибавилась еще одна ненаблюдаемая связь - связь, которую он приносил с собой, в своем сознании. Одну и ту же данность зверь всегда воспринимает одинаково, его отношение к ситуации однозначно, оно определено видовыми инстинктами и его индивидуальным опытом. Отношение человека стало многовариантным, оказалось зависящим от факторов сознания, не имеющих с данностью непосредственной связи.

Не получив в жизни ни одного наказания, то есть не испытав на себе действия силы, не вытекающей непосредственно из данности, человек не мог бы приобрести и базы личного практического опыта для восприятия общественных представлений о действиях сил социальных. С другой стороны, чтобы быть устойчивыми, представления о действиях социальных сил должны были подтверждаться практикой с достаточной регулярностью.

Такова была социальная обстановка, в которой зарождалось отношение собственности. Как шакал не рискует прикоснуться к добыче тигра, опасаясь привести в действие, направить против себя же тигриную силу, так и человек постигал, что попытка удовлетворить личные потребности путем использования определенных предметов может вызвать к действию направленные против него силы общества. Сила, как и прежде, осталась все решающей основой. Но представление о силе, предвидение ее действия формировалось у человека уже иначе. Оно стало многовариантным, и источником этой многовариантности было общественное сознание. Два человека рассматривали одну и ту же данность по-разному, и это различие могло противоречить их личным качествам (физической силе, вооруженности), но не могло противоречить их социальному опыту, всей совокупности связей, соединяющих их с обществом.

Таковы были социальные предпосылки возникновения собственности. А каковы были личностные предпосылки? Для того, чтобы собственность возникла, недостаточно только условий, допускающих ее возникновение, необходима была еще и социальная потребность.

Подобие собственности, свойственное животному миру, всегда имеет первопричиной удовлетворение физиологических потребностей животного. То же самое сохранилось и в человеческом обществе, но для возникновения собственности это была явно недостаточная причина.

Личностные предпосылки возникновения собственности формировались в том же процессе, что и социальные. Наказание вначале было исключительным правом сильного, но, видимо, уже и тогда стало обнаруживаться более действенное средство наказания, чем прямое применение силы - это ограничение провинившегося в удовлетворении потребностей. С развитием общественных отношений гегемония от силы физической переходила к силам социальным, собственность формировалась как один из важнейших рычагов, организующих и приводящих в действие эти силы, как средство определенной власти над обществом путем ограничения составляющих его индивидов в удовлетворении потребностей.

Таким образом, если основным, первичным отличием собственности от сходных отношений в животном мире служит изменение отношений к непосредственно воспринимаемой действительности под влиянием факторов сознания, то важнейшим производным отличием является и изменение сознания: решающую роль стало играть не удовлетворение собственных потребностей владельца, а ограничение не-владельцев, усечение возможностей, предоставляемых им данностью.

Собственность стала одним из существеннейших средств утверждения индивида среди себе подобных. Но теперь индивид утверждался уже не как особь, сила которой обеспечивает ее независимость, а в качестве личности, выступающей во всем многообразии связей с обществом, способной влиять на жизнедеятельность общества. Именно стремление к самоутверждению, в конечном счете восходящее к биологическим инстинктам

борьбы за существование, и было тем движущим природным механизмом, который создал личностные предпосылки для возникновения собственности и ее дальнейшего развития. В индивидах развивалось стремление быть владельцем, оградить определенные объекты от посягательств других индивидов - развитие, усложнение общественных отношений расширяло возможности в удовлетворении этого стремления.

Теперь мы можем перейти к построению еще одного определения собственности. Мы имеем все основания зафиксировать в нем то, что связь между субъектом владельцем и субъектом не владельцем возникает не только через посредство объекта собственности, но и дублируется всей совокупностью отношений общества, членами которого они являются, что эта связь сама является одним из элементов общественного сознания и, следовательно, что определенные частные изменения в этой связи могут инициировать соответствующие социальные процессы.

Третье определение мы представим в следующей формулировке:

Абсолютная собственность - это общественное отношение, состоящее в том, что один из субъектов (владелец) располагает возможностью относиться к определенным предметам (объекту собственности) как к данности, и эта возможность оберегается всей системой общественных отношений, а другие субъекты (не-владельцы) ограничены в использовании тех же предметов для удовлетворения своих потребностей угрозой воздействия социальных сил.

Многие причины не позволяют остановиться на этом определении как на окончательном. Наиболее существенны две из них. Во-первых, по приведенному определению все преимущества владельцев как бы исчерпываются возможностью относиться, в отличие от не-владельцев, к объекту собственности как к данности. Даже самый беглый взгляд на роль собственности в истории, в развитии общества заставляет усомниться в этом. Нетрудно убедиться, что на протяжении многих веков собственность не столько обеспечивала сохранность древнейших отношений, сколько способствовала развитию материальной культуры общества. Во-вторых, это определение по сути и не затрагивает отношений между владельцем и не-владельцем, лишь ссылаясь на ограничения, подкрепленные угрозой воздействия социальных сил.

Не случайно поэтому в приведенном определении термин собственность соседствует с эпитетом абсолютная. Это определение не является определением собственности вообще, им определена только одна из форм собственности - а именно абсолютная собственность,- которая занимает свое место в жизни общества, но непосредственно не участвует в динамике социальных процессов.

Перстень на кольце капиталиста и рабочая сила безработного в равной степени суть их абсолютная собственность. Но в отличие от капиталиста, которого перстень нимало не беспокоит, безработный весьма озабочен тем, как избавиться от своей абсолютной собственности, как принять определенные ограничения, соединив свою рабочую силу со средствами производства, то есть - найти работу. Почему? В чем тут дело?

Объектом абсолютной собственности конкретного субъекта может быть набор предметов, удовлетворяющих все его потребности,- тогда он вполне независим от общества. Однако в большинстве случаев это не так. Из истории нам известно,- и о существовании натурального хозяйства и о причинах, приводящих к его распаду. В связи с этим как основной, как наиболее общий должен рассматриваться случай, когда абсолютная собственность недостаточна для удовлетворения потребностей субъекта.

Когда предметы, необходимые для удовлетворения потребностей субъекта, отсутствуют в его абсолютной собственности и доступной ему данности, тогда перед субъектом возникает необходимость каким-то образом пополнить свою абсолютную собственность соответствующими предметами. Если эти предметы являются собственностью других субъектов, то испытывающий потребность субъект оказывается перед необходимостью искать такую форму отношений с субъектами-владельцами, которая открыла бы ему доступ к этим предметам, позволила бы ему удовлетворить потребность. Но этот доступ, как уже говорилось, преграждается всей системой общественных отношений.

И тут оказывается, что система общественных отношений, оберегая собственность, обладает простейшим механизмом для снятия защиты: для этого достаточно доброй воли владельца собственности. наличие этого идеального (абстрактного) механизма является важнейшим качеством всей системы общественных отношений, связанной с собственностью, и, следовательно, важнейшим качеством самой собственности.

Теперь мы можем построить еще одно определение собственности, учитывающее, что данный механизм выступает в виде определенного правила, укоренившегося в самой системе общественных отношений.

Собственность - это общественное отношение, ограничивающее субъекта в использовании определенных предметов и угрозой воздействия социальных сил не допускающее удовлетворения потребностей вне этих ограничений иначе как путем добровольных соглашений между субъектами в неизменных рамках их совокупных ограничений.

Таким образом, сделка о частном или полном, временном или постоянном изменении взаимных ограничений рассматривается обществом как частное дело вступающих в сделку субъектов, свободное от контроля социальных сил. Поэтому такая формула прямо связана с наиболее полными буржуазными представлениями о свободе. Но и эта дефиниция не полна.

Чтобы сделка состоялась, участвующий в ней субъекты должны проявить добрую волю. Если одна из сторон нуждается в каких-либо предметах для удовлетворения своих потребностей и именно это диктует ей добрую волю в направлении их приобретения, то другая сторона,- владеющая предметами, и, значит, определенными преимуществами,- должна проявить добрую волю в отказе от своих преимуществ. На такой основе никакая сделка состояться не может: сторона, добровольно отказывающаяся от своих преимуществ, не может ни

утвердиться, ни выжить в таких общественных отношениях, при которых поддержка социальных сил прямо связана с сохранением этих преимуществ. Значит, сделка может состояться только тогда, когда, уступая одни преимущества, каждая сторона приобретает взамен другие.

Равные?

Нет, конечно. Обмен равными преимуществами бессмысленная трата времени. стимулом для вступления в сделку может служить только получение больших преимуществ. Сделка становится возможной только тогда, когда все участвующие в ней стороны получают больше, чем отдают.

Такое невозможно в материальном обмене, например, в обмене стоимостями. Но это - объективно, а в добровольной сделке нет места объективности. Ни один участник не вступает в соглашение до тех пор, пока получаемые им в результате этого преимущества не превышают с его субъективной точки зрения тех преимуществ, которые он должен уступить. Сделка для каждого из участников определенным образом расширяет возможности в удовлетворении его потребностей.

Этот принцип, который мы назовем принципом уравнивания потребительной стоимости, лежит в основе всякой сделки. Ни один человек не обязывается к участию в каких-либо соглашениях: к участию его привлекает только возможность приобрести потребительную стоимость большую чем та, которой он располагает. Принцип уравнивания потребительных стоимостей как основа всех заключаемых сделок тоже вполне соответствует буржуазным представлениям о свободе да, видимо, и о счастье, ибо в результате всякой сделки каждый участник получает некую дополнительную возможность в удовлетворении своих потребностей.

Причем - по его же собственной оценке.

Конечно, каждая сделка сохраняет и объективную сторону. Если, например, в условиях развитого товарного обращения это - сделка по обмену товаров, сделка, где обмениваются абсолютной собственностью на вполне определенные стоимости, то - поскольку общая стоимость объектов сделки не изменяется, не увеличивается - объективно можно установить, кто приобрел большую стоимость в обмен на меньшую и кто остался в убытке. Но для участников сделки решающей всегда остается субъективная сторона - приращение потребительной стоимости. Поэтому товарный рынок оперирует ценами, а не стоимостями: именно в ценах проявляет себя уравнивание потребительных стоимостей. То, что цены при этом колеблются вблизи стоимости, вернее, выявляют саму стоимость в своих колебаниях вблизи стоимости, обусловлено уже другими законами при массовом товарном обращении.

Но, установив, что соглашения об изменении ограничений заключаются на основе уравнивания потребительных стоимостей, мы еще не вскрыли всех тайн собственности. Для этого мы должны обратиться непосредственно к природе человеческих потребностей. Мы не будем здесь углубляться чрезмерно, отметим только, что все потребности человека изменяются во времени, даже если они остаются неудовлетворенными, и по этому свойству могут быть разделены на три класса : угасающие с течением времени, сохраняющие стабильное значение на протяжении длительных временных промежутков и возрастающие во времени при отсутствии их удовлетворения. Человек субъективно переживает все эти изменения и соответственно переоценивает потребительную стоимость предметов, необходимых для удовлетворения его потребностей.

Жизненно важные для человека потребности относятся к третьему классу - будучи неудовлетворенными или не полностью удовлетворенными, они возрастают - по крайней мере, по отношению к иным потребностям - и вынуждают человека активизировать поиск возможностей их удовлетворения. Голод или жажда, оставаясь неудовлетворенными, могут угаснуть только вместе с самой жизнью человека - стремление к жизни возводит в этом случае потребительную стоимость пищи или воды до ни с чем не соразмерных величин, затмевающих любые богатства.

Отсюда совершенно очевидно, что человек, ограниченных в удовлетворении жизненно важных потребностей, неизбежно будет заключать сделки объективно убыточные для него, ибо находится в таком состоянии, когда потребительная стоимость предметов первой необходимости для него несравненно выше всяких иных ценностей.

Теперь попытаемся дополнить данное нами определение соображениями, изложенными выше. В итоге получаем следующую формулу.

Собственность - это общественное отношение, ограничивающее каждого субъекта в использовании определенных предметов и угрозой воздействия социальных сил не допускающее удовлетворение потребностей вне этих ограничений иначе как путем добровольных соглашений между субъектами об изменении их взаимных ограничений в неизменных рамках их совокупных ограничений, которые (соглашения) заключаются на основе того, что потребительная стоимость приобретаемого каждой стороной субъективно оценивается выше, чем потребительная стоимость уступаемого, что вынуждает субъектов, ограниченных в удовлетворении жизненно важных потребностей, вступать в объективно убыточные сделки в силу того, что по мере роста неудовлетворенности этих потребностей возрастает потребительная стоимость предметов для их удовлетворения.

Вот на этом, пятом, определении мы и остановимся как на окончательном.

На первый взгляд это определение выглядит неуравновешенным: последняя часть его как бы сужает рассматриваемое понятие, лишает его всеобщности, свойственной первому, второму и четвертому нашим определениям. Да и третье определение обладает куда большей широтой, так как распространяется на все общество, в то время как пятое определение концентрирует внимание на той части общества, которая ограничена в удовлетворении жизненно важных потребностей. Но в том-то и дело, что главным субъектом в этом общественном отношении является именно субъект не-владелец, что именно его интересы являются решающими для

существования и развития собственности, что собственность утратила бы всякий смысл, если бы не существовало субъектов, ограниченных в удовлетворении наипервейших жизненных потребностей.

Следует предостеречь также сторонников излишней формализации от соблазна рассматривать вторую часть предложенного определения как следствие первой его части (т. е. положений четвертого определения) и посылки, относящихся к изменению потребительной стоимости предметов во времени. Возможность выявления здесь дедуктивной связи только кажущаяся.

На самом деле закономерности изменения потребностей являются первоосновой конструкции четвертого определения. Если бы потребности изменялись иначе, то иначе сложилась бы и совокупность связанных с ними общественных отношений: мы имели бы дело с другой реальностью и с другой формулой. Просто в нашем исследовании понятия собственности мы вынуждены идти от сложившегося содержания - к истокам, от подтверждаемых жизнью теорем - к постулатам, лежащим в их основе.

Мы поставлены перед необходимостью как бы восстановить в обратном порядке дедуктивную последовательность, восходящую к животным и социальным свойствам человека и учитывающую историческую трансформацию этих свойств, подчиненную законам диалектики.

Поэтому мы должны констатировать, что в основе собственности как социального явления лежит существование изменяющихся потребностей человека и возможность ограничения их удовлетворения, развивающаяся в грандиознейший, всеохватывающий социальный механизм.

Нетрудно представить, что, если бы из капиталистического общества устранить всех трудящихся, заменив их, скажем, совершеннейшими автоматами, и оставить только вполне обеспеченных капиталистов, то во всяком обмене товаров между этими капиталистами смысла осталось бы не больше, чем в детских играх. Точно так же очевидно, что в обществе, где решены вопросы удовлетворения потребностей каждого члена, сама категория собственности оказывается бессмысленной: она никого и ни в чем не ограничивала бы.

С другой стороны, тот факт, который в быту определяется выражением "деньги к деньгам текут", а политической экономией рассматривается как различные формы капиталистического накопления, целиком обусловлен тем, что большая часть общества ради удовлетворения важнейших потребностей вынуждена вступать в объективно убыточные сделки - эти убытки и составляют прибыль капиталиста, обеспечивают концентрацию капитала в руках тех, кто независим в удовлетворении своих потребностей. Из последнего определения прямо следует, что капиталист, единственной потребностью которого, удовлетворяемой при найме рабочего, является потребность в получении прибыли, никогда не будет компенсировать труд рабочего полной стоимостью: такая сделка для него невозможна.

Впрочем, изучение всех следствий, вытекающих из раскрытого в данном исследовании понятия собственности - это уже другая тема. Пока же мы ограничимся следующим: кроме того, что собственность есть не просто общественное отношение, но отношение действительно вовлекающее все общество, способное вызвать движение значительных общественных сил по мельчайшему частному поводу, мы установили, что это отношение не может рассматриваться (за исключением ограниченного количества случаев) вне механизма его изменения, что этот механизм состоит в заключении соглашений на субъективно взаимовыгодных условиях и что объективно он направлен против тех, кто этим отношением и так наиболее ограничен.

Переписка по поводу статьи "Природа собственности"

Ответ на ответ АН на ПС

Уважаемый тов. Сорокин!

Со вниманием прочел ваши соображения по поводу моей статьи, испытывая, однако, определенные трудности, видимо, не столько из-за различия политэкономических концепций, сколько из-за некоторого несовпадения тех позиций, с которых мы глядим на политэкономию извне, из-за несходства оценки ее места в нашей жизни.

Я всегда готов сместить свою точку зрения к позиции собеседника, попытаться увидеть мир в его красках. Но некоторые сдвиги мне не удаются или требуют более подробных объяснений.

Можно, конечно, считать, что «политическая экономия всегда имеет дело с социально определенным содержанием собственности. Сущность же собственности вне этого содержания – область юридической науки». Но мне это трудно: я более традиционен в мышлении. Мне все видится наоборот и легче думать, что именно юриспруденция имеет дело с полной социальной определенностью, то есть с явлениями, определенными а) политэкономией законодателя, б) конкретными экономическими формами, в) историческими традициями, г) производом законодателя. Даже поднимаясь до своих высших – законопроизводящих – высот, юридическая наука не может освободиться от этой глубокой социальной определенности, связанности с конкретным обществом. В то время как политэкономия от этого свободна и имеет дело с конкретными явлениями, определенными только исторически – и то, упаси бог, не в смысле конкретной истории, а в смысле исторического материализма.

Видимо, мы очень по-разному понимаем термин «социально определенный». Но так ли?

Или, скажем: «В основе собственности лежит процесс материального производства, в ходе которого возникает необходимость выяснения, в чьих интересах используются средства производства». У меня здесь некоторая неясность. Зачем нужно материальное производство? Зачем оно возникает и существует? На эти вопросы мне не удастся ответить, не употребив хотя бы термина «присвоение». Мне представляется, что становление собственности и материального производства – это единый процесс, они не разделимы и потому могут рассматриваться в качестве основы друг друга. Они имеют общую основу, и вот о ней-то, может быть, надо вести речь. Но в том, что «необходимость выяснения» возникает именно в ходе производства, я с Вами совершенно согласен. Было бы что выяснять.

«Не думаю, что сделка, при которой для сохранения жизни человек обменивает меньшую стоимость на большую, может быть названа для него субъективно или объективно убыточной. Ведь вместе с меньшей стоимостью этот человек получает и право на жизнь». Тут все хорошо изложено, но у меня возникает замешательство: почему нынче право на жизнь? На уровне таблетки валидола? Или, руководствуясь стандартным для политической экономии подходом, его стоимость может быть определена количеством общественно необходимого труда? Действительно, воспроизводство жизни – это фундамент политэкономии, но мне почему-то казалось, что этот элемент не может быть введен в науку непосредственно. Хотя – кто знает? Придется же чем-то оперировать в ведении хозяйства после исчезновения товарно-денежных отношений...

Я мог бы, к стыду своему, высветить свое недостаточное понимание и по другим тезисам вашего письма – трудных мест нашлось свыше полутора десятков. Мне не удалось ухватить вашу концепцию во всей ее целостности, но мне понятен ваш упрек в «зауженности» моего представления о предмете политической экономии. Да, Вы смотрите на это шире, чем Энгельс. И – чем Ленин. Я пока остаюсь в плену старых, устоявшихся взглядов, и мне кажется, что еще многие важные проблемы нашей жизни могут быть исследованы и выяснены при помощи этого проверенного инструмента. Но Вам-то, я думаю, понять меня так же легко, как Эништейну Ньютона или его адептов.

В мире моего мышления политическая экономия имеет дело с такими понятиями, как общественно-экономическая формация, способ производства. Они, естественно, всегда

наполняются «социально определенным содержанием», но они – такое же отвлечение от всякой конкретности, как понятие «плод» - от арбузов и дынь. Не меньшую общность имеют понятия: производительные силы и производственные отношения. Но что такое производственные отношения? При всем моем желании я не могу в них усмотреть ничего, кроме как отношения собственности по поводу производительных сил. «Майна!» и «вира!» с позиции политической экономии – неразличимы. Тут существенно: некто подал команду, по каким-то причинам (по каким?) посчитал необходимым, целесообразным ее подать, а другой – посчитал почему-то (почему?) необходимым ее исполнить. Причины могут быть разные, но насколько в обществе господствуют экономические отношения, настолько преобладают экономические причины. От того, как своевременно дал команду один и как точно ее исполнил другой, зависит и изменяется собственность первого и второго. А возможно, третьего и четвертого, тех, кто вовлек двух первых в работу, предоставил им недостающие производственные силы, определил порядок зависимости их собственности от их действий. Что же еще остается в производственных отношениях, кроме отношений собственности, складывающихся в процессе общественного производства, во всей их сложности, изменчивости, трансформированности? И разве недостаточно этого, чтобы быть предметом самостоятельной науки?

А чем, кстати, отличаются от команды «майна» упомянутые в письме «установленные не Вами ограничения скорости передвижения»? Может быть, либо Вы, либо автомобиль, либо дорога с ее окружением, либо все вместе или в любом сочетании – это собственность одного могучего владельца, собственность государства, общества? Оно и заботиться о ее сохранности и эффективном использовании?

Вообще над запретами и ограничениями стоит подумать. Для начала надо отставить в сторону ограничения, обусловленные законами природы, и рассмотреть социальнообусловленные ограничения. Те из них, от соблюдения или нарушения которых как-то меняется распределение благ, должны быть бесспорно признаны политэкономическим фактом и, я полагаю, могут быть возведены к одной из форм собственности. Несколько сложнее обстоят дела с ограничениями на удовлетворение духовных потребностей. Например, при всем желании я бы не смог побеседовать с японским ребенком из-за отсутствия общего языка. Но если признать такие ограничения природными, связанными с природой общества, а не с его волеизъявлением, то, я думаю, остальные социогенные ограничения можно было бы определить так, что все их можно будет понимать как проявление той или иной формы собственности.

Так можно ли вообще заниматься политической экономией, не определив понятие собственности? До поры до времени – можно, опираясь на интуитивное представление. Но чем сложнее становится общественное производство, тем больше различия в интуитивных представлениях, тем более они расплывчатые, и взаимопониманию приходит конец. Любая наука в таких условиях возвращается к укреплению своего фундамента. Вот поэтому возникает нужда в выработке общего определения собственности, а уже на базе этого определения – во вторичной проработке всех исторически конкретных производственных отношений. А не наоборот. Из всех

описаний, к примеру, капиталистических производственных отношений, построенных на базе интуитивного представления о собственности, не извлечешь ничего, кроме того же интуитивного представления, как-то себя проявляющего в различных ситуациях капиталистического производства. Возьмется описывать человек с иным интуитивным представлением – и проявления будут выглядеть по-другому.

В трудах Маркса это важнейшее понятие – собственность – так и осталось без определения. Но это не значит, что без него можно обходиться и впредь. Опыт социальных наук подсказывает: чтобы углубить понимание, надо идти в историю, расширить исторический диапазон исследований. Вот это мне и пришлось проделать, и Вы, как мне кажется, просто совершенно не хотите меня понять, когда видите в статье психологический подход. То, что и социальные науки, и психология имеют своим

объектом сознание человека в его соотношении с общественным – это факт, но они смотрят на этот объект с разных сторон. Можете ли Вы представить производственные отношения иначе, чем определенные правила, укоренившиеся в сознании участников производства? Но это тривиально для политэкономии, об этом говорить не принято. И если возникает нужда исследовать этот момент, то тоже на уровне тривиальности, а не феноменологии психолога.

По некоторым вашим замечаниям к статье мне чудится, будто Вы решили, что субъект-владелец – это всегда индивид. А если коллектив, ассоциация? А если государство? А если класс или общество в целом? Мне кажется, эти возможности остались вне вашего внимания. Отсюда и мысль о неуниверсальности, а ведь определение применимо к самым различным фактам реальной истории и действительности.

Например, на мой взгляд, государство не могло возникнуть, пока ему нечем было владеть. Оно возникало как рабовладелец, главный владелец своих граждан, в капитализм вошло как главный землевладелец, владелец своей территории. При социализме, при господствующем положении пролетариата завершается переход государству собственности на средства производства. То есть история идет по линии все более полного обобществления всего, всех производительных сил. И человек становится все более «круглым не-владельцем». Осознание собственности как всеобщего ограничения – это и есть та школа, которую человечество проходит в своей предыстории. Когда собственность станет действительно всеобщей, она уже будет восприниматься не как собственность, а как естественная социальная взаимозависимость, традиционная норма общежития.

В свое время разработка, представленная в статье, потребовалась мне именно для того, чтобы разобраться именно с формами социалистической собственности, правда, в определенном прикладном аспекте. И, с помощью еще одной разработки – о природе классов, - я свои проблемы решил. Попутно пришло понимание ведущей роли в отношении собственности именно субъекта-не-владельца. Вот Вы пишете: «Ведь «не-владелец» существует лишь постольку, поскольку существует «владелец»». Так не только Вы считаете – многие, можно сказать, все. Но это не так. Вот, к примеру, это письмо. Вы держите его в руках, можете сунуть в ящик стола. Вы имеет его, но это не собственность. Это – данность, такая же, как, скажем, царапина на вашем столе. Но заинтригуйте нескольких приятелей его содержанием, возбудите в них потребность прочесть это письмо – и Вы сразу оцутите себя владельцем, а они, прочтя письмо, будут чувствовать себя обязанными за предоставленный Вами доступ. Если письмо у Вас украдут – Вы можете запустить созданный обществом механизм розыска. Но если то, что вы имеете, никому не нужно, то и запуск этого могучего механизма Вам не подвластен. И т.д.

Само собой разумеется, что на темы, затронутые в вашем письме, можно говорить бесконечно. Развивая их до всеобъемлющей системы, до мировоззрения. Но Вы, видимо, всем этим владеет не хуже меня, и интерес может возникнуть только к некоторым более изученным мною частностям.

Ради бога, не рассматривайте это письмо как документ, нуждающийся в официальном ответе. Но если будет у Вас интерес – пишите, постараюсь ответить.

С уважением

А. Разлацкий

18.08.88

Ответ АН на ПС

Уважаемый Алексей Борисович!

По поручению руководства ИЭ АН СССР ознакомился с Вашим материалом «Природа собственности: схема исследования».

На мой взгляд, Вами взят интересный ракурс рассмотрения проблемы собственности: с позиции субъекта «не-владельца», по вашему выражению. Думается, такой подход может сыграть положительную роль при исследовании проблемы отчуждения, которая в последнее время становится все более актуальной в политэкономии социализма.

Вместе с тем, Ваше определение собственности вызывает ряд замечаний.

Вы пытаетесь определить сущность собственности вообще, независимо от социально-экономического строя общества, в котором эти отношения осуществляются.

Однако политическая экономия всегда имеет дело с социально определенным содержанием собственности. Сущность же собственности вне этого содержания – область юридической науки.

Попытки дать политико-экономическое определение собственности вообще как отдельного отношения вне зависимости от его социально-экономического содержания приводят к таким обобщениям, которые не могут быть сведены только к собственности. Это видно и из Вашего определения.

То, что собственность реализуется в ограничениях для индивидов в пользовании тех или иных ресурсов для удовлетворения каких-либо потребностей, как вы пишете на стр. 21, безусловно, характеризует одну из ее сторон. Но только ли отношения собственности выражаются через эти ограничения?

Например, я могу использовать автомобиль лишь при соблюдении установленных не мной ограничений скорости передвижения. При нарушении этих ограничений я неизбежно подвергнусь неким воздействиям со стороны «социальных сил». Но разве здесь речь идет о собственности на автомобиль? И что можно сказать здесь вообще о том, какие отношения собственности возникают при использовании этого автомобиля?

Таким образом, Ваше определение, взятое даже во всей его полноте, хотя и характеризует одну из сторон собственности, не является в то же время универсальным ее определением.

На невозможность политико-экономического универсального определения собственности как отдельного отношения вне его социально-экономического содержания указывает и вся логика Вашего письма. Ведь в конечном счете Вы сводите собственность к отношениям между субъектами «владельцами» и «не-владельцами». Но ведь это не универсальный случай собственности, а по сути одна из форм частной собственности.

Несколько частных замечаний.

Вряд ли правомерно утверждать, что «в основе собственности... лежит существование изменяющихся потребностей человека и возможность ограничить их реализацию...» (с. 23). В основе собственности лежит процесс материального производства, в ходе которого и возникает необходимость выяснения, в чьих интересах используются средства и результаты производства. Стремление же преодолеть ограничения в удовлетворении развивающихся потребностей служит основой возникновения и развития самого материального производства.

Капиталист не должен «компенсировать труд рабочего полной стоимостью» (с. 24). Ведь он покупает не труд, который, кстати, не имеет стоимости, а рабочую силу. Вся соль марксизма в доказательстве, что даже при оплате стоимости рабочей силы (а рабочий с точки зрения законов товарного производства, основанного на частной собственности, и «не имеет права» требовать чего-либо сверх этого) капиталист, тем не менее, получает прибавочную стоимость.

Не думаю, что сделка, при которой для сохранения жизни человек обменивает меньшую стоимость на большую, может быть названа для него субъективно или

объективно убыточной (с. 22). Ведь вместе с меньшей стоимостью этот человек получает и право на жизнь. Сомневаюсь, что даже с сугубо экономической точки зрения такую сделку можно назвать убыточной.

Вряд ли правомерно и выделение субъекта «не-владельца» в качестве «главного» при характеристике собственности (с. 22). Ведь «не-владелец» существует лишь постольку, поскольку существует «владелец».

Не думаю также, что в обществе, состоящем из одних капиталистов, владеющих полностью безлюдным производством (с. 23), (даже если представить такую чисто умозрительную конструкцию) обмен товаров между ними свелся бы к «детской игре», т.е. собственность бы исчезла.

Во-первых, таких владельцев уже нельзя назвать капиталистами (отсутствует момент безвозмездного присвоения труда наемных рабочих).

Во-вторых, если есть товары, то есть и их собственники.

В-третьих, обмен был бы необходим в связи с разделением труда.

Не исчезает и собственность в обществе, где «решены вопросы полного удовлетворения всех потребностей каждого члена» (с. 23).

Во-первых, исходя из закона возвышения потребностей, такое общество – умозрительная конструкция.

В-вторых, почему совместное присвоение средств производства, которое является условием такого общества, не есть собственность? Ведь тогда получается, что категория собственности относится лишь к производству, основанному на той или иной частной собственности.

Сознательно ограничил свои замечания только Вашим определением собственности и его следствиями, т.к. представляется, что это самое главное в Вашем материале, и потому не останавливаюсь на других (например, Вы явно «заузили» определение предмета политэкономии (с. 1).

Еще раз хочу отметить, что Ваш подход и, в частности, Ваша логика по вопросу возникновения собственности вызывают интерес. Вместе с тем, здесь больше присутствует не столько политико-экономический, сколько экономико-психологический аспект. Это относительно новая у нас отрасль знаний. В этой связи, думаю, Вам было бы полезно ознакомиться с монографией А.И.Китова «Экономическая психология» М.: Экономика, 1987 и, в частности, с гл. III «Психологический подход к совершенствованию производственных отношений». Может быть, Вам есть смысл вступить с ним в сотрудничество.

Хотелось бы надеяться, что это письмо поможет Вам в дальнейшей работе над избранной проблемой.

Копия письма будет передана мной руководству ИЭ АН СССР.

С уважением

зав. сектором отношений социалистической собственности ИЭ АН СССР Сорокин Д.Е.

23 июня 1988 г.

ЧЕГО НЕ ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ НАША ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

1. О перпендикуляре.

Интеллигенция у нас исключительно любознательная. Ей до всего есть дело. Знать ей хочется очень многое. Что происходит в Иране и как дела у Садата? Кто такие НЛО и как быть с телепатией? Кто станет чемпионом и какая вязка теперь моднее? Какие открыли кварки и куда запустили очередной космический корабль? Вот такие широчайшие интересы у нашей интеллигенции. И это еще не все.

Есть и другой круг совершенно необходимых сведений. Скоро ли дадут премию? Где приобрести французскую стенку? У кого бы подзанять на автомашину? Как устроить подписку на Вересаева? Какими силами поддержать случайное знакомство с товароведом из обувного? Как пристроить чадо в секцию фигурного катания? Надо сказать, это, видимо, более основательные вопросы, ибо, в отличие от первой серии, они побуждают к действию. Но все они, взятые вместе, и составляют насыщенную духовную жизнь нашей интеллигенции, ее светлый духовный мир.

При таком обилии интересов разве можно предположить, что существует еще и нечто такое, что наша дорогая народная интеллигенция не знает и знать не желает?

Но вот что я замечал. Покупали мы вместе с товарищем, интеллигентом, одну и ту же газету. Я читаю сводку о промышленности, а товарищ меня в бок толкает:

- Смотри-ка! Пацану, школьнику, родители 112 рублей на джинсы подкинули. А у него их на улице отняли...

А я ему говорю:

- Ты вот что лучше посмотри: цемента выпустили - 94 процента к прошлому году. Грузооборот на железных дорогах - 96 процентов к тому же прошлому году. Может потому, что вагонов выпустили 96 процентов? Да и тепловозов - так же?

Тут он мне отвечает:

- Ну, что ты в этом копаешься? Бардак - он и есть бардак. Я в апреле на поезде сам на шесть часов опоздал. Бардак, и ничего с этим не сделаешь.

Вот это я и замечаю. Довольно часто. Постоянно, можно сказать. И хочу, чтобы вы заметили.

Слово "бардак" стало в последние годы не то, чтобы уж очень популярным, а очень уж привычным, постоянным, обыденным. Оно стало естественным обозначением, почти синонимом таких понятий, как хозяйственная жизнь страны, состояние в обществе, судопроизводство. Поразительная емкость открылась в этом слове.

Одному ребенку, когда он уж слишком приставал с расспросами, отвечали: "Потому что перпендикуляр". И тем затыкали рот. Теперь интеллигенция сама себе твердит универсальную фразу: "потому что бардак". И тем самым тоже что-то затыкает. Не тревоги свои, нет - до тревог дело вообще не доходит - а просто сами малейшие попытки задуматься.

Бардак-то - бардак, правильно это, но есть у этого слова две стороны. По одну сторону - всякая неразбериха, головотяпство, безответственность и процветающее в этом бульоне крупное и мелкое жульничество. К этим делам интеллигенция еще относится с интересом, хотя и наскучили они изрядно. А по другую сторону - причины всего этого, ибо ничто в обществе не происходит без причин. Но вот это интеллигенцию уже не интересует, вот тут-то она и воздвигла себе свой "перпендикуляр", который торчит, как пограничный столб, и за который у интеллигенции нет никакого желания заглядывать.

- Почему такое может твориться?! - спрашивает интеллигенция, столкнувшись со злоупотреблениями,

натываясь на оскорбления и унижения. И сама себе отвечает: потому что бардак, вот и все. Бардак. Перпендикуляр. Пограничный столб. Дальше чужая территория.

Каждый выращивает вокруг себя надежный частокол из пограничных столбов. Отгораживается наглухо. По эту сторону - мой бардак, моя крепость. По ту сторону - там вообще бардак, кому надо, пусть тот и разбирается.

2. Потусторонние истины.

Материализм всегда был чужд интеллигенции. Вращаясь в своем мирке, где основная сущность - человеческие отношения, где материальные предметы не создаются, а приобретаются, появляются, дарятся, вымениваются и достаются, интеллигенция и свое представление обо всем строит по подобию того, что наблюдает. Отдаю деньги - получаю масло. Это понятно. Вот масло съедено, его снова надо покупать - и оно появляется. А как заплаченные деньги порождают новое масло, как порождают труд человеческий - это уже мистика, это за пределами мирка, а значит за пределами Вселенной.

Религию создала интеллигенция. Крестьянину некогда было: ему пахать надо, да чтоб скотина была накормлена. Для него масло - не "отдаю-получаю", а корову накормить, да корову подоить, сливки собрать да сливки спяхтать. А интеллигенция продает свои творческие, духовные, идеальные труды. За что ее кормят - то и творит. Платят за религию - значит творит религию.

Бардак - это тоже религия. Бардак - это имя современного божества, всесильного и всемогущего. Все от бардака - и плохое, и хорошее. Бардак дал, бардак и взял. Бардак вам в помощь! - хоть пути бардачные и неисповедимы. Да не обойдет вас бардак своими милостями.

Раз религия рождается, значит за нее кто-то платит. Раз религия крепнет, значит платят немало. Кто? А какая разница! Лишь бы на тоже масло хватало.

А масла не хватает. Правда, это уж там, за перпендикуляром, где накормить-подоить-спяхтать. Не хватает много чего. Но это все в другой мистической области, где варят сталь и выращивают зерно, делают тепловозы и зубные щетки, где пашут, пилят, строгают. Это увидеть невозможно. Ну, в крайнем случае, есть одна смутная, но все объясняющая догадка: рабочие и крестьяне работают плохо, а то и совсем работать не хотят.

Есть одна совершенно потусторонняя, абсолютно трансцендентальная истина: общество не может существовать не производя. И никакие человеческие отношения гроша ломаного не стоят, если они не приводят в движение рабочие руки, не воплощаются в труде. Чтобы производить, обществу нужны производительные силы. А поскольку есть хотят все, а еду производят некоторые, тут не обойтись без тех самых отношений, которые называются производственными. Интеллигенция обо все этом слышала, она даже повторить кое-что может - зазубрила, как заклинание. Но ни во что она не верит. Есть один бог - бардак, а все остальное - от лукавого.

Вообще, потусторонний мир воображает о себе черт те что. Он, например, полагает, что производительность труда рабочего зависит от того, у какого станка он стоит. А поставил его к станку интеллигент-начальник, спроектировал станок интеллигент-конструктор, направил станок на завод интеллигент-плановик. И если этот станок устарел по всем статьям, то, вроде бы, на нем производительность труда не покажешь и продукцию не произведешь.

Надо же! Чепуха какая! Чепуха и мракобесие. Получается, будто бы от того, какой станок конструктор нарисовал, зависит выпуск продукции. Надо же до такого додуматься! А если вам интеллигенция в десять раз более совершенный станок сконструирует - она что, в десять раз больше от вас получит что ли? Да побойтесь вы бога, не мелите ерунды! Бардак - он всему хозяин, в нем любая конструкция сгниет и следа не оставит.

А еще говорят по ту сторону, что каждый работает так, как ему условия диктуют. Будто, если бы создать человеку такие условия, чтобы чем больше он обществу отдал, тем больше и сам получил, то человек работал бы и охотнее, и старательнее. Безбожники! Кто это какие такие условия создает, если все условия от бога, от бардака то есть?

А еще болтают, святотатцы, - нет на них кары бардаковой! - будто сам великий бардак от человека происходит. Хуже того - будто человек с ним в борьбу вступить может и победить даже. Вот ересь несусветная! Да мы сами все - агнцы бардаковы. Бардак нас взрастил, бардак нам царство бардаково пообещал.

Нет, нашу народную интеллигенцию к ереси не склонись. Верует она крепко.

3. Блажен, кто верует.

Вера ослепляет. Вера в бардак - как и всякая другая религия - помогает выжить, но не позволяет даже и помышлять о преобразовании мира, о том, чтобы сделать, построить собственную жизнь.

Самоослепленная интеллигенция категорически не желает видеть того, что происходит вокруг.

А в стране происходит кризис - всеобщий экономический кризис. Начало его заключительной стадии, предопределяющей его развитие до полной экономической катастрофы, определилось в 1977 году, определилось полным срывом планов промышленного развития. Последующие годы, срыв планов десятой пятилетки, продолжающееся падение выпуска товаров не оставляют никаких надежд на благополучный выход из этого кризиса. Катастрофа неизбежна, потому что это не частный кризис - такие кризисы, например, 1963 года, страна преодолевала - а кризис всеобщий. Такое в истории СССР возникло впервые. Впервые - на седьмом десятке лет истории.

Надежда на всемогущество бардака тут лишена всякого смысла. Да, бардак всегда находил в себе ресурсы, чтобы заткнуть дыры частных кризисов. Но тришкин кафтан уже превратился в одну сплошную дыру.

Чем это доказывается? Это доказывается тем, что кризис вошел в стадию падения производительности труда. Это нетрудно увидеть, вдумавшись в любые публикуемые итоги. И разговор о железной дороге, приведенный в начале, не случаен. Если в срывах добывающих отраслей некоторое падение производительности

может быть объяснено освоением новых, труднодоступных природных ресурсов, то железная дорога менее всего зависит от этого. И если транспорт не справляется с прошлогодними объемами перевозок, значит все рухнет.

А лесная и деревообрабатывающая промышленность? Да, конечно, мы имеем дело с оскудением наших лесов. Но какой еще строй, кроме социалистического, обладает такими возможностями по их восстановлению?

А металлургия всех четырех переделов? А цементная промышленность и производство железобетона? Это же хлеб всей индустрии и строительства! Не умирают ли они голодной смертью?

4. Голова в песке.

Уповая на волю бардака, наша религиозная интеллигенция не испытывает ни малейшего желания смотреть на мир материалистически. Испуганный страус зарывает голову в песок, ему так легче, он просто забывает про то, что его зад остается торчать для всеобщего обозрения. Наша интеллигенция тоже предпочитает засыпать себе глаза песком мелочных бардачных чудес.

Наша интеллигенция быстро и прочно забывает все материалистические теории, которым ее обучали в вузе. Впрочем, она и тогда не пыталась в них вникнуть. Безнадежно путая мысли классиков марксизма с газетной трескотней и елочными украшениями, напоминающими учебники, наша интеллигенция (от слова интеллект!) всегда избегала умственных перегрузок и не стремилась ни в чем разобраться. И конечно, это она же, наша уважаемая интеллигенция, продолжает обвешивать вечно зеленое дерево марксизма своими поделками и побрякушками, да завешивает с таким усердием, что деревья уже и не видно.

Но не видно не значит не существует. Доступ к марксизму у нас, слава богу (а может быть бардаку?), никому не закрыт, работа Ленина "Государство и революция" лежит на прилавках магазинов рядом с Конституцией и Программой, наглядно опровергая гипотезу об аннигиляции.

Интеллигенция - в переводе означает "мыслящая". Если бы она поразмыслила над этим литературным сочетанием, у нее волосы встали бы дыбом. Однако наша интеллигенция носит вполне приличные прически, категорически опровергая всякие подозрения и наветы в ее способности мыслить. Мыслить наша "мыслящая" не желает, тем более материалистически.

И как бы ни была ее жизнь, ни крутила, ни хлестала своим обмоченным хвостом, наша интеллигенция не желает задуматься над происходящим. Она не желает видеть причин происходящего. Она не желает исследовать эти причины. Она не желает добраться до истоков. Может быть потому, что это разрушит столь милый ее сердцу миф о бардаке? А может потому, что тогда будет вынуждена проклясть себя за собственное бездействие? Черт его знает, о чем думает страус перед тем, как охотник влепит заряд в его торчащий зад. Чучело об этом уже не спросишь.

Наша верующая интеллигенция верит только в случай, в неисповедимость бардака. Она вычеркнула из своей памяти все законы общественного развития, открытые ее предшественниками, она предпочла возвратиться к суевериям пещерных жителей. Диалектика - это для нее не то, чтобы слишком сложно, а вообще недопустимо. Она всему дает объяснения на уровне каменного века и не понять реальные причины старается, а доказать, что все должно быть по ее каменному разумению. А если уж не так, то и никак, и значит этого быть не должно, а если все равно есть, то это бардак, а с бардаком спорить бесполезно, потому что его воля сильнее всяких законов и, тем более, всякого знания.

Как-то раньше считалось, что интеллигенция - это та часть общества, которая прежде других стремится к свету, к познанию мира. Наша интеллигенция никакого света не желает. Она готова гранитные скалы раздробить в мелкий песок - лишь бы было чем засыпать собственные глаза. И дробит. Откалывает песчинки цитат от монолитных учений гигантов прошлого - неважно, будь то Маркс или Сенека, Спиноза или Гегель, Ленин или архангел Гавриил - лишь бы было во что голову сунуть, чтобы не видеть, не думать, не знать. И как же откалывает интеллигенция от наших народных проблем свои бытовые проблемки, чтобы зарыться в них по уши. Чего это мне думать о том, чтобы масло было у всей страны - я лучше пойду выпью с Сергеем Петровичем, а у него жена - продавщица, и у меня масло будет.

И кому бы разобраться в делах страны, как не интеллигенции? А она не желает. Не желает, да и все тут.

5. Границы ереси.

Наша бардакобязанная интеллигенция свято чтит догматы своей веры. Есть к этому и объективные причины: инквизиция не дремлет. Ее сексоты (секретные сотрудники) рассеяны в интеллигентской среде, как зерна в перегное. И как во времена любой инквизиции, верующих подергивают сомнения. Бардак - это хорошо, - думает интеллигент в одиночку, - но могло бы быть и еще лучше. И из этих мыслей рождается ересь.

Таких ересей три: одна малая и две больших.

"Надо бы, чтобы интеллигенции платили побольше. И не дергали на сельхозработы. Интеллектуальный труд - это тонкое дело, надо же учитывать и создавать условия", - это ересь малая.

"Если бы руководство (начальник отдела, директор, а то и повыше - это уже у кого на что хватит воображения) хоть маленько думало, оно бы такого не допустило", - это ересь покрупнее.

"Вот придут к руководству патриархи помоложе - они наведут порядок", - это самая большая ересь. Но и не слишком уж большая, потому что при этом имеется в виду не замена бардака порядком, а наведение порядка в самом бардаке, превращение простого бардака в порядочный бардак.

Все эти ереси инквизицией не преследуются. Но несмотря на это, интеллигенция всегда испуганно озирается по сторонам, едва ее голову посетят еретические мысли. Интеллигенции для душевного здоровья просто необходимо чувствовать себя немного крамольной, даже если ее крамолы никто не замечает.

Лютеране протестовали против католической веры. Кальвинисты протестовали по-своему. Но против

веры вообще, против религии как таковой они не выступали и даже помышлять об этом не смели. Наша - вот только бы подправить чуть-чуть в нужную сторону..

А будет ли подправленный бардак лучше прежнего? Конечно, да! Так думает каждый интеллигент. А как же он может думать иначе, если правильность каждой поправки, ее истинность и правомерность он видит только в том, чтобы ему, именно ему, ему лично стало лучше, а на остальных наплевать - вот это и есть самый хороший бардак.

Поскольку всем плевать друг на друга, бардак украшается грандиозным обменом плевками, таким всесоюзным наплевательством. Со стороны, может быть, и красиво: блеску много.

Что ничего другого из ее еретических благих пожеланий получиться не может - этого интеллигенция видеть не желает.

Запуганная не столько инквизицией, сколько своим религиозным представлением о ней, наша интеллигенция старается удержаться в мире своих заблуждений, часто вполне сознавая, что это - заблуждения, и ничего больше.

Наша интеллигенция все старается устроиться поудобнее в гнездышке своей убогой ограниченности и не желает из него выглядывать. Наша интеллигенция предпочитает получать неожиданные оплеухи, лишь бы только не видеть, откуда грозит очередная опасность. Получишь оплеуху - и ничего, только вздрогнешь немного. А заранее увидишь - беда, гнездышко вычищать придется.

Наша интеллигенция не желает заглядывать в завтрашний день.

А зря.

Она бы увидела много интересного. Надеясь на то, что завтра будет то же, что и сегодня, ну, разве что, чуточку похуже, она увидела бы как в завтрашнем дне разбиваются вдребезги ее надежды. Рассчитывая на то, что бардак не даст ей пропасть, она увидела бы, как ее почитаемое божество поворачивается к ней задом. Она могла бы понять насколько близки перемены, и насколько грозные для нее перемены принесет развивающийся кризис.

Но для этого надо отбросить религию и заняться теорией. для этого надо понять, что бардак - не всесильное божество, а громадный социальный механизм, работающий по определенным законам. Для этого надо разобраться в законах и постичь, куда же движется этот механизм. Для этого надо понять свое место в этом механизме и вычислить, где оно окажется, когда эта махина рухнет в пропасть.

Для этого надо думать. И анализировать реальность.

Интеллигенция этого не желает. И старается удержаться на плаву, быть не лучше и не хуже других. Простейшая логика: все не погибнут; если я буду как все, то и я не погибну. То есть, то же самое: бардак нас не покинет в беде.

Покинет, покинет. Не хватит у бардака милостей на всех. И слепая бездумная логика сменится более здоровой: все-то не погибнут, но погибнут многие - и зачем я должен тонуть вместе с ними? И бардак станет страшен: Ведь это он будет диктовать кому плыть, кому тонуть, диктовать, не считаясь с вашими желаниями и совсем не интересуясь тем, насколько вам дорога ваша заурядная жизнь.

Но чтобы это понять, интеллигенции надо дожить до массового, даже угадывать это не желает. Кризис она не видит, делать выводы не желает, решения искать не хочет, действовать не намерена.

Ну, что ж, плыть так плыть. Дай вам бардак сто футов под килем.

6. По ту сторону катастрофы.

Всякий кризис показывает, что реальность перестала быть состоятельной, что она остается только как форма, из которой рвется на свободу новое содержание и неизбежно должна лопнуть, рухнуть, взорваться.

Если бы наша интеллигенция владела методами марксистского анализа, она бы поняла, что коренной причиной происходящего является утрата диктатуры пролетариата. Она могла бы разобраться и в причинах, которые к этому привели.

Интеллигенция не желает утруждать себя размышлениями.

Освободим интеллигенцию от погружения в столь страшные для нее глубины. Пусть она заглянет хотя бы под первый слой нарастающего кризиса, пусть увидит не коренные, а хотя бы ближайшие причины. Этого вполне достаточно, чтобы она увидела свое будущее.

Наступающий на нас кризис выражается в падении производительности труда. Не надо больших усилий, чтобы понять, что это - прямое следствие деятельности нашей уважаемой интеллигенции, вернее, ее умопомрачительной бездеятельности, абсолютного нежелания считаться с нуждами производства в угоду всяческому соображениям совершенно иного порядка.

Это интеллигенция не заботится о том, чтобы своевременно заменялось устаревшее оборудование, расширялось применение новых прогрессивных методов и технологий. Это интеллигенция проектирует устаревшие еще до пуска заводы, это она засылает ценнейшее оборудование туда, где оно не находит применения. Это она, она.

Даже сторонники тезиса "рабочие плохо работают" могли бы понять, что именно интеллигенция создает такие условия, в которых у рабочих пропадает интерес к результатам работы.

И только безмозглые интеллигентские головы в состоянии додуматься до того, что все производственные проблемы можно решить громкими призывами к повышению качества работы, наполняющими наши газеты.

Человек - будь то рабочий или интеллигент - всегда делает то, к чему принуждают его обстоятельства, он ищет наилучший способ удовлетворения своих интересов в тех условиях, в которых оказался. И если интеллигенция не намерена болеть нуждами производства - это не ее вина. Ей просто выгоднее так, обстоятельства

толкают ее к этому.

Но мы говорим об этом не для того, чтобы в чем-то интеллигенцию обвинить или наоборот - снять с нее ответственность. Кризис не интересуется тем, кто виноват. Он разрастается и требует разрешения, то есть неизбежных социальных перемен.

Если бы интеллигенция не отказывалась смотреть, она увидела бы, что под покровом всеобщего бардака, под прикрытием экономического развала таится и созревает другой мир - мир вполне упорядоченной преступной экономики, мир "хозяев жизни", мир воровства и взяток, дефицита и коррупции, мир, в котором все делается целенаправленно и целесообразно.

Ох, как нетрудно догадаться, что в случае катастрофы именно этот мир выплывет на поверхность, именно он будет диктовать обществу свои правила и законы.

Есть в интеллигентской среде сторонники и такой точки зрения: лучше хороший капитализм, чем дурной бардак.

Ой, ли? Может быть, оно и так, но только для вас ли, товарищи интеллигенты?

Не забывайте, что у системы, вырастающей на развалинах нашей бардачной экономики, будет одна главная задача: заставить работать вас, дорогие наши интеллигенты. А для этого она вышвырнет две трети интеллигентов с насиженных местечек, отдаст их зарплату оставшимся, но заставит их работать под угрозой так же оказаться на улице.

Вы-то лично надеетесь попасть в ту самую, нужную хозяевам треть. Вы надеетесь в ней удержаться. Надейтесь, надейтесь. Только кто-то должен попасть и в выбрасываемые две трети. Тут, конечно, не по теории вероятностей надо считать, но все же...

Вы вообще не желаете верить в это предсказание?

Не желаете - не надо. Просто запомните. Потом пригодится.

Мое дело - предупредить. А там, может, сами задумаетесь, сами поймете что к чему. Может быть вспомните, что голова дана не только для того, чтобы шляпу носить.

Не желаете? Ну, как хотите.

7. Лицо под маской.

Это уже для тех, кто все-таки желает разобраться, кто чувствует, что бардак не вечен.

Неужели же вот так, высунет голову капитализм, поднимется во весь рост и скажет: я тут надо всем хозяин? Да мы этого не допустим!

Ну, не высунет, не вылезет, не станет он вас дразнить. Он и имя себе подберет поблаговзвучней: сверхразвитой бардак что ли. Или очередной этап создания материально-технической базы супер-экстра-модерного бардака.

Не надо ему собственного имени, он и псевдонимом обойдется. А надо ему всего две вещи:

максимальное расширение экономических прав директоров предприятий и законодательная охрана права директора на сохранение своего директорского поста.

Больше ему, капитализму, ничегошеньки не надо. Все остальное он из этого построит.

Производство он, конечно, поднимет. Потому что от выпуска продукции будет зависеть денежный фонд директора и присваиваемая им прибавочная стоимость.

Интеллигенцию он, конечно, работать заставит. Потому что никакому директору (сиречь капиталисту) не нужна сторублевая ничего не делающая интеллигенция - ему нужна интеллигенция, увеличивающая его прибыль, его денежный фонд. Как будет существовать избыточная, ненужная ему интеллигенция? Пусть она сама об этом думает.

Грабить он, конечно, будет и рабочих, и интеллигенцию - без этого какой же он капиталист?

И можете быть уверены, что экономическая власть достанется ему со всей полнотой. Без этого просто не выбраться из кризиса, никакие полумеры тут не помогут. Пока директор не станет хозяйчиком, хозяином, полновластным господином, он так и будет проваливать и разваливать производство, действуя исключительно в рамках существующих инструкций и указаний. Потому что он тоже человек, он тоже выбирает самый выгодный путь в сложившихся обстоятельствах.

Те, кто думает, что директора можно заставить работать иным способом, пусть задумаются над тем, а кому это нужно - заставлять? Кому это выгодно? Ведь заставлять тоже должен человек.

Те, кто сомневаются, что к этому мы идем, пусть задумаются над следующими ступенями.

Превознесение принципа материальной заинтересованности и хозрасчета.

Бригадный подряд, аккордная плата, щекинский метод, трогательная забота о личных приусадебных хозяйствах - это все еще присказка, сказка будет потом. Почему вполне капитализированный бригадный подряд, столь эффективный в единичных случаях, не дает результата в масштабах всей страны? Да потому, что для этого результата он нуждается в таком же капитализированном распределении мощностей, материалов и фронта работ. Сказано-то только "А", а напрашивается и "Б".

Но "Б" произноситься все громче и громче.

Статьи 57 и 58 нашей новой конституции гарантируют судебную защиту - в том числе от действий государственных и общественных организаций. Ну почему бы директорам не воспользоваться этой защитой? И вот уже "Литературная газета" вовлекает самые ответственные органы в дискуссию: как защитить одних начальников от посягательств других, вышестоящих. И уже зреет соответствующий закон.

Но директора от министра этот закон защитит, а начальника цеха от директора - нет. Потому что директор

расправится с любым своим подчиненным экономически, не давая ни малейшего повода к судебному разбирательству. Сильным этот закон делает того, у кого в руках деньги.

"Постановлением предоставлено производственным объединениям (предприятиям) право выплачивать за счет экономии по фонду заработной платы, полученной против установленного норматива или планового фонда заработной платы, надбавки к тарифным ставкам и окладам рабочим и инженерно-техническим работникам. При ухудшении показателей работы указанные надбавки отменяются", - это уже из газетного изложения постановления "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работ" (июль 1979 г.).

А вот после принятия закона о Государственном арбитраже Главный арбитр Е. Анисимов сообщает в интервью ("Социалистическая индустрия" от 6.12.79), что теперь арбитраж "вправе ставить вопрос об отмене тех актов органов управления, которые нарушают права и закон предприятия". Права предприятий - это видимость, речь-то идет о праве директоров никому не подчиняться, о той базе, с которой они смогут по суду (смотри статьи Конституции) защищать свое право на занятие директорского кресла, оберегать свои директорские (очень даже капиталистические) честь и достоинство.

А как же Главному арбитру не говорить об этом, если сам Л. И. Брежнев на ноябрьском (1979 г.) Пленуме сказал то же самое? "Важно, чтобы вышестоящие органы не ущемляли права, которыми наделены предприятия, объединения, трудовые коллективы".

Вот так, с такими лозунгами направляемся мы в наше завтра.

Вот так под прикрытием "развитого" бардака зреет новый порядок. Кроха за крохой, крупица за крупицей укладывается в правовую основу новой буржуазии.

Придет время, кризис окончательно покажет несостоятельность многих надежд, постановлений, указаний и деклараций, развеет их как отмершие листья и окажется, что на этих крупицах уже прочно стоит нечто, для нас довольно-таки неожиданное.

Развитой бардак - это маска. А под маской есть и лицо.

8. Той интеллигенции, которая понимает.

"Этому курсу альтернативы нет..." - это было произнесено на том же ноябрьском Пленуме. И это правильно в том смысле, что из кризиса все равно придется выкарабкиваться.

Все, что происходит, все, что намечается, выводит нас на этот путь. Но такой ли уж он единственный?

Для глубоководных патриархов бардака - да. Потому что та сила, на которую они опираются - это те же директора. И несет их эта сила неуклонно и неумолимо - барахтаться можно, противиться нельзя.

Но не из одних директоров человечество состоит. Есть и другая сила - пролетариат.

Сейчас она слабее. Потому что плохо организована, совсем не организована. Не организована потому, что у нее украли ее организации, обманом превратили их в манипуляторы "хозяев жизни".

Но это - не навечно.

Кризис будит сознание. Он заставляет рабочих непосредственно ощутить единство собственных интересов. Нехватка, сопровождающая кризис, толкает их к сплоченным действиям.

Пролетариат мобилизуется, но ему нужно оружие - таким оружием может быть только марксистское мировоззрение, материалистический анализ реальности, четкое определение целей и направления борьбы. И в этом ему нужна помощь интеллигенции - той интеллигенции, которая еще не утратила способность видеть мир по-марксистски.

Той интеллигенции, которая понимает, что не общенародный бардак, а только диктатура пролетариата обеспечивает бескризисное движение общества к будущему. Потому что пролетариат - единственный класс, который действительно заинтересован в развитии народного хозяйства, который не может удовлетворить свои потребности за счет других, так как грабить ему некого, который ни при каких условиях не может потребить более того, что он сам создает, чем и отличается от всех других классов.

Той интеллигенции, которая понимает, что в свое время под прикрытием громких фраз и торжественных заверений власть у пролетариата была отнята, украдена, взята обманом.

Промышленный крах неизбежен, непреодолим. У производительности труда есть непреложное свойство: ее падение порождает только дальнейшее падение. Чем меньше объем производства, тем меньше отчисления на восстановление и развитие технической базы - чем меньше эти отчисления, тем меньше объем производства будет завтра. Из этого круга не вырваться.

Вот этого не желает видеть интеллигенция, уповая на всемогущество бардака. Да, бардак может творить чудеса. Он может сделать из слона муху, а из топора - пшик. Но обратное ему недоступно, тут он ограничен. Сделать из пшика топор ему не удастся. А спасти его может только такое чудо.

Интеллигенция не желает видеть кризиса, но кризис не желает с этим считаться. Он бьет интеллигенцию непрерывной инфляцией, превращающей в песок ее зарплату, бьет нехваткой товаров, бьет беспорядком, унижает попрошайничеством перед сильными мира сего и подталкиванием к мелкому махинаторству и просто воровству.

Интеллигенция защищается, защищается по-своему. Даже чувствуя, как кризис подминает ее своей грубой подошвой, интеллигенция защищается тем, что не желает делать из этого выводы. Ну что ж, бардак вас спаси!

Даже та часть интеллигенции, которая решается на некоторые выводы, не идет дальше очень узких пределов. Да, все катится в тартарары, но хорошо бы попасть к такому начальнику, который каждый месяц платит премию в два оклада! Да, бардак способен на такое колдовское деяние, но ведь не просто так, а за определенные

услуги. Чем там Фауст расплачивался за премиальную молодость?

Те немногие интеллигенты, которые доходят до понимания ситуации, как правило, на этом и останавливаются. Мудро взирают они на происходящее, все они понимают и даже предвидят и предсказывают. Но и эти не желают искать выхода из кризиса, искать решений. Они предпочитают плыть по течению, вместе со всеми, барахтаясь в омутах, подобно остальным, но все же и злорадствуя при этом.

И ни те, ни другие, ни третьи не желают и пальцем шевельнуть для того, чтобы что-то изменилось. С какой стати я? - думает каждый.

Пролетариату нужна помощь той интеллигенции, которая понимает, что Октябрьской революцией пролетариат доказал, что не только способен взять власть, но может собрать силы и для того, чтобы вернуть ее.

Той интеллигенции, которая думает чем помочь пролетариату, которая готова ему служить, которая пойдет вместе с пролетариатом в революционном сражении и будет вместе с ним вновь отстаивать пролетарское социалистическое общество.

Но это уже другая интеллигенция, совсем не та, которая ничего не желает знать.

1980 г.

* * *

О низшей фазе коммунистического общества, возникающей непосредственно вслед за переходом политической власти и собственности на средства производства в руки пролетариата, Маркс говорил:

"Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на собственной основе, а с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло". (Цитата по переводу, использованному Лениным в работе "Государство и революция" - Ленин, т. 33 стр. 91).

Как долгов этот период? Чем определена его продолжительность?

Полувековая история социалистического общества в нашей стране позволяет поставить тот же вопрос по-иному. Не является ли наше общество, отделенное от капиталистического общества жизнью поколений, социалистическим обществом, развивающимся на своей собственной основе? Положительный ответ на этот вопрос определил бы качественное отличие нашего общества от общества, определяемого цитатой Маркса, позволил бы утверждать, что для нашего общества характерны иные законы, отличные от законов начальной стадии социализма.

Однако дать положительный ответ мы не можем.

"Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; - или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом". (Ленин, т. 39 с. 259)

Так писал Ленин в 1919 году в статье "Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата".

Итак, борьба между капитализмом и коммунизмом продолжается вплоть до полной победы коммунизма. Социализмом или низшей фазой коммунистического общества и называется весь период этой борьбы.

Совершенно очевидно, что эта борьба и не может прекратиться, например, с полной ликвидацией буржуазии как класса. Она и после этого продолжается как борьба с частнособственническими тенденциями в сознании членов победивших классов, как борьба с унаследованной от капитализма системой взглядов, системой разрушающейся, но не вполне разрушенной и еще проявляющейся в общественных отношениях.

Наличие отпечатков капитализма следует видеть и в равном праве на оплату по труду, которое, как отмечал Маркс в "Критике Готской программы", является еще правом буржуазным, и в самом существовании социалистического государства, которое и существует для того, чтобы, подавляя капиталистические тенденции, все же охранять остатки буржуазных прав, еще необходимые обществу. Но не только в этом. Они сохраняются в отношениях между членами общества и коллективами, в отношении людей к материальным ценностям, в нравственности и морали. Они присутствуют в каждом индивидуальном сознании, сказываются на личных планах, образе действий, системе оценок и т. п.

Для нас это важно постольку, поскольку действие тех или иных социальных законов определяется уровнем развития сознания общества. В этом смысле социалистическое общество являет собой весьма сложную картину. В нем еще сохраняют силу социальные законы, перешедшие из капиталистического прошлого, но одновременно, в связи с развитием сознания, создаются все более благоприятные условия для действия иных социальных законов - законов коммунистического общества, сфера действия которых имеет склонность к расширению.

Но наличие общей тенденции к росту влияния законов коммунистических, к вытеснению буржуазных законов из жизни общества не говорит о том, что в каждом отдельном случае победа коммунистического над буржуазным предрешена. Даже совсем наоборот: это говорит о равенстве сил на каждом конкретном участке, о том, что победа коммунистического над буржуазным в этом упорном противостоянии достигается только тогда, когда происходит революционный сдвиг в сознании масс, когда революционно изменяется отношение масс к определенной совокупности явлений общественной жизни.

Очень часто мы имеем дело с ситуациями, в которых продвижение коммунистического происходит там, где необходимые революционные сдвиги осуществились лишь в сознании меньшинства, происходит потому, что поддерживается энтузиазмом, живой энергией этого меньшинства. Но энтузиазм не вечен, по прошествии некоторого времени он неизбежно угасает. И если к тому моменту не произошло решающих сдвигов в сознании масс, то коммунистическое вынуждено отступать, а буржуазное не только возвращает себе утраченные позиции, но и получает определенные преимущества в неустойчивой ситуации и может значительно упрочить свое положение. Именно в силу этого левацкие лихие наскоки и особенно левацкая настойчивость влекут чаще всего усиление реакции, контрреволюцию. Но если даже продвижение вперед (а только так - на энтузиазме меньшинства - мы и можем двигаться вперед, только такие прорывы и вызывают сдвиги в сознании масс), если очередной шаг в коммунистическом развитии был достаточно обоснован, то есть принципиально вполне осуществим при достигнутом уровне сознания - даже в этом случае недооценка особенностей ситуации, пренебрежение марксистским анализом достижений и неудач могут породить такие ошибки, которые подорвут начатое дело, отбросят назад и, может быть, разрушат самую платформу, с которой было начато выступление. Здесь следует прямо сказать: чем более серьезное дело мы затеваем, чем более решительное продвижение намечается, тем выше будет напряженность ситуации и тем больше риск потерпеть поражение и быть отброшенным. Но без этого нет и движения вперед. Ибо только ситуации высшего напряжения заставляют массы ответственно задуматься над выбором между старым и новым, а без этого нет и не может быть никаких сдвигов в сознании, никакой внутренней революции.

Движение вперед, к новому - всегда есть революционный процесс. Надеяться на то, что массы сами полностью подготовят себя к новому, сами выработают в себе стремление отбросить, да еще и одновременно, старые привычки и нормы жизни и приобрести новые, да еще и одинаковые, сходные новые - это экзистенциалистская чепуха. В условиях спокойно изменяющегося бытия такое не может произойти сразу в большинстве индивидуальных сознаний. Не говоря уж о различии индивидуального опыта и способностей, простое различие в возрасте служит решающим препятствием.

Как же так - при очевидной тождественности индивидуальных путей сознания - общество все же прогрессирует, переходит от одной стадии развития к другой?

Но суть-то в том, что общество - не просто совокупность индивидов. Общество есть общество, то есть совокупность индивидов, связанных между собой общением.

Конечно, человечество может качественно изменяться и изменяться под влиянием независимых от него изменений внешних условий его существования: меняется бытие и перестраивается соответственно сознание. Но корень саморазвития человеческого общества лежит именно в самом факте существования индивидов.

Это совсем не значит, что для осуществления каких-либо изменений люди должны договориться между собой. Из этого следует другое, из этого исходя, можно понять закон, определяющий общность, сходство процессов, которые приводят к качественным сдвигам в сознании общества. Процесс может быть более или менее локализован, может охватывать все человечество, одну страну или всего лишь семью, может касаться самых существенных сторон жизненного уклада или затрагивать, как, например, мода, лишь неглубокие области сознания - но последовательность его развития всегда predetermined, всегда проходит сходные фазы.

Каждый шаг в развитии общественного сознания имеет вполне определенную структуру. Назревающие в обществе противоречия получают отражение в сознании отдельных индивидов. Индивидуальные отражения различны - они зависят от степени причастности к данным противоречиям, от характера индивидов, от их потребностей, опыта, особенно эмоционального опыта. У одних индивидов эти отображения только лишь откладываются в сознании, запечатлеваются в той или иной форме, у других - становятся решающим фактором сознания, то есть определяют их действия. Единичные случаи такого измененного поведения обычно объясняются аномальными особенностями сознания индивидов, но их повторяемость, и есть вернейшее свидетельство назревания противоречий. Сам же измененный образ действий есть сознательная или бессознательная попытка найти разрешение этих противоречий.

По мере развития противоречий растет и число индивидов, озабоченных (в буквальном или переносном - в случае бессознательного поиска - смысле этого слова) их разрешением, и эта забота объединяет их в дееспособное по общественным масштабам, в социально значимое меньшинство. Но это меньшинство действует! Оно совершает поступки, которые так или иначе вмешиваются в жизнь, в бытие еще пассивного в данном отношении, еще инертного большинства. И вот когда обостренно воспринимающее противоречия меньшинство массовостью своих действий сумеет задать критический вопрос всему обществу в целом, когда действия меньшинства самым решительным образом нарушают спокойствие большинства, взломают ход его бытия - только тогда общество и оказывается перед необходимостью дать ясный ответ: как оно готово к разрешению имеющихся противоречий, способно ли оно к революционным переменам. Вот так, многократно повторяя подобные процессы, накладывая процессы различных масштабов друг на друга и то прогрессивно, то реакционно разрешая свои кризисы, общество и движется вперед, формирует свое будущее.

Этот экскурс в теорию развития общества, имеющую, конечно, более широкое значение, чем конкретные задачи данной работы, совершенно необходим, хотя бы для того, чтобы уяснить, что никакой прогресс немислим без жесточайшей борьбы, без борьбы самого высокого накала, в которой поражения также неизбежны, как и победы.

Мы все - сторонники нового. Мы выступаем за прогресс. Нас приучили так говорить и так думать - и это самая безмозглая чепуха, которая вдобавок еще и выдается за пропаганду марксизма. Даже действительно вступая

в борьбу за прогресс в одной области, мы остаемся ретроgrадами во многих других областях. И с этим ничего не поделаешь: такова уж человеческая природа, так она оберегает нас от опрометчивых поступков, так связывает нас с условиями, в которых - хорошо ли, плохо ли - но существовать мы можем. И чаще всего мы вообще не помышляем ни о каких прогрессивных переменнах, целиком упирая свой интерес в количественную сторону: больше, богаче, лучше. Это тоже помогает двигаться вперед, но это не само движение - это всего лишь его подготовка. Для того, чтобы шагнуть, нужно поднять ногу, но ногу можно поднимать много раз и пониже и повыше, а шага так и не сделать.

Быть марксистом - это значит реально способствовать саморазвитию общества, его самодвижению к коммунистическому будущему. А это не так-то просто.

Быть марксистом - это значит быть чутким. Это значит внимательно улавливать тенденции общественного движения, тщательно исследовать их и давать им оценку и смело становиться на сторону прогрессивных тенденций.

Быть марксистом - это значит быть пристрастным. Марксизм объективен, но он объективно на стороне нового. Слишком много развелось таких "марксистов", которые "объективностью" называют свое обывательское равнодушие. Марксист должен быть пристрастным, то есть должен поддерживать новое не на словах и даже не сочувствием, а действием.

И самое главное: быть марксистом - это понимать что новое входит в жизнь не иначе, как в жестокой борьбе со старым. Подлинным сторонникам нового неоткуда ждать всемогущей поддержки, а противостоит им все общество. Вся сила нового обеспечивается только их собственными силами, их энергичностью и энтузиазмом. И в этом напряженнейшем противоборстве любая деталь может оказаться решающей, любой поворот - критическим. Удвоить и утроить силы в этой борьбе, с максимальной эффективностью использовать наличную энергию позволяет по возможности предельно глубокий анализ ситуации, по-марксистски объективный учет всех действующих в схватке сил, законов и тенденций.

Вот теперь, нарисовав почти бородинскую панораму, мы возвратимся к тому, казалось бы, совсем мирному вопросу, которому посвящена эта работа.

Ликвидировав частную собственность на средства производства, расправившись с классом капиталистов, мы приступили к коммунистическому строительству. А знаем ли мы, как это делать?

Нам необходимо знать направление движения. Знать настолько хорошо, чтобы всегда уметь разобраться в окружающих нас течениях.

Нам необходимо улавливать и учитывать все тенденции настоящего момента. Не перекрывать звуки времени громом красивых лозунгов, а внимательнейшим образом вслушиваться в них, ибо в реальных тенденциях, а не в красивых словах таятся лозунги завтрашнего дня.

Нам необходимо как можно более подробно знать объективные социальные законы, которые властвуют сегодня над обществом. Мы всегда должны помнить, что эти законы не провозглашаются, а выявляются, извлекаются из самой жизни общества, из всей грандиознейшей массы фактов, выражающих эту жизнь.

Браться за строительство коммунизма без овладения этими знаниями - ничем не лучше блуждания по лесу без компаса и карты.

1987 г.

РЕВОЛЮЦИИ РОЖДАЮТСЯ В МАССАХ

Что такое великая социальная революция? Это - веха на границе формаций, перелом истории. Это смена способа производства и господствующего класса. Это - перестройка сознания всего общества и переход к новым социальным отношениям.

Можно ли хоть в каком бы то ни было смысле примерять Февральскую революцию к этим критериям? Нет, никак не получается. А почему?

Что же она такое - Февральская революция? Каково ее значение в истории?

Великие социальные революции происходят в обществе, они охватывают все общество, изменяя базисные отношения. Здесь не может быть большого разнообразия: либо сохранение старого, либо победа нового. Изменения в надстройке бывают гораздо более пестрыми. Ведь они, кроме базисных процессов, отражают еще и столкновения политических сил, перегруппировку структур, эту надстройку образующих. Эти изменения могут происходить и до и после решающего перелома в общественных отношениях. Но действительно революционное содержание несут только те, что происходят после этого перелома, ибо в них отражается поиск лучших форм для выражения новых отношений, их политического и законодательного закрепления.

Февральской революции закреплять было еще нечего. Она только обозначила кризис старой системы, невозможность ее дальнейшего существования. Ситуацию эту нетрудно представить, если вспомнить, что подобный момент мы пережили совсем недавно. Это - Апрельский пленум ЦК КПСС 1985 года. Может быть, эти события и несравнимы по своим историческим масштабам, но общее между ними очевидно.

Перестройка была провозглашена Апрельским пленумом, но разве это означает, что она состоялась? Наоборот, и пленум, и февральская революция были только провозвестниками грядущих событий, ускорителями

процессов, происходящих в обществе.

Что же возвещала Февральская революция? Чтобы понять это, необходимо расценить расстановку социальных сил и происходящие в них изменения.

Помещичество. Оно занимало господствующее положение в прошлом и на момент Февральской революции удерживало его силой традиций, силой земельной зависимости крестьянства. Традиционно дворянским был высший чиновничий аппарат, через который осуществлялись связь всех российских территорий, взаимодействие функциональных систем государства. Не случайно Временный комитет Государственной думы возглавил крупный помещик М. В. Родзянко, а главой первого и второго составов Временного правительства был такой же помещик князь Г. Е. Львов.

Мелкая буржуазия. Это - в основном крестьянство, самая многочисленная часть населения. В одиночку крестьяне значительно зависели от помещиков, были арендаторами помещичьих земель. Для того, чтобы преодолеть эту зависимость, крестьянам нужно было организоваться, но организующей силы пока еще не было. Эсеровская партия избрала ареной своей деятельности не практическую организацию крестьянства, а политические дебаты во Временном правительстве.

Буржуазия. Во всех антифеодальных революциях буржуазия играла главенствующую роль. Но не в России. Буржуазия сильна не сама по себе, а идущим за ней рабочим классом. Но для этого она должна создавать своим наемным рабочим такие условия, которые бы им хотелось отстаивать. Февральские забастовки в Петрограде, охватившие свыше двухсот тысяч рабочих, были направлены против буржуазии в не меньшей степени, чем против самодержавия.

Рабочий класс. Это была самая мощная социальная сила, организованность которой была подготовлена деятельностью социал-демократов и воплотилась в создании Советов. Отсутствие опыта, определенный страх перед этой грандиозной задачей, отсутствие исторического прецедента - вот что удерживало пролетариат от решающего шага. Но созданный одновременно с Временным комитетом Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов немедленно начал организовывать взаимодействие, минуя связи и отношения царской России, по своим партийным каналам, что сразу же уравнило его с Временным правительством, породило двоевластие.

И, наконец, армия. Армия - это, конечно, не социальная сила. Но многое зависело от того, на чьей стороне она выступит. В этих условиях российская буржуазия не проявила ни малейшего интереса к тому единственному пути, который вел к капиталистическим преобразованиям. Для этого буржуазия должна была взяться за организацию крестьянского антифеодального движения, возглавить борьбу за ломку старых отношений, то есть за захват и раздел помещичьих земель. Но буржуазия - и не без оснований - слишком боялась собственных рабочих. Промышленная буржуазия не захотела жертвовать собой ради победы буржуазии сельской.

Поэтому сразу определился союз буржуазии и помещичества.

Переток вооруженных сил на сторону пролетариата шел так быстро, что Корниловский контрреволюционный мятеж просто запоздал: к августу 1917 года решающее преимущество оказалось уже на стороне революционных сил. Однако именно этим противостоянием и определяется альтернатива выхода России из кризисной ситуации. Либо победа Корнилова и укрепление господства помещиков с определенными уступками союзной им буржуазии, либо победа пролетарски-крестьянских сил, что и произошло в действительности. Никакого иного исхода и быть не могло. Не прекращавшиеся с февраля по октябрь 1917 года торги во Временном правительстве меньшевиков с буржуазией, а эсеров с помещиками только показали, что никакая политическая партия не представляет собой реальной социальной силы, а сильна исключительно своей связью с классом, что политики, не ставящие тех задач, которые ставят классы, немедленно утрачивают всякую поддержку и всякое историческое значение.

На фоне социальных процессов нетрудно понять значение тех поверхностных явлений, которые им сопутствовали. Так, небывалая демократизация политической жизни в послефевральский период вовсе не означала демократизации отношений в обществе. Она была дарована волей господствующего помещичества с единственной целью: предоставить неограниченный простор для поиска политических решений, устраняющих кризис и укрепляющих позиции того же помещичества. Правда, это была несбыточная надежда, таких решений не было.

Пустыми во всех отношениях были и надежды на Учредительное собрание. Выборы в него проходили еще по государственным каналам старых сил, поэтому, собравшись после происшедших в обществе коренных перемен, оно уже не было никем поддерживаемо. А если бы оно успело собраться раньше, до Октября, то не могло бы предложить ничего отличного от помещичье-буржуазной политики Временного правительства, что и подтверждено практической деятельностью "Самарской учредилки".

Нельзя придавать надстроечным процессам самодовлеющий смысл. Значение как насильственных, так и ненасильственных смен власти, различных политических поворотов можно правильно оценить только в соотношении с глубинными процессами, охватившими все население России: активизация и сплочение пролетариата, переход на его сторону других классов, социальных групп и просто отдельных лиц. и, наконец, замена прежнего господствующего класса, сопровождаемая коренной ломкой общественных отношений.

Начало этого пути связано с предшествующей политической борьбой российского пролетариата. Февральская революция ознаменовала выход рабочего движения из-под контроля господствующего класса и его последующую резкую интенсификацию, Октябрьская - стала вехой окончательного перелома. И обе они - достояние истории, драгоценный исторический опыт нашего народа.

"Волжский комсомолец", 14 мая 1989 года.

А и Б

В связи со статьей В. Селюнина
«Темпы роста на весах потребления»
в «Социалистической индустрии»
от 5 января 1986 года

Придирчивый взгляд, остроумный анализ, умение обратить в весомые аргументы косвенную информацию, проследив даже самые отдаленные связи – все это привлекает в выступлениях Василия Селюнина. И еще – живая страсть, неподдельная озабоченность, полемический задор.

Но хорошо, когда эти качества работают в одном направлении. Хуже – когда они действуют вразнобой, начинают мешать друг другу.

В полемических заметках, предложенных в «Социалистической индустрии» 5 января, стержневым вопросом выдвинуто соотношение между производством средств производства и производством товаров народного потребления, между группами А и Б. Вернее, тенденция изменения этого соотношения. Мало того, ответственность за многие беды нашего общества возлагается на эту тенденцию, а посему ее предлагается изменить, направить в противоположную сторону.

По поводу количественных соотношений на тот или иной момент, в конкретном годовом или пятилетнем плане можно спорить – это вопрос непосредственной экономической конъюнктуры, тут желателен точный анализ. Но на тенденцию нельзя смотреть с экономических позиций, ее можно оценить только с высот политической экономии.

И сразу исчезает повод для полемики. Подумайте сами, когда-то, когда человек еще не был человеком, а только готовился стать им, он, подобно остальным зверям, все свои силы тратил на добывание (производство) непосредственно предметов потребления: пищи, укрытий от непогоды. То есть целиком посвящал их группе Б. Но стоило ему вступить на человеческий путь – и он сплел первый силок, изготовил копье, каменный топор. Орудия труда – это простейшие средства производства, значит, появилась группа А и сразу же отвлекла из группы Б часть усилий.

Теперь поищем на шкале развития засечку в иных краях. Что было бы, если бы все предметы потребления производились автоматами? А человек производил бы эти автоматы? Или автоматы для производства этих автоматов? Надо полагать, что человек не был бы нимало обеспокоен тем, что стоимость всех потребительских товаров ничтожна, ибо равна энергетическим затратам да амортизации последних автоматов в этом, возможно, нескончаемом ряду. Лишь бы их продукции хватало для удовлетворения потребностей.

Я не утверждаю, что мы когда-то придем в такую точку, но движемся-то мы определенно в этом направлении! И сокращение доли группы Б в общем объеме производства указывает именно на это. Так надо ли с этой тенденцией бороться?

Все дело в том, что соотношение между группами А и Б – это стоимостное соотношение. А стоимость тождественна труду, вкладываемому по этим направлениям, но вовсе не тождественна количеству конкретных благ.

Наш предок, который сплел первый силок, был стихийным, но великим политэкономом. Да, десять, а, может быть, и все девяносто процентов своего рабочего времени он тратил на изготовление и установку силков. И если раньше он все это время тратил на ловлю зайцев, то теперь это занятие поглощало только оставшуюся часть. Доля труда, или доля стоимости, приходящаяся непосредственно на ловлю зайцев, уменьшилась и относительно, и абсолютно. Но зайцев-то, пойманных зайцев стало больше! Ведь ловил он уже запутавшихся в силках... Впрочем, и без этого известно, что использование прошлого труда, овеществленного в средствах производства, резко повышает производительность труда живого.

Сапожнику, вооруженному шилом и лапкой, орудующему драгвой и калёнками, требовалось три рабочих дня, чтобы стачать приличную пару обуви. На современном предприятии все обувщики участвующие в процессе, в совокупности тратят на одну пару, скажем, тридцать рабочих минут. Зато кто-то изготавливает машины, позволяющие им достичь этого результата. Как меняется стоимостное отношение? А как меняется количество в натуральном выражении?

Возможно возражение, что вот качество оставляет желать лучшего. Верное возражение. Верное, но не по существу. Качество, конечно, надо повышать. Но еще неизвестно, как это лучше сделать: дать рабочему группы Б возможность больше труда вложить в изделие, или пусть больше труда вложит рабочий А, улучшая свою машину для рабочего Б, чтобы она работала без брака. Неизвестно! Мы что, от непонимания за границей обувные фабрики закупаем?

Я думаю, этими немного примерами и соображениями вопрос о «вредоносной» тенденции полностью снят. Стремление ее перенаправить равноценно, пожалуй, призыву: «На волю! В пампасы!» Не стоит, все же, в двадцатом веке мечтать о переходе на подножный корм – не прокормимся.

Поиск парадоксов – занятие небесполезное. Вот привел же очень не стандартный анализ в статье того же В. Селюнина и г. Ханина «Лукавая цифра» («Новый мир», №2, 1987) к парадоксальному выводу о развитии сырьевых отраслей. Ощутима в этом какая-то истинность. Но парадокс парадоксу – рознь, даже словари имеют этому слову два толкования. Так вот, в статье «Темпы роста на весах потребления» научного парадокса нет, есть

только «своеобразное мнение, резко расходящееся» - в данном случае с законами экономического развития.

Что же касается неиспользуемых тракторов, неустановленного оборудования и рабочих мест, которые никогда и никем не будут заняты, - то в этом автор совершенно прав. Взвинчивать для этого объемы производства – действительно «значит еще энергичнее изводить труд, сырье топливо и прочее добро». Это безобразно надо как можно скорее пресечь, чего мы еще не умеем, но стараемся научиться в ходе перестройки, а высвободившиеся при этом мощности и средства направить на полезное дело. Только, может быть, все же в группу А, чтобы не приходилось расплачиваться драгоценным углеводородным сырьем за импортное оборудование и за забвение тезиса, изучаемого в раннем детстве: «А упало – Б пропало».

О рынке рабочей силы

Принцип равной оплаты за равный труд, или «каждому по труду», предполагает возможность сравнивать труд количественно.

После Октябрьской революции основным является стремление сравнивать труд непосредственно. В первом полугодии – по времени работы: оказалось неэффективно, вообще безуспешно. Затем – сделщина. Дает реальный результат в одном виде производства. Но производства между собой несравнимы. Да и в пределах одного вида сравнимость достигается не всегда. Различие условий, например, технического оснащения, все разрушает.

Где же выход? Нормирование, нормирование, нормирование... 60 лет крутится карусель нормирования.

А как при капитализме? Надо читать Маркса. Труд всех видов находит сравнение в стоимости. Стоимость есть мера, есть эквивалент общественно полезного труда.

А что такое стоимость? Стоимость есть математическое ожидание цены на свободном рынке. Вне свободного рынка нет сравнения общественной полезности, нет возможности установить стоимость.

А что у нас? У нас нет свободного товарного рынка с колеблющимися ценами. Мы строим цену исходя (якобы) из реальных трудозатрат. Но при такой твердой и принудительной цене нельзя ничего узнать о сравнительной общественной полезности товара, следовательно, нельзя получить никакого представления о стоимости товара. Примеров тому масса. Все, что мы называем «дефицит» - это товары, цена которых значительно ниже их стоимости. А какова стоимость? О ней мы можем судить по ценам на черном рынке, но только приблизительно: черный рынок не свободен, там оплачивается риск (продавцу или покупателю) и т.п.

Обратная картинка с затовариванием. Уценка залежалых товаров – это попытка привести цены в соответствие со стоимостью.

Ага! Не может, не может социализм обойтись без свободного рынка. Насильственно пытаюсь уничтожить то, что является социальным законом, то есть законом природы, государство ведет бессмысленную борьбу. Закон берет свое, а государство от нежелания с ним считаться только теряет. К примеру, очевидная потеря – разность между государственной и черно-рыночной ценой дефицитных товаров.

А труд – тоже. Мы нормируем, нормируем, ух как нормируем! Стремимся занормировать все, чтобы – никаких упущений? А рыночная стихия – закон природы! – наводит свои порядки.

Что такое «невыгодные» работы? Да будь на них установлены трижды «научно обоснованные» расценки, делать их никто не желает. И чтобы хоть как-то наладить производство мы поднимаем расценки там, где «научная обоснованность» их занижает, мы ограничиваем фонд зарплаты, чтобы был стимул понижать необоснованные «научно обоснованные» завышенные расценки.

Но ведь делать это нас заставляют законы рынка рабочей силы! Мы сопротивляемся им, отчаянно сопротивляемся. Вместо того, чтобы понять природу, вместо того, чтобы управлять ей в тех пределах, в которых она это допускает, на основе познанных нами законов – вместо этого мы боремся, боремся вслепую, не желая видеть эти законы в упор. Это, что ли, марксизм?

Отмена нормирования, соревновательный принцип распределения работ – вот что соответствует социализму, вот что дает возможность употребить на пользу всем объективные общественные законы, действующие при социализме.

Всеобщий закон организованного развития материи

Спиралеподобный характер изменения мира во времени, так называемый закон развития по спирали приходит на ум всегда, когда исторические исследования позволяют установить определенное сходство между предшествующей и последующей формой. Обычно и у Энгельса и у Ленина - спираль дается как образная иллюстрация к закону отрицания отрицания. Но все же и сам образ спирали и интуитивно ощущаемое подобие кругового движения в развитии природы и общества наталкивают на мысль, что не закон отрицания отрицания, а

какой то более мощный, более сложный и подробный закон закручивает историю гигантским смерчем.

История движется в определенном направлении, она не возвращается и даже повторяя некоторые формы, она не может восстановить прошлое, она создает их заново и по-новому. Если это вполне понятно применительно к человеческому обществу, накапливающему знания и все шире овладевающему природой, применительно к живой материи вообще, накапливающей необходимые изменения вообще, накапливающей необходимые изменения в ходе биологической эволюции, то в отношении неживой материи необратимость исторического процесса выглядит менее очевидной. Не случайно среди различных представлений о Вселенной рассматриваются как равноправные и гипотезы "пульсирующей" Вселенной и другие модели, предполагающие полное повторение каких-либо этапов. Однако - хотя доказательства этого в основной своей части почерпнуты из социальной практики - есть основания полагать, что необратимость развития в равной мере свойственна и живой и неживой природе и вообще есть основная форма движения материи, в то время как обратимые процессы являются в определенном смысле исторической случайностью.

Сама формула закона организованного развития материи может быть представлена в следующем виде:

Сила Анизотропность

Движение Концентрация

Цикличность Разграничение

Такая формула, естественно, не излагает содержания закона и не может быть понята без пояснений, но зато отличается лаконизмом и наглядностью. Мы немедленно приступим к пояснениям этой формулы конкретными примерами - только они дают возможность приблизиться к более содержательному изложению закона.

Мы живем в вещественном мире, и несомненный интерес для нас представляет вопрос о происхождении вещества. Можно представить себе материю в довещественном состоянии - не вдаваясь в физические подробности, мы представим эту материю гиперплазмой, состоящей из элементарных частиц, различаемых ныне в атомах.

Откуда взялись эти частицы? На это мы можем ответить только, что они являются продуктом предыдущих фаз развития материи - конкретное содержание этих фаз, возможно, будет названо нами со временем. Но, учитывая бесконечность существования материи во времени, мы всегда будем вынуждены рассматривать процесс ее развития, начиная с некоторой промежуточной фазы. Поэтому пока ограничимся тем, что будем считать довещественную фазу развития материи - фазу образования частиц - в некотором смысле осуществленной.

Распределенные в пространстве частицы движутся под влиянием сил взаимодействия. Причем решающую роль играют такие силы, которые не только способствуют концентрации частиц в определенных зонах пространства, но и обладают свойством возрастать с ростом концентрации - то есть обеспечивать процесс с положительной обратной связью. Сами зоны концентрации определены первичными сгущениями частиц (причем в качестве минимального сгущения выступает уже одна частица), зоны концентрации подвержены действиям тех же сил и могут сливаться, а сама изначальная неуровновешенность сил есть следствие анизотропности пространства, обусловленной (возможно, не целиком, но главным образом) существованием в нем самих же частиц.

Все это означает, что действующие на частицы силы, неуровновешенность которых обусловлена анизотропностью, вызывают движение частиц, приводящее к росту их концентрации.

Силы, приводящие к движению частицы, уничтожаются в самом этом движении, и по мере роста концентрации скорости становятся все выше, частицы все более "разогреваются". Следствием этого являются два факта. Первое - частицы, пронизывающие на высокой скорости зону концентрации, оказываются под действием возвращающихся сил, меняют направление своего движения, их движение становится циклоподобным. Второе - непрерывное хаотическое движение порождает множество флуктуаций, то есть локальных зон с более высокой концентрацией, которые вновь и вновь становятся центрами, вблизи которых процесс концентрации обладает повышенной активностью.

В конце концов, возникают зоны где циклоподобно изменяющееся движение окончательно становится циклическим. При этом возникают циклы трех различных типов: слабые, относительно устойчивые, сверхсильные. Их различие состоит в отношении концентрации частиц в локальных зонах к общему уровню концентрации. Слабые циклы образуются в сгущениях, возникших внутри локальных зон разрежения. Так как сами зоны разрежения имеют флуктуационный характер, слабые циклы исчезают и с исчезновением этих флуктуаций - они либо разрушаются, либо видоизменяются. Если флуктуационное разряжение заполняется за счет проникновения в зону отдельных частиц, то они могут быть захвачены слабым циклом: при этом его устойчивость повышается, и при постепенном заполнении разряжения он может превратиться в относительно устойчивый цикл. Если же флуктуационное разряжение устраняется путем сближения с более концентрированной зоной, то силы, порождаемые этой зоной, могут разрушить слабый цикл, вовлечь, составляющие его частицы в свои циклы или просто высвободить их.

Относительно устойчивым является цикл, сформированный в зоне, где концентрация частиц соответствует среднему уровню концентрации. Естественно, вероятность его существования весьма высока, так как только резкие флуктуационные отклонения в близлежащей зоне могут привести к его изменению.

Сущность сверхсильных циклов так же очевидна. Они возникают в зонах, где концентрация значительно превышает средний уровень и могут быть разрушены только более мощными сверхсильными циклами. Но в общем процессе формирования циклов сверхсильным циклом отведена особая роль, к рассмотрению которой мы еще вернемся.

Общими для всех типов циклов является то, что все они обладают следующими свойствами:

-являются зоной наибольшей концентрации внутри некоторой области обладающей несколько меньшей

концентрацией;

-способны сохранять определенную устойчивость во взаимодействии с аналогичными циклами, так как для захвата частицы, уже вовлеченной в циклическое движение, требуются силы большие, чем для захвата хаотически двигающихся частиц;

-разрушаются под воздействием более мощных циклов или зон концентрации, в которых действуют силы, способные преодолеть внутренние силы цикла.

Эти свойства и определяют продолжительность существования циклов различного типа.

Теперь возвратимся к особой роли сверхсильных циклов.

Если слабые циклы могут разрушаться при выравнивании окружающего их разряжения с общим уровнем концентрации, а относительно устойчивые циклы могут быть разрушены флюктуационным повышением концентрации, то сверхсильные циклы этим причинам неподвластны. Однажды образовавшись в зоне с редким повышением концентрации, они уже не могут быть разрушены внешними силами и в соответствии со вторым свойством продолжают вовлекать частицы из внешней среды. При этом накапливаются их внутренние силы: они то и становятся разрушительными для сверхсильных циклов. Но это разрушение особого рода, оно не ведет к возврату частиц в общее хаотическое движение среды, а порождает деление сверхсильного цикла на два других цикла, причем или один из них или оба так же могут быть сверхциклами. Таким образом, с возникновением сверхциклов начинается интенсивная, массовая переработка хаотически концентрирующихся частиц в циклически связанные системы. Эти системы разграниченные между собой, так как и при существующих условиях и не разрушаются внутренними силами, и так как не имеют возможности для их наращивания за счет среды, не могут развиваться за счет соседних систем, и так как не обладают достаточными силами, чтобы вырвать частицы из их циклов.

В чем же состоит, чем определяется это равновесие сил?

Силы взаимодействия частиц, будучи уничтожены в их движении, привели к тому, что это движение превратилось в движение циклическое. Но сама заключенность движения в цикле должна порождать другую силу, ибо силу, видимо, следует понимать как противоречие между всеобщим характером движения материи и его конкретной формой. Движение частиц в циклической системе локализует в той же системе силы взаимодействия между частицами, но порождает силы взаимодействия между самими системами.

Мы можем предполагать, что образование циклов прекращается тогда, когда (или замедляется по мере того, как) неуравновешенность сил в циклах становится сравнимой с силами взаимодействия между циклическими системами.

И так, циклические системы образованы из частиц - это вещество, атомы. Неуравновешенность сил в них - это их способность к химическому взаимодействию. Силы, действующие между циклическими системами - силы тяготения.

А дальше?

А дальше начинается следующая фаза развития материи. Силы тяготения концентрируют атомы вокруг первичных сгущений. Образуются циклы и рождаются звездно-планетные системы.

Мы должны предположить, что материя развивается по многим различным направлениям - мы проследили только одну из них. Но по каждому направлению материя развивается в сторону повышения организации. Есть еще одна особенность: силы, действующие на каждой последующей фазе несравнимы ниже сил, действовавших на фазе предыдущей, но и они способны осуществлять самые чудесные превращения.

Одним из таких чудес является жизнь.

Вероятно, уже первые органические соединения обладали способностью к концентрации с положительной обратной связью и в первичном бульоне, в условиях уравнивания всех более мощных физических сил - эти слабенькие силы привели к концентрации достаточной, чтобы возник такой поразительный сверхсильный цикл, как живая клетка!

Силы, действующие на уровне живой материи, мы называем потребностями. Но и среди сил, объединяемым этим общим понятием, мы могли бы выделить силы отличающиеся на много порядков: от мощной потребности в обмене веществ до тончайших потребностей в духовном общении. И вес эти силы обладают общим свойством - положительной обратной связью в процессе концентрации.

Концентрация клеток породила свои сверхсильные циклы - многоклеточные организмы, включая и человека.

Концентрация на основе рождаемых трудом духовных потребностей породило человеческое общество.

Богатство потребностей человека породило и продолжает порождать самые различные циклические процессы, дает все новые фазы развития общества по различным направлениям.

Гений Коперника и гений Эйнштейна - разве все это возникло не по той же формуле? Накапливаемые научные факты, рост интереса определенных кругов общества к ним - и , как следствие, рост концентрации относящихся к этим фактов, но еще не ясных идей - вот условие возникновения гения. Достигая в его разуме наивысшей концентрации, идеи порождают, наконец, сверхсильный цикл - определенную систему взглядов. И этот сверхсильный цикл начинает делиться, внедряя свои подобию в сознания учеников и последователей - и так до тех пор, пока не станет достоянием всего человеческого общества.

Разве не так идеи марксизма овладевали пролетарской массой?

А само человечество? Пройдут годы, и оно так же превратится в сверхсильный цикл и будет отделять делегации для освоения соседних планет. И будет делиться своими открытиями с обладателями других планетных

систем.

Что еще позволяет предположить закон организационного развития?

Что жизнь ни в коем случае не является исключительным явлением. Развиваясь, материя достигает таких фаз на которых возникают и жизнь и разум, хотя их физическая природа может быть совершенно различной.

Что нынешний кризис ядерной физики обусловлен и тем, что она уже экспериментирует с явлениями предшествующей фазы развития материи - фазы образования частиц, - а пытается осмыслить это в понятиях более изученной фазы возникновения вещества. Это равносильно попыткам понять химические ядерные процессы на основе знания силы тяготения.

Часто процесс образования вещества в области нашего обитания, видимо продолжается - по мере поступления в эту область ни связанных в атомы частиц. При этом меняется - но медленно - и уровень концентрации. Что радиоактивные элементы, существующие ныне как сверхсильные циклы, со временем станут устойчивыми, зато некоторые изотопы окажутся слабыми и будут разрушаться, способствуя образованию иных устойчивых элементов и изотопов - такой процесс возможен и сейчас.

Что преобразование одних атомов в другие возможно, если обеспечить локальные изменение концентрации и возникновение соответствующих сверхсильных циклов.

Что катализаторы есть сверхсильные циклы на уровне химических процессов, и изучать их надо с этой точки зрения.

И, наконец, что закон возрастания энтропии не только может нарушаться, но и вообще неверен, применим только локально, ибо все, что излучается и разрушается, - становится пищей для созидательных процессов организационного развития материи.

О слиянии

В зависимости от того, какие циклы порождаются данным сверхсильным циклом, как и в какой среде идет накопление, в сверхсильном цикле может нарастать неуравновешенность сил определенного знака. В связи с этим силы между сверхсильными циклами, имеющими противоположную неуравновешенность, возрастают и вызывают в конце концов, их слияние. Результатом слияния является сверхсильный цикл с меньшей неуравновешенностью и способный в данной конкретной среде накапливать неуравновешенность наименьшими темпами.

Относительная устойчивость зависит от состава среды.

Уран в А-бомбе является сверхсильным циклом для среды с нейронами. Существует ли у каких-либо атомов (изотопов) такое же отношение к электронной, протонной среде?

Не являются ли все атомы нейтронными конструкциями? То есть не является ли пара "протон-электрон" просто особым состоянием нейрона в цикле?

Нельзя ли построить всю последовательность усложнения атомов, как цепь слияний (от изотопов водорода-гелия), зависящую от изменения состава среды по мере организации определенных частиц в простейшие циклы.

И не радиоактивны ли на луне иные элементы, нежели на земле?

ВЗОРМ - 3

Закон

Равноорганизованные сгустки материи - отталкиваются.

То же в другой форме.

Материя стремится к дезорганизации и рассеиванию.

Это - закон локального взаимодействия.

Контрзакон 1

Сила локального отталкивания преодолеваются в рамках более высокой формы организации материи.

Контрзакон 2

Сгустки материи равного уровня организации, на различной степени организации - отталкиваются в соответствии с суммарной степени организации, но притягиваются в соответствии с различием в степени организации.

Контрзакон 3

Сгустки материи притягивают сгустки предшествующего уровня организации.

Все дело в том, что мир - един. В частности это значит, что никакие процессы не существуют как полностью локализованные. Поэтому мы всегда наблюдаем совокупные действия законов локальных, присущих данной форме материи, и надлокальных - порожденных последующей организационной формой.

Но и локальные взаимодействия возможно, не самостоятельны, а зависят от среды. Те есть:

-то что, мы называем локальными законами есть законы взаимодействия организованных систем некоего уровня в среде более низкого уровня;

-надлокальные законы это законы взаимодействия, вынужденных, порождаемых систем, часто взаимодействующие системы входят в состав более высокоорганизованных систем.

Локальные и надлокальные законы принципиально отличны между собой. Действие надлокальных законов ограничено пределами суперсистемы, которая их порождает и, возможно, даже не одинаково в центральных и периферийных частях суперсистемы, то есть изменяется в пространстве. Действие локальных законов и, видимо, определяется концентрацией среды и более постоянно, более медленно изменчиво в пространственной протяженности.

Так гравитация, видимо, закон надлокальный (для нас), порожденный исключительно существованием солнечной системы (как и любой другой звездно-планетной системы), обусловленный количеством вращения, свойственной именно солнечной системе. В других звездно-планетных системах действует другая гравитационная постоянная, обусловленная количеством вращения в этих системах. В межзвездном пространстве - то есть на границе сфер влияния звездно-планетных систем, а может быть, весьма обширным межпланетном пространстве гравитация не действует вообще. Хотя там должны действовать свои силы притяжения (между звездно-планетными системами) обусловленные существованием надгалактических (едва ли галактических) форм и организации материи. Для вещественных образований, обладающих достаточной скоростью (в противном случае они не могут быть независимы от звездно-планетных образований), межсистемное пространство может обеспечивать проводимость и сверхпроводимость.

Существует вопрос о гравитационном происхождении массы. А следовательно и о том, что скорость света определяется гравитационной постоянной - в конечном счете, количеством вращения системы.

Вполне возможно, что количество вращения и энергия - вообще одно и то же, и возможно выражение

$$M = E/C^2$$

Вообще имеет универсальный смысл (при резком различии физического смысла различных критических скоростей C и аргументных количеств материи M). Мы никогда не сможем узнать лежит ли в основе всего сущего некоторое количество проматерии (m), ибо всегда будет открываться другой, более глубокий уровень и в связанных с ним представлениях m будет уже иметь почти чисто энергетическую природу, но и будет существовать свое M_1 , энергетический смысл которой может быть раскрыт опять таки только с переходом на еще более низкий уровень организации материи. И так далее. То есть движущаяся материя и энергия тождественны в самом глубинном смысле.

Тогда энергия может быть рассмотрена как универсальный, межуровневый, сквозной измеритель. Мы можем вычислить энергию солнечной системы через энергию ее элементов.

$$E \sum_{i \in S} E_i = \sum_{i \in S} m_i v_i$$

Тогда "масса" солнечной системы в мире звездно-планетарных образований определяется как

$$M_s = \frac{E_s}{c_3^2}$$

Где C_3 -это критическая скорость для звездно-планетарных образований, вообще говоря (и почти наверняка) отличная от скорости света, а "масса" имеет совсем другой, особенный, "звездный" смысл.

Среда

Возможность существования циклических систем зависит от состояния среды. Что такое среда?

Условия для циклической системы характеризуются концентрацией образований равного и предшествующего уровней организаций. Взаимодействие циклических систем определяется еще действием суперсистемы, но, видимо, этим же определяется и концентрация систем (по крайней мере, частично).

Но главное не в этом. Главное видимо, в явлении залипания. Среда низшего уровня движется, пронизывает систему своими потоками. При этом система усваивает из движущейся среды то, что способствует ее формированию, но и теряет аналогичное (необязательно отождествленное) субобразование.

Отсюда два явления: подпитка и откачка. В классическом примере на залипании (диск и две струйки воздуха) подпитка идет от одной из струек (подталкивающей), а откачка - через трение в подшипниках и т.п.

Возможно:

Сил нет.

Все вращающиеся тела (сгустки материи) движутся по кривым.

Кривизна тем больше, чем больше (?) положительность (?) среды (?) (уровень концентрации) (в силу эффекта залипания). Однако до некоторого предела.

Характер (??) вращения сгустка и характер его траектории как циклической кривой совпадают, то есть, если мы во вращающемся сгустке выделим точку, вектор скорости которой в данный момент совпадает по направлению с вектором скорости самого сгустка, то в проекции на плоскости, перпендикулярную этим векторам, последующее смещение центра сгустка (?) и данной точки будет единоподобным. Еще можно так: пусть в системе X, Y, Z сгусток движется со скоростью X а в нем имеется точка, мгновенная скорость которой равна X . Тогда

$$\frac{dY}{dZ} = \frac{dy}{dz}$$

Иными словами: вращение в одной форме порождает вращение в более высокой форме.

Тогда получается так. Если сгусток материи вращается и движется в среде (в

пространстве), где уровень концентрации (чего?) отличен от нуля, что в силу эффекта залипания его количество вращения увеличивающегося и увеличивающегося кривизна его траектории. Концентрация возрастаний в силу этого (залипание друг об друга, сгустки выходят на согласованные траектории и существенно увеличивают как возможность последующего залипания - соприкосновения, так и вероятность залипания других сгустков в той же флюктуационной зоне). Кривизна траектории растет все больше - образуются циклические системы (устойчивые циклы) и происходит разграничение.

Дополнение к ВЗОРМ

Разграниченные циклы - расходятся. Так ли это и почему?

Поведение комет. Элинность их орбит - аналог электрического заряда. В центральной части галактик, видимо, не может быть комет с сильно вытянутыми орбитами: они отрываются и уходят к соседним звездам. Высокоскоростные кометы, переходя от звезды к звезде, уходят на периферию галактики.

Вопрос. Звезда без планет и не вращающаяся!, видимо, неизбежно будет разорвана соседями, "наметана" или на части, усиливая их планетно-кометную систему.

Двойные звезды. - видимо, всерхцикл стадии распада на две планетных системы.

Вращающаяся масса (сгусток, звезда, звездно-планетная система) не должна взаимодействовать с другими массами по закону гравитации. Сила взаимодействия между ними должна зависеть и от моментов вращения. Вращение порождает силы отталкивания.

(Аналог - эффект волчка: вращающееся тело более инерционно?)

Не является ли разбегание звезд и их вращение явлением с положительной обратной связью?

Никакие циклы (циклические процессы, циклические состояния материи) не изолированы от среды, а только лишь отграничены от нее, обособлены в ней. Циклы вообще не могут существовать самостоятельно: они неизбежно сопряжены с процессами подпитки и откачки, то есть обмена с окружающей средой - и это обмен не только энергетический.

Процесс подпитки обусловлен свойствами среды, тем, что мы определяем как концентрацию. Процесс откачки, видимо более обусловлен внутренними причинами. Вполне возможно, что эти процессы вообще не могут быть сбалансированы полностью. И не являются ли силы прямым следствием дисбаланса? То есть не заставляет ли неуравновешенность обмена циклов низшего уровня испытывать тяготение к другим (неуравновешенным иначе) циклам того же уровня и гасить (опять же не полностью, но в весьма высокой степени) свою неуравновешенность, образуя циклы более высокого уровня?

Заметки.

Две массы тяготеют. Две вращающиеся (каждая вокруг своей оси!) массы должны еще и отталкиваться. Или, в крайнем случае, прекращать сближение при достижении определенного расстояния.

Всякая масса, движущаяся по эллиптической орбите вокруг другой массы, стремится заполучить в свой второй фокус еще массу. Если это случается, вращение обращающейся массы способствует сближению масс-фокусов, а ее орбита стремится стать круговой. Интересно, "сгоняет" ли Юпитер к Солнцу планеты, находящиеся внутри его орбиты?

Действует какой-то закон дискретности, определяющий не массу, а совокупно массу и момент вращения (момент -это условно, это - какая-то не вполне ясная характеристика вращения). Вращающиеся массы могут существовать только в этом дискретном ряду (видимо, для каждого района вселенной определяемого концентрацией, "плотностью"). Расхождение с дискретными значениями - неустойчиво и ликвидируется либо рассеянием, либо подпиткой до допустимого.

Скоростные массы (типа комет с очень вытянутой орбитой) не удерживаются в центре галактики, они захватывают в свою орбиту звезды, более близкие к периферии, освобождаются от первоначальной массы -фокуса - и так уходят на самые периферические звезды.

Электричества - не существует. Заряда, как особого свойства материи - тоже. Это все идущие от непонятности обозначения для скоростно-вращательного движения материи. Электрон состоит из той же материи, что протон и нейтрон. Другое дело - момент вращения, которым он обладает, а так же само действие этого момента. Электрон - это скоростной сгусток материи дочастичного уровня, аналог кометы.

Неясен вопрос о значении собственного вращения кометного тела. Наблюдаемые кометы, видимо, вращаются слабо. Но "кометы" (т.е. массы с весьма вытянутыми орбитами) хорошо закрученные могут быть и не наблюдаемыми или не отличающимися от метеоритов из-за "бесхвостости", из-за компактно сконцентрированной материи.

Если убрать от Солнца планеты, должны параллельно пойти два процесса. Солнце за счет собственного вращения должно принять линзовидную форму и потом распасться, породив новую планетную систему. С другой стороны соседние звездно-планетные системы будут разрывать его, отхватывать от него сгустки материи и могут растащить полностью. Чем завершится процесс дело случая, дело конкретной пространственной ситуации.

Возможно планетарная модель атома, построенная Резерфордом, имеет гораздо более глубокий смысл, чем это предполагалось. Не существует никаких электронных облаков и никаких протонов и нейтронов в ядре - наоборот чисто планетарная система. Другое дело, что выделить можно только сгустки, определенным образом дискретизированные. А существование "электронов" на разрешенных (этой дискретностью) орбитах может допускаться и в виде планет и в виде колец (как у Сатурна). Просто кольца это еще не сформировавшиеся планеты. Важен тот "момент" вращения, которым они обладают.

Возможно, сильные взаимодействия(или наоборот - слабые) должны быть поняты как сила стягивания, сближения фокусов под действием орбитальной массы. А слабые (или, опять же, наоборот) - как аналог гравитации на довещественном уровне. Вообще, надо понять, что законы гравитации всегда осложнены вращением. Допустимо, что гравитация в ядрах та же по природе, но не осложнена вращением электронных оболочек, а в тяготении вещества эта осложненность налицо и ослабляет ту же силу.

Эксперимент. Как будет действовать... .., если внутрь поместить не стержень, а стеклянный тубус с железными ...ками? Размажет по стенкам? Соберет к шарообразной форме?

Сила сцепления между атомами, видимо, целиком обусловлена наличием и действием совместных электронных орбит, стягивающих их как свои фокусы.

Вообще атом - это сгусток материи определенное количество движения, определенный момент вращения. Изменение температуры от 0 градусов К до парообразного состояния, но в пределах одной единицы дискретности. В плазменном состоянии избыток энергии уже сравним с этой единицей.

Валентность - наличие кометных электронов. Лактоиды и Антиноиды различаются количеством дискретных единиц во внешнем планетарном кольце. (при равенстве кометных электронов)

Кристалл - молекула, полимер.

Каждое твердое тело - в некотором смысле одна молекула (?)

Твердое тело - тело с постоянными орбитальными связями, обеспечивающими всеобщую связь (по крайней мере) каркаса, скелета.

Жидкость - тело с постоянно меняющимися орбитальными связями. Гибкое постоянно меняющееся подобие каркаса.

Газ - единого каркаса нет. Возможны не связанные между собой микрокаркасные образования.

Плазма - бескаркасна. Кометные электроны гуляют, не образуя орбит, т.е. их орбиты требуют геометрически больших размеров.

О законах.

Существуют законы материи и законы вращения равно применимые к любому уровню развития материи. Каждая конкретная ситуация описывается должным учетом взаимодействий на различных уровнях.

Шарообразность Солнца обеспечивается наличием планет. Но и шарообразность планет обеспечивается наличием солнца - однако не всегда, или не полностью. Тогда они "олиняются! И рождают себе спутники, обеспечивающие дополнительную стабилизацию. Но для этого они должны обладать достаточным моментом, количеством вращения.

Видимо в ядерных процессах возможны любые материально-вращательные образования. Но они неустойчивы и исчезают в неуловимо малые (для нас) промежутки времени. Мы фиксируем только устойчивые формы.

Валентность. Электроны могут быть конфокальными и кометными. Конфокальные - не активны. Кометные захватывают другие атомы в качестве второго фокального материального образования. Конфокальные образуют планетарную систему - в виде планет или колец на "разрешенных" орбитах.

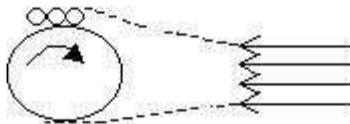
Условие уравновешенности, связанные с дискретностью, допускают для некоторых систем наличие кометных электронов, а для некоторых - только временное их пребывание. Так ли? Почему?

Эффект залипания видимо играет в природе колоссальную роль. Он фундаментален и действует на всех уровнях развития. Благодаря ему любые материальные образования, получив даже незначительный случайный вращательный момент, могут раскручиваться в обстановке, казалось бы, противодействующей этому. Так научная идея может крепнуть, получая минимальнейшую поддержку (но "залипающую"!) в обстановке общего противодействия и непонимания. Так формируются и крепнут преследуемые партии и общества.

Возможно, что планеты, вращаясь вокруг солнца, тем самым защищают его от залипающего действия космических потоков материи, принимают это действие на себя. Убери планеты - и солнце начнет раскручиваться. Но может быть, дело и не в этом. Возможно, солнце - шар, потому что орбитальное движение создает силу, стремящуюся свести сгустки материи в фокусах орбиты в одну точку.

Существует ли гравитация? А вдруг это все - эффект сближения фокусов во вращающихся системах? Световой луч действительно искривляется вблизи солнца - но что если это результат вовсе не тяготения солнечной массы, а следствие вращения планет, стремящегося загнать и свет в фокальную точку? Конечно, в этом случае тяготения на земле не следует выводить только из орбитального движения луны: оно следствие всего комплекса вращений в солнечной системе.

Эффект залипания в простейших случаях, видимо, может быть объяснен так. В зоне встречных движений образуются вихри, которые работают как шарики или ролики в подшипнике. В зоне совпадающего движения (в зоне залипания) скорости менее отличаются и энергии для образования "смазывающих" вихрей недостаточно.

Если тело m совершает циклическое движение Либо орбитальное либо, если это невозможно, то спиральное - но циклическое) вокруг двух тел M_1 и M_2 , то какие силы будут при этом действовать на M_1 и M_2 ? Видимо, для начала надо положить, что тела M_1 и M_2 взаимонеподвижны. Орбиту тела m вычисляем из равновесия сил тяготения и центробежных (инерционных). Когда силы, действующие на M_1 и M_2 , можно прикинуть как интеграл гравитационно взаимодействия с m по всему циклу.

Известно, что токи высокой частоты как бы движутся по поверхности проводника. С излагаемой точки зрения это означает, что ВЧ-колебания передаются только периферийными кометными электронами.

Эксперимент. Замерить зависимость ВЧ-проводимости в зависимости от температуры, например через включенную и выключенную эл. лампочку или спираль.

Что такое сверхпроводимость?

В обычных условиях часть энергии электротока используется на раскручивание систем. При сверхпроводимости - не расходуется.

Почему?

В условиях сверхпроводимости (СП, в УСП) системы (атомы) в каком-то смысле замкнуты, не приемлют дополнительной энергии.

Возможно, у них нет кометных электронов.

Возможно, кометные электроны занимают определенные стационарные орбиты.

Что является носителем энергии?

По порядку. При охлаждении вещество сжимается - предположим: замедление кометных электронов, сокращение орбит, стягивание захваченных масс. Кстати, вязкость твердых тел, их устойчивость к изгибу понижается, т.к. действие планетных (отталкивающее) и действие кометных (удерживающее) - все в большем противоречии. Охлажденное вещество должно легче переходить в аморфное (истинно аморфное) состояние, атомный поток (не жидкость!). Его, видимо, можно буквально растолочь алмазное состояние.

При нагревании кометные орбиты вытягиваются, дают планетарным узлам свободу, возможность искажения рисунка структуры (упругие деформации) или возможность разрушения и воссоздания иных структур (текучесть, остаточные деформации. Изменение (понятно, что есть изменение, т.к. зона действия остающихся расширяется) кометные электроны вытесняются на периферию, где способны удерживать одиночные, неструктурированные планетарки - это уже таяние, плавление - и с периферии с поверхности уже уходят цепочки планетарок с неструктурированными и случайно перескакивающими кометными связями - то есть жидкость.

Итак, первый вопрос: в чем возникает сверхпроводимость, в аморфных или кристаллических структурах?

Видимо, в кристаллических.

Тогда можно предположить, что в УСП кометные электроны сжаты орбитами соседей так, что не в состоянии наращивать свою энергию (т.е. расширять орбиту) и, получив импульс, немедленно с ним расстаются, передавая дальше.

Тогда условия сверхпроводимости это -а) сохранить кристаллическую структуру и б) лишить кометные электроны всякого дополнительного орбитального пространства.

Совпадение закона развития социальных событий и ВЗОРМ

Закон развития социальных событий (ЗРСС) состоит в последовательной смене следующих фаз:

- 1.Знание.
- 2.Организация.
- 3.Политика.
- 4.Экономика.
- 5.Социальность.

Любой относительно завершенный социальный процесс (и любая его часть!) может быть разбит на эти

фазы, представлен в виде их чередования.

Так, например, любое открытие или изобретение, сделанные человеком, требует далее определенной организационной деятельности (хотя бы изложения на бумаге), затем политической (например, отсылка в журналы и издательства с целью публикации), далее следует экономический (т.е. вообще материальный) процесс (т.е. Сама публикация - печатание, распространение и т.п.) и, наконец, социальный результат в виде обогащения человечества новым знанием, изобретением и пр.

Можно рассматривать три первых этапа, к примеру, как один этап - формирование знания (у группы: автор - издатели), тогда публикацию и ее социальное воздействие надо будет понимать как организационный этап и политику, а экономический и социальный этап будут в промышленной реализации изобретения и общественном использовании его результатов и т.п.

Можно, напротив, рассматривать в деталях: идея - обдумывание эксперимента - поиск технического обеспечения - постановка эксперимента. Социальное значение тогда заключается в том, что автор идеи (он же экспериментатор) обогатился знанием результата в качестве одиночного представителя человечества. И т.п.

То есть ЗРСС описывает любой социальный процесс независимо от его масштабов, независимо от того, в чем состоит знание (или кризис знания, заблуждения), независимо от того, имеет ли этот процесс значение для общества или остается им вообще незамеченным.

По сути дела, ЗРСС является частичным случаем ВЗОРМ, сформированным применительно к определенному - историческому, последовательному - аспекту социальных событий. И изложенным в соответствующих этому аспекту терминах.

Общая формула ВЗОРМ:

сила материя

движение концентрация

цикличность разграничение

Знание и есть сила, название популярного журнала здесь приобретает буквальный смысл. Поскольку знание возникает в мозгу субъекта, то есть связано с материальным носителем, два начальных компонента налицо. Знание, как и положено по закону является продуктом предшествующего - мыслительного - цикла, то есть результатом концентрации определенной информации, ее связывания в цикле и отграничения от остального.

Под организацией в ЗРСС понимается процесс хаотического движения первичной материальной формы под действием этой силы. Никаких существенных отличий не появляется, но концентрация (скажем, в виде познания путей) возрастает. Флюктуационно возникают действия, дающие эффект. Они и определяют некоторые избранные, отличные от других формы действий - происходит образование циклов (повторяемых действий) и, наконец, сверхциклов - действий, отобранных для настойчивого повторения. Это и есть Политика.

После этого начинается активный процесс переработки в сверхциклах всего материала, пригодного и доступного для переработки - он отождествляется с экономикой. И, наконец, когда массовая, лавинообразная переработка утихает в связи с иссяканием первичного материала - социальный эффект налицо.

Замечания: Политика воплощается в действии ("в экономике"), но это не значит, что она сказывается на всем материальном мире, на всем производстве и т.п. Чтобы оповестить весь мир о некоторых фактах (организация) достаточно иногда дать сведения одному из телеграфных агентств (политика) и через сутки - другая новость появится во всех газетах (печать - экономика) и отработает свое социальное воздействие на все читающее человечество. На этом данный частный процесс и закончен. Это, в частности, означает, что высокая концентрация для развития определенных витков орг. развития возникает не за счет действия выступающих в них сил, а является побочным следствием действия других сил, ведущих свою концентрирующую работу.

Диалектика развития партии

Стадия 1

Поиск единомышленников и разработка генерального направления.

На первом этапе выдвигаются идейные лидеры различных категорий.

Вожди. Это люди, сочетающие в себе единую систему политико-экономических взглядов, то есть устойчивое мировоззрение, со способностью находить различным общественным (и особенно внутривнутрипартийным) настроениям точное место в этой системе, выявлять политическую связность этих настроений и достаточно понятно излагать это. В силу этого вожди становятся выразителями идей целой общественной структуры, члены которой обладают менее четким, но близким по духу и логике мировоззрением.

Соратники. Это вожди, но вожди второй категории. Они обладают значительно более слабой способностью прогнозировать последствия тех или иных общественных построений и устанавливать их взаимосвязи. Обладая не столько логикой активного мышления, сколько логикой понимания, эти люди становятся соратниками тех вождей, чья активная логика им наиболее понятна, созвучна. Взаимопонимание, параллелизм мышления способствует возникновению взаимной симпатии (весьма критической со стороны вождей-I). Временные разногласия с вождями-I как правило способствуют укреплению связи, так как основываются на частном непонимании и снимаются после достаточных разъяснений. Соратники (или вожди-II) обладают хорошо развитой логикой интерпритации и охотно используют ее для разъяснения другим идей, порожденных вождем-I. В этом состоит мотив их самоутверждения. Сталкиваясь с ситуацией не разъясненной вождем-I, то есть не поддающейся интерпритационным решениям, переживают это очень болезненно, замыкаются, но некому не уступают права на ее решение - в этом источник всех их ошибок.

Категория соратников включает водей второго типа различных рангов. Для всех их свойственна высокая глубина убежденности, а ранг, то есть положение в партийной иерархии, определяется глубиной понимания, развитостью мировоззрения. Таким образом соратники имеют своих соратников и так далее.

Сподвижники. Или вожди-III. Люди, обладающие живым умом и воображением, но мировоззрение которых лишено сколь бы то ни было четких очертаний. Как правило выбирают направление наиболее понятное - наиболее доступное пониманию масс. Становятся хорошими организаторами, выступая как интерпритаторы-импровизаторы. Любят внимание масс и обладают личным обаянием. В теоретическом смысле абсолютно бесплодны и несколько этим не огрчаются. Зато порождают массу лозунгов и организуют массовые действия, очень полезные для дела, с которыми они себя связали. Наличие в движении вождей III является гарантией (точнее: верным признаком) его успешности. Не теряются ни в какой обстановке, решение ищут, обращаясь к массам. Никогда не придают значения грызне между вождями высших категорий, в случае размеживания выбирают ветвь, ориентируясь на массы.

Задача коммунистической партии - впитать всех таких вождей, а это значит постоянно снабжать их выигрышными идеями: передовыми, понятными, жизненными. При отсутствии притока идей сверху вожди-III быстро переключаются на решение чисто бытовых проблем (хотя и различного масштаба), причем проблем того круга, в котором протекает их деятельность.

События развиваются так. Вначале - публичная полемика между вождями-I и, частично, вождями-II, которые выступают в роли ортодоксов. Затем - формирование групп вокруг вождей-I и выход на массы. При этом мировоззрение вождей-I испытывается на:

- состоятельность;
- способность к порождению эффективной политики.

При этом пропагандистами выступают и вожди-I и вожди-II, но на наиболее перспективном направлении инициативу в этом вопросе у них быстро перехватывают вожди-III, что и обеспечивает развитие, массовость движения.

В дальнейшем развитие может идти и с переменным успехом, с переходом лидерства от одного направления к другому и с неизбежным при этом перетоком вождей-III. Происходит и некоторое перераспределение вождей-II, которое имеет также видимость перетока, но не является таковым, а связано с поиском надежной мировоззренческой базы.

В конечном счете, победа обеспечивается успешностью по второму критерию, а устойчивость зависит от первого критерия. Отсюда более или менее регулярные успехи левых сил и столь же регулярные их провалы (под левыми силами здесь вполне определенно понимаются левые крылья всех даже самых реакционных политических течений).

Отсюда, кстати, вывод: агитационная составляющая политики всегда должна быть левее, чем практическая (действенная в целом); сначала левый лозунг, затем деловая с минимумом левизны интерпритация, а вслед - опять же левое, левейшее разъяснение. Истинно левым должно быть оставлено только то наилевейшее, несостоятельность которого демонстрируется доступными средствами.

Стадия 2.

Собственно момента победы не существует. Это некоторый период, на протяжении которого происходят победные переломы в важнейших областях общественной жизни. Этот период завершается тогда, когда события становятся необратимыми в одном общем смысле - в смысле утверждения данного направления.

Однако в каждом конкретном деле существует свой перелом, который делит его на две стадии. Поэтому в переломный период действия по одним вопросам еще находятся в первой стадии, по другим - во второй, никаких промежуточных форм в конкретном виде не существует.

На второй стадии в движение вливаются еще две категории активных деятелей. Назовем их условно: оргдельцы и очковтиратели.

Вожди-III черпают свои силы и находят удовлетворение в признании масс. Передовые идеи движения помогают им преуспеть в этом - но тем самым их деятельность способствует успеху движения.

Оргдельцы похожи на них, но признание масс для оргдельцов не самоцель, а средство получения личных благ, путь к удовлетворению неких личных потребностей. Именно поэтому они не стремятся участвовать в движении на первой стадии - там получать еще нечего. Объективно они тоже полезны - если только их личные устремления не съедают всю эту пользу. Поэтому, используя их в деле, чрезвычайно важно ограничить их личные возможности. И - встречная опасность, которая заключается в том, что, будучи урезанными в личных интересах,

они теряют интерес к работе вообще. Максимум пользы от них получается, если их деятельность направляется и контролируется вождем-II, причем интеллектуально не уступающим вождем. При широком развороте позитивной, утверждающей деятельности без опоры на оргдельцов не обойтись.

Там, где вожди-II недостаточно сильны, существенную роль играют очковтиратели. Абсолютно равнодушные к идеологической стороне дела, а часто и противостоящие движению по своим убеждениям, они создают видимость деятельности - и тем прикрывают свои личные интересы. Они выслуживаются, и чем большей ловкостью обладают, тем большего личного успеха достигают. А дело они спокойно топят в демагогии и дезинформации. Приписать чужие удачи себе и спихнуть свои дефекты на других - вот их основные занятия. Они готовы стать поджигателями, лишь бы выйти на первое место по тушению пожаров, они расходуют миллионы, создавая рекламу конечным делам. Они рапортуют.

Они играют спектакль для вышестоящих, гримируясь под деятелей иных категорий - кому что по способностям.

Кстати, при капитализме нет отбора удачливых политиков: их подбирают бизнесмены по деловым качествам - отбор на удачливость проходят сами бизнесмены, капиталисты, и это жестокий отбор, при котором удачливость и деловая состоятельность тождественны.

При определенных условиях в социалистическом обществе очковтиратели вступают в соревнование на удачливость с организаторами иных категорий: связь политики с делом не так-то просто прослеживается. И одерживают немало побед.

Следует различать империализм государственный и империализм экономический

Исторически произошло наложение этих периодов, происходящих вообще-то в параллельных цепях событий. Из-за этого различия в их природе часто просто не отмечается, это приводит к ошибкам: одному процессу приписывается причинная связь со следствиями другого.

Империализм государственный - это феодализм, перешедший на более высокую ступень. На этой ступени в качестве сеньоров, феодалов выступают группы людей, иногда весьма значительные. Например, Великобритания в роли сеньора Британской империи. Чаще всего в качестве идеи, отделяющей сеньоритарную часть от остального общества используются расизм. Национализм - но это не обязательно: могут быть и другие идеи - религиозные, политико-партийные, вообще любые идеи, позволяющие выставить непреодолимые цензы, ограничения для вступления в элиту. Такие сеньоритарные группы стремятся обеспечить свое благосостояние крепостнической эксплуатацией остальной части общества.

Экономический империализм есть международный монополизм, явление чисто буржуазное. Он ведет свою борьбу не в обществе, а в какой либо экономической отрасли, подавляя и подчиняя конкурентов средствами экономического нажима. С обществом он предпочитает не конфликтовать.

Распространенной ошибкой является приписывание войн империализму экономическому. На самом деле экономические империи ведут только экономическую борьбу, правда, не брезгуя подкупом, промышленным шпионажем, использованием государственного влияния.

Войны ведет, в войнах нуждается более отсталый государственный империализм. Это - реликт, отмирающий пережиток прошлого; свидетельство тому - самораспад колониальных империй. Но он продолжает оставаться опасным, в частности - на базе социализма. Тут очень необходима добывающая организационная идея.

А. Б. РАЗЛАЦКИЙ

4 небольшие работы А.Б.Разлацкого

1

Марксизм учит нас понимать исторические процессы как движение масс. На каждом этапе истории интересы одних людей могут совпадать, интересы других - разнятся, вплоть до непримиримых противоречий. Люди стремятся осуществить свои интересы в обществе - при этом нередко их осуществление невозможно без ущемления интересов других людей. В результате в обществе формируются группы людей, интересы которых совпадают, не противоречат друг другу; даже стихийные действия таких групп неизбежно преобретают более или менее взаимосвязанный, организованный характер. Само же разделение на группы обусловлено тем, что интересы представителей различных групп, а, значит, и самих групп, не совпадают, не могут удовлетворяться одновременно. Группы постоянно ведут борьбу между собой за право осуществлять свои интересы, хотя далеко не всегда эта

постоянная борьба выражается в открытых столкновениях. Положение сильно осложняется тем, что в большинстве случаев интересы одних групп удовлетворяются не ликвидацией групп, им противостоящих, а только лишь подавлением их интересов, принуждением их к действию во имя интересов другой группы.

Такие группы постоянно существуют и возникают в обществе на основе самых различных интересов, но решающую роль в истории играет существование и борьба классов - больших социальных групп, особые интересы которых обусловлены различием в формах присвоения общественных благ, а основные ресурсы для борьбы состоят во владении определенной доли производительных сил общества, то есть в возможности непосредственно влиять на общественное производство.

2

Видимо, еще в среде древнейших антропоидов стали появляться индивиды, склонные отвлеченному мышлению. Может быть, это и предопределило возникновение и развитие человечества. Во всяком случае история интеллигенции, как категории индивидов, способных приподняться над конкретностью бытия, едва ли короче истории человечества.

Первые орудия труда и современная промышленность, применение огня и ядерная энергия, колесо и ракета - всеми своими открытиями и достижениями человечество обязано интеллигенции.

Обряды, мифы, рисунки на скалах и музыка, литература танцы, живопись - этим странным неоценимым наследием человечество тоже обязано интеллигенции.

Суеверия, шаманство, софистика, религия, чернокнижие, алхимия, мистицизм - всеми своими заблуждениями человечество тоже обязано интеллигенции всех времен.

Что же это получается? Вся история человечества и есть история интеллигенции? А где же остальное человечество?

Вот так и получается. Все вехи истории, связанные с техническими и культурными поворотами в судьбе народов, расставлены интеллигенцией. Не просто человеческим трудом и мыслью - хотя, конечно, не без их участия - но именно усилиями людей с определившейся склонностью к абстрактному мышлению.

А в промежутках между этими вехами человечество перевозило на давно открытых колесах ранее известную руду, привычным уже способом выплавляло из нее металл и ковало плуги, по опыту дедов пахало землю и выращивало зерно традиционных сортов. И тем самым накапливало и преумножало материальную культуру, которая ныне досталась в наследство нам.

Не то, чтобы совсем независимо, но и не сливаясь, протянуты к нам две нити ответа, накопленного тысячелетиями. Обычно мы не видим двух линий, не замечаем и различий опыта, хотя опытом пользуемся и тем и другим. Но у нашей невнимательности есть объективные причины. Так же, как и сам факт наличия двух исторических линий, эти причины будут ясны из дальнейшего.

Две параллельных линии развития - линия развития интеллигенции и линия развития остального человечества, занятого более прозаическими делами - породили две системы взглядов на мир, сформировали два отношения к нему, выработали два подхода к явлениям окружающей нас действительности.

Вот об этих подходах мы и поведем далее разговор. Один из этих подходов мы будем называть творческим, другой - созидательным. Как и в выбранных терминах, в самих подходах много общего, но все же они не тождественны.

Все тонкости различия этих подходов в будущем, вероятно, станут предметом серьезных исследований. Потребность общества в такой работе с годами, видимо, будет возрастать, и со временем это направление должно привлечь внимание исследователей - без этого не осуществить грядущего стирания граней между физическим и умственным трудом. Но сейчас мы должны хотя бы продемонстрировать тот факт, что различия действительно существуют, хотя бы наметить основные особенности рассматриваемых переходов.

Предварительно попробуем пояснить выбранные термины. Мы называем творческим подходом подход, выработанный интеллигенцией, созданный в историческом развитии определенной частью общества, склонной к отвлеченным логическим построениям. Созидательный подход - термин для обозначения подхода, сложившегося в повседневной практике человечества, в его трудовой, производственной практике. Попытаемся наметить их сходство и различие. Когда мы говорим "творить художественное произведение" или "создавать художественное произведение" - в этом не чувствуется большой разницы. Но вот уже в выражениях "сотворить чудо" и "создать чудо" ощущается громадное расхождение. Мы великолепно понимаем, что, например, цирковой иллюзионист не творит чудес - он их создает при помощи специальной аппаратуры и отработанных многолетними тренировками манипуляций. Сущность отмеченного несоответствия состоит в том, что созидание всегда предполагает некоторую материальную основу производимого действия, тогда как творение, творчество гораздо более внимательно к идеальной стороне процесса.

Видимо, понятие, привычнее для восприятия было бы назвать эти подходы научными и практическим или даже прагматическим; многие так и будут воспринимать их различие. Но это неверно, это только будет мешать пониманию. Оба подхода имеют практическую направленность, оба обладают богатой, хорошо развитой методологией. Правда, созидательный подход пока еще не так богат научной литературой, но это ничего не решает.

Теперь по существу. Почти все, что каким-то образом изложено, все, что представляется нам как сумма знаний, накопленных человечеством - продукт творческого подхода. Дело не в том, что все фиксируемое на бумаге автоматически становится достоянием творческого подхода. Просто для созидательного подхода такой способ передачи знаний мало приемлем. Попытки сделать это, исходящие от людей, владеющих творческим подходом,

приводят к специфическому для творческого похода отбору информации - при этом специфика созидательного подхода полностью исчезает. Не случайно поэтому время от времени к открытиям приводит анализ давно известных фактографических документов: факт-язык созидательного подхода, и добросовестная фактография иногда оказывается гораздо богаче современных ей теорий.

Человечество тратит массу времени, усилий и средств на передачу знаний очередным поколениям. Созидательная деятельность человечества кроме материальной культуры имеет и идеальный продукт: всю совокупность функциональных знаний и здравый смысл. Передача последующим поколениям и того и другого не требует от человечества специальных забот - все это в ходе жизнедеятельности передается естественным путем. Знания творческого подхода преподаются индивидуально - наука созидательного подхода передается от массы к массе нерасчлененной. Следует еще сказать, что, если совокупность преподносимых знаний определяет творческий подход, то объем освоения и тем более применения знаний диктует здравый смысл, то есть индивидуальный уровень усвоения созидательного подхода.

В одной недавней дискуссии о науке и лженауке один ученый в качестве критерия научности выдвинул требование воспроизводимости результатов. И немедленно получил отпор со стороны здравого смысла: что же по-вашему шаровой молнии не существует? И вообще: творческий подход в области статистических закономерностей, он хорошо освоил маршрут частное-общее-частное, но теряется при столкновениях с единичными, исключительными явлениями. Созидательный опыт к исключениям относится зна.: ?

3

В настоящее время в практике отечественных и зарубежных общественных организаций существуют выборные руководящие освобожденные оплачиваемые должности. Так, видимо не должно быть. Есть очевидная нелепость в том, что важные для всей организации решения принимаются человеком (людьми), который находится в положении, существенно отличающемся от положения остальных членов организации.

Именно в таком положении находятся исполкомы, президиумы и т.п.

Должно быть совершенно иначе.

Занимая выборный пост - вплоть до самых высших, - человек не должен менять своего социального положения и не от чего не должен освобождаться. Он не должен получать никаких средств, за исключением разве минимальной компенсации в тех случаях, когда он не может выполнить свои выборные обязанности не в ущерб тому делу, которое дает ему заработок. Но с другой стороны для облегчения ему работы должен быть нанят определенный штат, выполняющий все технические дела. Люди, входящие в этот штат не должны ни избираться, ни даже быть равноправными членами организации - они должны быть наемными служащими, оплачиваемыми и ответственными за свою работу. Никакие решения по существу руководства организацией им не должны доверяться.

С такими людьми должен заключаться договор на срок от выборов до выборов. По желанию выборного руководства технический штат должен заменяться, ибо руководитель может нормально работать только со штатом, которому доверяет.

Что касается актива, помогающего деятельности руководящих органов - то он, наоборот, должен формироваться из неосвобожденных членов организации и безо всякой оплаты. Если этот актив и на сознательной основе и бесплатно примет на себя хотя бы часть технической работы - это хорошо, но это должна быть высочайшая сознательность, гарантирующая полную ответственность за исполнение порученного. В противном случае предпочтительнее наемные служащие, для которых ответственность прямо связана со средствами к существованию.

4 Относительное обнищание пролетариата

В этом вопросе много разнобоя и много поправок к Марксу. Особенно популярен тезис: абсолютного обнищания, конечно, нет, а вот относительное: Далее довольно вульгарная трактовка: богатые богатеют, бедные (рабочие) богатеют медленнее.

Это, разумеется, правильно. Но неубедительно.

Первобытный человек получал (и потреблял) все, что производил.

Развивается производство, техническая оснащенность труда. Но человек-то должен получать все, что производит!

Предприниматель прошлого века с капиталом в 100 тысяч имел предприятие с 10 рабочими. Он желал 20% прибыли на свой капитал и получая их. Он платил рабочим по 2 тысячи в год. То есть 20 тысяч рабочим, каждый рабочий получал половину того, что производит.

Предприниматель с капиталом в 1 миллион может иметь механизированное, автоматизированное предприятие с теми же 10-ю рабочими. Допустим, он удовлетворяется прибылью в 15%. Пусть он платит рабочим (более квалифицированным) 3 тысячи в год. Тогда у него 150 тысяч, у рабочих 30 тысяч. И рабочий получает одну шестую от им производимого.

Вот в этом и обнищание. $1 > 1/2 > 1/6$; не в натуральном количестве - оно зависит от уровня развития производства, а в том, что человека ограбляют на $5/6$ им созданного. Это - абсолютное обнищание.

Уголовный кодекс социалистического государства

Статья 1. Преступления против пролетариата караются расстрелом.

Статья 2. Лица, ведущие антиобщественный образ жизни, направляются на трудовое воспитание в трудовые лагеря I, II или III ступени.

Примечание. Условие последующего перехода в лагерь более высокой ступени - год безупречной работы в лагере данной ступени. Трудовые лагеря III ступени предусматривают свободный выбор производственной деятельности при условии казарменного содержания и контроля над свободным временем. Лагеря I и II ступени предусматривают полное ограничение свободы.

Статья 3. К работникам творческого труда, находящимся (или находившимся ранее) на буржуазных условиях оплаты, кроме мер, перечисленных в ст.1 и ст.2, применимы следующие меры воспитательного воздействия:

- увольнение в отставку;
- увольнение с сокращенным пенсионным обеспечением (или сокращение пенсионного обеспечения);
- увольнение без пенсионного обеспечения;
- конфискация имущества.

Примечание. Применение к работникам творческого труда статей 1 и 2 влечет обязательную конфискацию имущества.

Статья 4. Поведение лиц, находящихся на воспитании в трудовых лагерях, также может рассматриваться народным судом с применением статей 1 и 2 настоящего Кодекса.

Статья 5. При определении общественной опасности деяний подсудимых народный суд руководствуется собственным опытом, всей доступной суду информацией о жизни подсудимых и пролетарской совестью.

Мирный переход от капитализму к социализму возможен, но только при наличии определенных экономических предпосылок. А именно тогда, когда капиталист будет раздавлен экономически под прессом, с одной стороны – конкуренции на товарном рынке (со стороны социалистического производителя), с другой стороны – на рынке рабочей силы (по той же причине) или давлением требований собственных рабочих, равняющихся опять же на социалистические условия.

Без экономической победы над капитализмом никаких мирных политических переходов быть не может. Нужно чтобы организующая сила социалистической собственности превысила организующую силу капиталистической собственности и доказала это реальным экономическим успехом.

Наша страна - социалистическое государство, то есть государство переходного периода, и потому оно соединяет в себе черты обоих этих государств.

Все производительные силы страны, все ее ценности и природные богатства безраздельно принадлежат промышленному пролетариату, организованному как класс. Классовыми интересами пролетариата определяются все организационные структуры общества.

Экономической основой нашего общества служит монопольный государственный капитализм. Государству поручается управление всем народным хозяйством от имени пролетариата, в интересах пролетариата и под контролем пролетариата. Государство организует наем управляющего персонала и рабочей силы с целью обеспечения максимальной эффективности производства для удовлетворения материальных и духовных потребностей пролетариата и поддерживает наиболее эффективную систему стимулирования деятельности всех трудоспособных членов общества в интересах пролетариата.

Политической основой нашего общества является диктатура пролетариата: только пролетариям, людям, занимающимся непосредственно репродуктивным трудом и не имеющим иных источников дохода, принадлежат в нашей стране политические права во всей их полноте. Все остальные слои общества пользуются политическими правами в границах, определяемых пролетариатом в соответствии с его интересами. Пролетариат наделен диктаторскими полномочиями в установлении и отмене свобод, представленных непролетарским слоям, в соответствии с меняющимися интересами пролетариата и социальной ролью этих слоев. Право избирать в какие бы то ни было органы, участвующие в выработке политики государства, предоставлено только пролетариату и не может быть распространено ни на какие иные социальные слои.

Общественно-политическая деятельность в стране допускается только для пролетарских организаций. Эти организации могут привлекать к сотрудничеству непролетарские элементы общества, но без предоставления им права решающего голоса. Сотрудничество с непролетарскими элементами в целях, противоречащих классовым интересам пролетариата, запрещается.

Только пролетариату предоставлено право иметь партию.

Прибыль (т.е. прибавочная стоимость за вычетом расходов на госнужды и на интеллигенцию) поступает профсоюзу.

Из этого фонда оплачивается тарифная ставка рабочим, не задействованным в плановом и внеплановом производстве. Профсоюз же использует в этом случае рабочих для работ по повышению культуры труда, быта и т.п.

Внеплановое производство – это вовлечение неиспользуемых в плановом производстве рабочих и оборудования в производство товарной продукции (из отходов планового производства или побочного сырья). Заработок рабочих во внеплановом производстве не должен превышать заработка в плановом производстве. Цены на неплановую продукцию – по спросу. Прибыль – профсоюзу. Всей участвующей интеллигенции – поощрение в зависимости от прибыли.

Администрация (интеллигенция) обеспечивает техническое (технологическое) и коммерческое руководство и контроль за качеством, профсоюз – организацию работ.

Техническое и коммерческое руководство комплектует директор (т.е. государство). Организационное – профсоюз. Организаторы отвечают за безусловное выполнение технических требований, за качество.

Рационализация проверяется при разработке за счет профсоюза и предлагается технологу, стоящему выше по уровню, чем разработчик технологии. Принятие предложения влечет денежный начет на технолога – разработчика. Прибыль – профсоюзу, определенная (малая) доля всей администрации.

Марксизм есть не только передовая наука, но и революционное мировоззрение одновременно

Этот тезис повторяется тысячекратно. Но для аналитического ума он не выглядит убедительной аксиомой, тем более, что мир современной философии выдвигает массу школ и направлений, числящих себя марксистскими, но не слишком озабоченных революционной борьбой. То, что обвиняют в "псевдомарксизме" - ни в чем не убеждает: это обвинение само является производным от той же неубедительной аксиомы.

Гораздо легче воспринимается такая оценка. Марксизм, диалектический материализм - это наука, доказательно предсказывающая пути развития общества, определяющая противоборствующие в нем силы. А выбор собственной позиции в этой борьбе - это уже вопрос этический, это - личное дело каждого. Для многих этого хватает. На деле же остается масса "повисших" вопросов. Что такое этика, этический выбор? Как, под влиянием чего формируется та или иная позиция. Этично ли ускорять ход событий, бороться за приближение будущего?

Выход, однако, не в уточнении понятия этики, не в потоке ответов на многочисленные "висячие" вопросы. Просто тезис, предложенный вначале - верен; верен абсолютно! Не надо смотреть на него как на аксиому: он доказывается лаконично и убедительно.

1. Марксизм (материализм вообще) есть передовое знание, наука, не то чтобы полностью свободная от заблуждений, но способная преодолевать любые собственные заблуждения. Человек, объявляющий себя марксистом, уже пропагандирует эти знания хотя бы собственным авторитетом, не говоря о том, что он может вести и активную пропаганду.

2. Различные слои общества и - главное - рабочий класс, приобретая материалистические знания (особенно экономические и социологические), все яснее осознают свое положение в обществе. У рабочего класса это неизбежно порождает осознание необходимости изменить существующее положение, понимание того, что у него достаточно сил, чтобы занять главенствующее положение в обществе - те есть порождает революционное движение пролетариата.

3. Пропагандировать марксизм (то есть с неизбежностью: рабочее движение, пролетарскую социалистическую революцию) и бороться против революционного движения или хотя бы не поддерживать его - это эклектика, это глупость, это уж никак не марксизм. Надо либо последовательно идти до конца - то есть, содействуя становлению диктатуры пролетариата пропагандой знаний, содействовать и все остальным, либо отвергать революцию и соответственно категорически отказываться от пропаганды материалистических знаний.

Самое ядовитое на втором пути - это пропаганда под видом марксизма идеалистических теорий, противостоящих революционному движению. Это - наглый обман, откровенная подлость, борьба обманом за собственное господство или в угоду правящему классу.

В этом свете очень понятен критерий Ленина, который неоднократно говорил, что тот не марксист кто не доводит своих убеждений до признания диктатуры пролетариата. Тут нет вариантов. Либо быть марксистом и всемерно бороться за диктатуру пролетариата, либо марксистом не быть. А уж по подлости, по личному ли заблуждению - это вопрос второстепенный. Либо знания и пролетарская диктатура - либо обман, фальсификация науки, мракобесие и буржуазное общество, свобода для избранных, права человека и главное право обманом угнетать, эксплуатировать других.

Принципы диалектики

1. Первое - это единство мира.

2. Мир единичен, единствен и целен. Он - материя, движущаяся в пространстве и времени.

Этому тождествен закон всеобщей взаимосвязи явлений в природе.

Два следствия о противоречиях

Следствие 1. (онтологическое) Мир непрерывно изменяется, он не может быть изучен полностью как некая данность. Любая его конкретность противоречива, так как продолжает изменяться.

Следствие 2. (логическое) Мы не можем постичь мир сразу целиком, не выделяя в нем отдельных предметов. Но каждый предмет несет все свои связи с остальным миром, и эти связи принадлежат его сущности. Никакой предмет не существует вне своих связей со всем миром, этим определена его неотделимость от мира. Любой предмет оказывается в этом смысле тождествен всему миру, а гносеологически знание о любом предмете тождественно всей совокупности знаний человечества вообще.

[Если рассматривать мир как универсум. И, объединяющий все предметы, то из этого прямо следует

$$A \equiv U$$

то есть

$$A \equiv A \vee \bar{A}$$

(это дезъюнктивное, а не конъюнктивное соединение!)]

2. Второе: сущность познания.

Человечество (и человек) не есть аппарат для абстрактно-последовательного постижения мира. Мы стремимся к постижению мира в той мере, в тех направлениях, в каких это существенно для нашего бытия, для нашей жизнедеятельности.

Только это и позволяет нам делать невозможное: выделять отдельные предметы, выделять из бесконечного множества их связей те, которые подлежат исследованию.

Результатом этого является то, что, будучи неспособными получить единое знание о едином мире, мы способны сколь угодно продвигаться в этом направлении, приобретая частичные знания.

Следствие этого - конкурентность истины. Мы отбрасываем бесчисленное множество сторон познаваемого, потому что они несущественны для нас сегодня, сейчас. Завтра это может измениться.

3. Всеобщая противоречивость мира и познания.

Мир противоречив тем, что непрерывно изменяется. Любая устойчивость в нем временна, неустойчивость - постоянна. Мир постоянно ликвидирует свои неустойчивости, приходя к более устойчивым формам, но и те не являются абсолютно устойчивыми - и поэтому процесс изменения бесконечен.

Следствие: непрерывное развитие мира. Движение вспять к менее устойчивым формам невозможно, кроме локальных флюктуационных явлений.

[Особо: всеобщий закон организационного развития материи - закон неуклонного убывания энтропии]

Наше знание противоречиво вдвойне, так кроме собственных противоречий мира включает и противоречивость нашей локализации исследований.

4. Мир постижим в его развитии.

Это главный принцип именно материалистической диалектики. В отличие от предшествующих форм познания, изучавших временно устойчивые формы, диалектика выдвинула на первый план историзм. Для человечества существенно не только то, применимы ли практические его знания сегодня, но и то будут ли они применимы завтра, какие факторы оно должно учесть, чтобы внести изменения и т. п.

Диалектика сама представляет собой единство исторического и логического подходов. Но если логические законы были изучены ранее, то исторические законы, законы развития диалектики пришлось извлекать непосредственно из исторического опыта человечества. Их три:

закон единства и борьбы противоположностей;

закон перехода количества в качество;

закон отрицания отрицания.

Эти законы есть предельно абстрагированное отражение протекающих во времени процессов, это законы развивающегося материального мира.

Следует еще заметить, что это законы имманентного развития противоречий. При их применении важно точно выделять существенные противоречия исследуемого процесса (и существенные противоположности, стороны этих противоречий). И наоборот, при наличии определенных противоположностей очень важно точно определить какому явлению они принадлежат, ибо именно к этому явлению и относятся законы развития. Здесь важно ясно понимать, что при правильно определенной ситуации устранение одной противоположности одновременно приводит к устранению и второй противоположности и всего явления в целом. Например производительные силы буржуазного общества и капиталистические производственные отношения есть противоположности в рамках капиталистического производства, есть стороны его и только его внутреннего противоречия. Противоречие между классом капиталистов и пролетариатом есть противоречие буржуазного общества.

Внешнее воздействие одного объекта на другой всегда можно осмыслить как связь этих объектов, в которой некоторые их свойства проявляются в качестве противоположностей. Но в этом случае только к этой связи, а не к самим объектам могут быть применены законы диалектики.

5. Формальное (аристотилево) логика безусловно верна.

Она является абстрактным отражением законов природы, доступных непосредственному опыту человека и полностью подтверждается многовековым опытом человечества. Диалектика принимает ее целиком, не подвергая ни малейшему сомнению.

Проводимая многими авторами мысль о том, что диалектика рассматривает формальную логику, отказывается от нее - это чистейшая иллюзия, заслоняющая суть дела.

Общая формула формальной логики такова: если такие то предпосылки верны, то верен и полученный вывод.

Диалектический подход, никоим образом не разрушая этой формулы, всего лишь указывает:

1). Предпосылки не могут рассматриваться как абсолютные. В них неизбежно содержатся внутренние противоречия, так как они есть некоторые конкретные знание о мире, которое не может не быть противоречивым. Значит под каждой предпосылкой надо подразумевать и ее противоположность, которая и может оказаться более существенной при определенных условиях.

2). Достаточно богатая система логических построений, вытекающих из некоторого набора предпосылок, может столкнуться с тем, что полученные в ней выводы и не будут соответствовать реальности. Иначе говоря, выводы, соответствующие некоторым реальным фактам, могут быть получены только путем замены некоторых предпосылок на противоположные.

3). Любая логическая система, верно описывающая ряд фактов и столкнувшаяся с тем, что некоторые выводы противоречат реальным фактам, может быть путем замены исходных предпосылок приведена в такой вид, что все известные факты будут соответствовать выводам получаемым в новой системе.

Не трудно заметить, что все три указания суть специфические отражения трех исторических законов диалектики. Иначе, это те же законы, отнесенные к историческому процессу развития самого нашего логического знания о мире. И не случайно в формулировке указаний содержатся такие диалектические моменты, как "может столкнуться", "может быть приведена" - сами эти моменты возникают только в ходе развития логического знания, их нет, как не может быть и противоречий, в случае статического существования логической системы.

В дополнение следует сказать, что вся - абсолютно вся - математика тождественна формальной логике. Иными словами, она есть приложение формальной логики к некоторым набором формальных предпосылок, коорые называются постулатами, аксиомами. Соответственно: все аксиомы внутренне противоречивы. Это относится и к тем областям, где аксиоматическое построения еще не завершено, не оформлено: просто там аксиомы неявно тоятся в объясняющих рассуждениях.

6. Диалектика есть искусство

Законы развития, являющиеся важнейшей составной частью диалектики, обладают скорее разрушительной чем созидательной силой для нашего знания. Они предсказывают только неизбежность непредсказуемых изменений, столкновения с неведанными ранее явлениями. Это естественно, это говорит о том, что конкретное знание о мире не может быть получено оприорно, оно формируется только через восприятие и логическое осмысление новых свойств, новых сторон мира.

Само же логическое (формально-логическое) осмысление фактов тоже не может происходить без разрушительного влияния диалектики. Мы не можем осмыслить факты, вступившие в противоречие с нашим знанием, иначе как разрушив представление о существенности принятых нами постулатов, исходных предпосылок.

Возникает необходимость поиска новых постулатов. Знание диалектических законов помогает в этом, но не позволяет формализовать сам процесс поиска. Тут отказывают и законы развития и формально-логические законы, так как с разрушением предпосылок и разрушается вся формально-логическая система прежнего знания. В новой системе факты (выводы), ранее связываемые непосредственно, могут оказаться в многократно опосредственной связи и наоборот.

Однако в завершеном (на каком либо этапе) знании все факты оказываются представленные в строгой и непротиворечивой формально-логической системой. Работа ведется до тех пор, пока все противоречия не будут упрятаны внутрь постулатов. Такое представление не является единообразным. В некоторых случаях мы удовлетворяемся введением постулатов такого вида: "некий закон действует до такого то предела, а далее действует другой закон". Это не значит, что в последствии не будут найдены предпосылки, позволяющие описать всю гамму явлений единым общим законом. Так до возникновения теории относительности (т.е. до построения ее постулатов) физики вынуждены были разграничивать динамику в механических процессах и в световых явлениях.

Формально процесс познания можно бы представить следующим образом. Имеется неограниченный набор абстрактных предпосылок и вся бесконечная система формально-логических выводов из них. Они образуют некую бесконечную сеть. Задача исследователя состоит в том, чтобы разместить все известные факты в узлах этой сети, т.е. в точках, где размещены предпосылки и выводы из них. При этом необходимо:

чтобы некоторыми абстракциями взаимно-однозначно соответствовали определенные свойства реальных явлений;

чтобы число предпосылок для получения всех выводов, соотнесенных с фактами было минимальным.

После этого все выводы, связанных с незадействованными предпосылками отсекаются, оставшиеся

предпосылки на основе установленных взаимно-однозначных соответствий истолковываются в естественно-научном смысле, а выводы, имеющиеся в формальной системе, но не связанные ни с какими фактами, также истолковываются в естественно-научном смысле и рассматриваются как основа для решающих контрольных экспериментов, способных подтвердить или опровергнуть полученную формально-логическую систему (т.е. теорию).

Тут многое можно бы формализовать и на практике, если бы не оказывалось, что в работе по установлению взаимно-однозначной связи между свойствами и некими абстракциями мы встаем перед абсолютно аналогичной схемой действий. Поэтому успех дела часто решается удачной догадкой об общности природы каких-либо свойств, явлений.

7. Социальное значение диалектики.

Нигде в природе революционные изменения, приводящие к неизвестным ранее результатам не совершаются с такой интенсивностью как в сознании людей, в общественных отношениях, в преобразуемой человеком природе. Социальная реальность заставляет исследователя постоянно вести перестройку логических систем.

Если еще учесть, что организованные классовые действия пролетариата, его революционная практика вообще невозможны без надежной материалистической теории, то решающее значение диалектики становится очевидным.

Отдельный лист из архива А.Б.Разлацкого

Роль роста организованнысти общества в процессе развития и смены общественно-экономических формаций.

Тот факт, что сознание вторично по отношению к бытию, не означает, что сознание полностью подчинено бытию и не способно творчески воздействовать на бытие, преобразовывать его. Бытие определяет сознание, но не как нечто неизменное, а определяет его со всеми присущими ему творческими возможностями, определяет и сами эти возможности - возможности изменять бытие, а как следствие и самоизменяться, поскольку измененное бытие определяет уже новое, измененное сознание.

Развитие живой материи вообще связано с усложнением ее организации. Эта же особенность играет решающую роль и в более высокой форме движения материи - в общественном сознании.

Отдельный лист из архива А.Б.Разлацкого

Ухудшение условий существования всегда является толчком для революционных общественных преобразований, для значительных шагов в развитии общества.

Во-первых, на возникающие трудности общество всегда отвечает усилением коллективных связей, что резко поднимает его способность к массовым, коллективным действиям. Во-вторых, переход на более высокую ступень общественного развития дает возможность раскрыться новым общественным силам, и эти силы оказываются решающими не только для преодоления возникших трудностей, но и для качественно нового подъема материальной базы общества вообще.

Общими причинами ухудшения условий существования служат:

- ухудшение природных условий или исчезновение каких-либо ограниченных природных ресурсов;
- рост численности населения и связанное с этим падение доли каких-либо природных ресурсов, приходящейся на душу населения;
- развитие потребностей общества, приходящее в противоречие с возможностями их удовлетворения.

Кроме этого, решающую роль в отдельных случаях могут сыграть и причины, не имеющие столь общего характера: военная обстановка, порождающие кризис классовые или правительственные действия, последствия ошибочной политики.

Отдельный лист из архива А.Б.Разлацкого

Основной закон бытия в период формирования статуса вождя в первобытно-общественном строе и в начальный период рабовладения.

Условие: ухудшение условий существования.

Присвоение монопольными владельцами организационных знаний прибавочного продукта, создаваемого общественной группой в процессе коллективной деятельности, организованный на базе этих знаний.

Продукт: наследственное право,

аппарат принуждения.

[скотоводство и земледелие]

Полное присоединение рабовладельцем продукта, создаваемого рабами, и распределение его необходимой для воспроизводства части между рабами и силами принуждения.

Продукт: товарообмен

товарное производство, ремесла

вооруженная организация

Ранний феодализм

Присвоение главами вооруженных организаций прибавочного продукта, создаваемого общественными группами, проживающими на территории, патронируемой вооруженной организацией, и распределение его части между членами вооруженной организации.

Продукт: право частной собственности на землю

право частной собственности вообще

государственность как система принуждения

Поздний феодализм

Присвоение помещиками-землевладельцами прибавочного продукта, создаваемого трудом частично принадлежащих им земледельцев на принадлежащих им землях.

Продукт: развитие государственной иерархии и налоговой системы

формирование государственных сил принуждения как средства защиты классовых интересов и утверждение частной собственности

-25-

СОСТАВ ПАРТИИ

И еще об одной стороне отношений между партией и обществом - о пополнении партии, о ее составе, то есть о самом ее существовании.

Партия кооптирует в свой состав, набирает себе членов из общества. Партия проводит селекцию, отбор таких людей, которые ей нужны, полезны в качестве членов, которые способны принять на себя от старых членов все задачи, все обязанности партии.

В этом коммунистическая партия не отличается от других партий, а также от различного рода обществ с ограниченным приемом. Отличие состоит не в форме, а в другом - в критериях отбора.

Коммунистическая партия принимает на себя обязанность быть выразителем интересов всего общества - отсюда и первое требование: способность концентрировать в своих интересах интересы общественные. Это требование имеет глубочайшее содержание и немало важных следствий. Ошибкой является подмена в формуле этого критерия интересов общественных интересами партийными - она ведет к самоослепению партии

Сознание масс, как и сознание всякого субъекта, действующего в истории, проявляется в действии масс. Однако, если мы рассматриваем в качестве субъекта личность, то видим единство сознания и действия: они тут связаны непосредственно. С массами дело обстоит иначе.

Масса - это люди, это - множество разобщенных сознаний. Чтобы эти сознания образовали единое целое, необходимо чтобы между ними установилась связь - тем более сложная, чем к более сложным действиям она приводит.

Простейшая связь - прямое подражание - может породить только примитивные действия типа панического бегства или зверской расправы. Более сложные связи реализуются путем обмена идеями, побуждающими к действию каждого. А формулы этих идей не рождаются сами по себе.

Для того, чтобы массы обрели способность к действию, необходимо чтобы их не вполне осознанные, но вполне реальные интересы концентрированно отображались в сознании какой-либо личности и приобрели вид лаконичной формулы. Это формула - идея, лозунг, призыв, принцип - и становится тем связующим звеном, которое, доходя до сознания каждого, совмещается с не вполне сознательной до этого личной потребностью, превращается в индивидуальное побуждение к действию.

Историческое движение масс, даже на небольшом отрезке, состоит из множества разнообразных

действий и, следовательно, требует целого комплекса идей - также исторически последовательных.

Те люди, которые с высокой активностью улавливают интересы масс и генерируют формулы идей, принимаемых массами к исполнению, выделяются самой массой из общей среды, становятся ее вождями. Непременным условием такого выделения является постоянная подтверждаемость идей практическими результатами действия масс. Успешность такой проверки предоставляет вождю возможность все более действительного влияния на массы.

Естественно, что формулы идей носят весьма общий характер: они должны охватывать интересы всей массы. Но из-за этого они становятся труднодоступными для отдельных индивидов, так как требуют непосильно сложной интерпретации в программу конкретных действий. Отдельные личности, более способные к пониманию идей, становятся их интерпретаторами в конкретных условиях; они как бы генерируют их заново в более конкретной - а значит и в более доступной для определенной части массы - форме. В своей части массы это люди также выделяются в качестве вождей. В результате формируется иерархическая структура лидерства, которая и приводит всю массу в согласованное действие.

Способность к генерации идей, доступных определенным слоям этой иерархии дана не каждому и неодинаково у тех, кому дана. Поэтому всех людей, способных играть роль лидеров в массах можно разделить на пять категорий или типов.

Вождь-I - это центральный источник идей. Он черпает идеи непосредственно из состояния, жизни, движения масс. Но сила и значимость его все же не в этом. Прежде чем выступить со своим изложением идей вождь-I выстраивает их в прочно связанную единую систему, выделяет принципиальные положения, устанавливает их взаимосвязи, отображающие реальные взаимодействия в природе и в жизни масс. Восприятие фактов у него никогда не имеет непосредственного характера: он прежде всего находит факту место в своей системе, а уже из этого выносит соответствующие оценки и решения.

Естественно, что социальная значимость такого вождя зависит от соответствия системы, построенной в его сознании, реальной жизни и сознанию массы, с которой он связывает свою деятельность. При неадекватности такой системы вождь-I может быть отвергнут массой - это не заставит его изменить систему. Он скорее - может быть, абсолютно бесплодно - будет искать другую массу, массу, соответствующую его убеждениям. Особенно трагичным является тот случай, когда выстроенная система сориентирована на такие свойства массы, которые масса еще не приобрела, которые только еще приобретает в своем историческом развитии. Преждевременность идей - это их неправильность, несоответствие логике истории, утопическое заблуждение. Но такой анахроничный вождь не в состоянии этого понять. Он не способен быть полезным массе и будет только самовлюбленно злорадствовать, когда придет время реализации отвергнутых ранее идей.

Зато наличие у вождя-I системы идей, адекватной реальности, делает его социальное значение неизмеримым. Такая система рождает высочайшую точность оценок в самых, казалось бы, необычных ситуациях, позволяет находить парадоксальные и единственно верные решения. Правда, социальная роль такого вождя зависит и от физиологических особенностей его мышления и от характерно значимой она остается в любом случае.

Вожди-I способны легко сходитьсь между собой - но только при полном совпадении принципиальных положений в их системах. Влияние малейших расхождений по хотя бы второстепенным, но принципиальным вопросам неизбежно приводит к разрыву отношений, и ставит массы перед необходимостью выбора. Иногда тот выбор очень труден и сбивает массы с верного пути, потому что всегда он интерпретируется как выбор между близким и реальным, но частичным успехом и борьбой за более отдаленный полный успех, достижение которого выглядит проблематичным.

Вожди-I всегда испытывают потребность в наиболее полном доведении своих убеждений до сознания масс. Чем полнее система их взглядов внедряется в сознание масс, тем более сложные их идеи могут рассчитывать на понимание масс и воплощение в действиях масс. Поскольку выдвигаются идеи, соответствующие реальности, поскольку всегда решающее значение приобретает общий рост уровня культуры масс и борьба с религией и различными заблуждениями, искажающими сознание масс оценку исторической ситуации.

Вожди-II так же, как вожди-I, мыслят "от системы", так же строят оценку фактов, находя им место во взаимосвязанной совокупности принципиальных положений.

Но, в отличие от вождей-I, они не испытывают необходимости в построении оплной системы, отображающей все важнейшие связи окружающего мира, - для действий их вполне удовлетворяет детальная проработка взаимосвязей в сфере их интересов. Как правило они охотно расширяют проработанный участок, используя для этого не только свои, но и чужие системные разработки. Если вожди-I, рассматривают чью либо проработку участка системы пропуская через собственное сознание все обнаруженные взаимосвязи и включают чужую проработку в состав собственной системы, только согласившись с ней по всем пунктам (зачастую это означает полную переработку, переосмысление) то вождь-II легко воспринимает чужие построения, если согласен с ними в некоторых опорных построениях. Не каждому вождю-II удастся при этом избежать эклектичности, но эта опасность невелика, если круг интересов вождя-II достаточно узок.

Вожди-II всегда признают лидерство вождей-I, если только их собственные системные построения вписываются полностью в систему лидеров и даже когда в их построениях требуется доступная их пониманию перестройка. Если между вождями-I выделится борьба по вопросам, лежащим вне сферы собственных интересов конкретного вождя-II, то он понимает ее сущность с большим трудом, хотя и стремится занять вполне определенную позицию - иногда это убежденно примиренческая позиция.

Бывает, что обстоятельства вынуждают вождя-II занять место вождя-I - вождь-II удовлетворительно

справляется с этой задачей, если прошел хорошую школу или располагает достаточно большими богатыми материалами о системе взглядов вождя-I, линию которого он продолжает. Естественно, опасность срыва тем больше, чем большее разнообразие ситуации предполагает история, особенно вне собственных построений вождя-II.

Вожди-II часто проявляют себя безукоризненными интерпритаторами идей вождя-I применительно к конкретной обстановки, особенно, если их действия находятся под надежным контролем и соевременно корректируются вождем-I.

Вождь-I всегда знает, чего он хочет, какой он должен сделать выбор. Вождь-II знает это в большинстве случаев. Но вождь-II всегда принимает на себя ответственность, если этого требуют обстоятельства. Его решение всегда однозначны, и если они оказываются ошибочными, вождь-II не ищет оправданий. Однако указания на ошибки он способен принять только от признанных им вождей-I.

Вождь-III - самая интересная фигура в любом массовом движении. Это - то, что ныне называется "неформальный лидер" коллектива, это - заводила, инициатор непосредственного действия. Вожди-III - это люди, главным интересом которых является собственная социальная значимость, признание окружающих. Ради завоевания такого авторитета они прилагают массу усилий. Они охотно берут на вооружение любые приемы - лишь бы это способствовало их популярности. Они чувствуют себя тел счастливее и увереннее, чем охотнее коллектив откликается на их призывы.

В политическое движение вождей-III толкают отнюдь не убеждения. Просто, по мере того, как массами овладевает потребность политического действия, они начинают замечать, что политические лозунги расширяют их влияние на коллектив неизмеримо сильнее, чем умело рассказанные анекдоты или озорные проделки. Обладая обостренным чутьем к вниманию массы, они интуитивно отбирают из множества политических идей именно те, которые нужны массе сегодня, которые отражают ее интересы. Это и приводит вождей-III в политическую партию, выражающую интересы масс накрепко связывают идеями с соответствующими вождями-I и II. Партия, которая вовлекает наибольшее количество вождей-III, приобретает наиболее тесную связь с массами обеспечивается поддержкой масс. Но борьбу за вождей-III партия может вести только одним способом - предлагая им идеи, отражающие реальную потребность масс.

Массы критикуют идеи действием, отказом от их поддержки. Опыт вождей-III позволяет им предвидеть возможность такого поворота событий. Поэтому критика со стороны вождей-III должна обязательно учитываться и вызывать если не снятие каких-либо идей, то, по крайней мере, поиск для них формы, делающей их доступными для масс.

Вожди-III всегда самокритичны. Им нельзя быть иными: их ошибки немелдленно проявляются в ослаблении, потере популярности. Поэтому в труднопонимаемых случаях они предпочитают выпустить поводья из рук, предоставить массе сделать свой выбор. В большинстве случаев - это правильный путь, но иногда он никогда не приводит к непоправимым ошибкам.

Можно проследить резкое различие вождей-I и вождей-III в отношении к массе. Вождь-III чувствует себя тем уверенней, чем активнее и безаговорочней масса следует его воле. Вождь-I, наоборот, именно в таких условиях испытывает наибольшую растеренность. Ему совершенно необходимо различать в настроениях масс сталкивающиеся тенденции, только это позволяет ему генерировать идеи, отражающие интересы той же массы. Соответственно прямо противоположно обозначены для этих типов вождей и кризисы и подъемы.

Кроме этих трех основных типов социальных лидеров существуют еще вожди-IV и V, использование которых так же неизбежно в широком амссовом движении.

Оба эти типа обладают некоторым сходством с вождями-III, но социальное признание является не единственным и не главным их интересом.

Вожди-IV так же борются за популярность, но сознают, что это дает им не только авторитет, но и личный доступ к определенным благам. Участвуя в общем деле, беспокоясь за его результаты, они всегда беспокоятся и о себе - там, где это, по их мнению, общему делу не вредит. Любую уступку собственным эгоистическим интересам они стараются компенсировать активностью в общественных делах и способны даже отказаться от личных приобретений, если это угрожает их социальному положению. Но если обстоятельства не вынуждают их к отказу от личных благ, эти лидеры все больше и больше прирастают к благам, сохраняя организационную деятельность в качестве прикрытия.

Вожди-V менее всего обеспокоены общими интересами, они рвутся к личным благам. Организационную деятельность они рассматривают как средство их достижения. Они не нуждаются в популярности больше, чем это необходимо их корыстных целей, и ищут самый легкий способ достижения этого уровня. Они могут ограничиться лишь видимостью деятельности или прямым очковитательством, если это достаточно для прикрытия их личных дел.

Конечно, вожди-IV и V появляются не в пору становления идей, а значительно позже, когда идеи уже набрали силу, когда их влияние на массы окончательно утвердилось. Частично их ряды формируются из вождей-III, ставших обладателями такого влияния, за которое уже ненужно бороться, но в большей мере их ряды заполняются перебежчиками из лагеря побежденных или выделяются из самой массы.

Отказаться от услуг этих вождей массы не могут: их организационные способности нужны - и особенно массам победившим. Но чтобы они не превращались в нахлебников в обнаглевших экспроприаторов, масса всегда должна заботиться о том,

чтобы наиболее четко определить для них условия, в которых получение личных благ зависело бы от общественной полезности их работы, с лихвою перекрывалась бы ее результатами. Успех в выработке таких условий - это и есть результат политической борьбы, а прощел - может отбросить массы вновь на исходные позиции.

О рынке рабочей силы

Принцип равной оплаты за равный труд, или «каждому по труду», предполагает возможность сравнивать труд количественно.

После Октябрьской революции основным является стремление сравнивать труд непосредственно. В первом полугодии – по времени работы: оказалось неэффективно, вообще безуспешно. Затем – сдельщина. Дает реальный результат в одном виде производства. Но производства между собой несравнимы. Да и в пределах одного вида сравнимость достигается не всегда. Различие условий, например, технического оснащения, все разрушает.

Где же выход? Нормирование, нормирование, нормирование... 60 лет крутится карусель нормирования.

А как при капитализме? Надо читать Маркса. Труд всех видов находит сравнение в стоимости. Стоимость есть мера, есть эквивалент общественно полезного труда. А что такое стоимость? Стоимость есть математическое ожидание цены на свободном рынке. Вне свободного рынка нет сравнения общественной полезности, нет возможности установить стоимость.

А что у нас? У нас нет свободного товарного рынка с колеблющимися ценами. Мы строим цену исходя (якобы) из реальных трудозатрат. Но при такой твердой и принудительной цене нельзя ничего узнать о сравнительной общественной полезности товара, следовательно, нельзя получить никакого представления о стоимости товара. Примеров тому масса. Все, что мы называем «дефицит» - это товары, цена которых значительно ниже их стоимости. А какова стоимость? О ней мы можем судить по ценам на черном рынке, но только приблизительно: черный рынок не свободен, там оплачивается риск (продавцу или покупателю) и т. п.

Обратная картинка с затовариванием. Уценка залежалых товаров – это попытка привести цены в соответствие со стоимостью.

Ага! Не может, не может социализм обойтись без свободного рынка. Насильственно пытаюсь уничтожить то, что является социальным законом, то есть законом природы, государство ведет бессмысленную борьбу. Закон берет свое, а государство от нежелания с ним считаться только теряет. К примеру, очевидная потеря – разность между государственной и черно-рыночной ценой дефицитных товаров.

А труд – тоже. Мы нормируем, нормируем, ух как нормируем! Стремимся занормировать все, чтобы – никаких упущений? А рыночная стихия – закон природы! – наводит свои порядки.

Что такое «невыгодные» работы? Да будь на них установлены трижды «научно обоснованные» расценки, делать их никто не желает. И чтобы хоть как-то наладить производство мы поднимаем расценки там, где «научная обоснованность» их занижает, мы ограничиваем фонд зарплаты, чтобы был стимул понижать необоснованные «научно обоснованные» завышенные расценки.

Но ведь делать это нас заставляют законы рынка рабочей силы! Мы сопротивляемся им, отчаянно сопротивляемся. Вместо того, чтобы понять природу, вместо того, чтобы управлять ей в тех пределах, в которых она это допускает, на основе познанных нами законов – вместо этого мы боремся, боремся вслепую, не желая видеть эти законы в упор. Это, что ли, марксизм?

Отмена нормирования, соревновательный принцип распределения работ – вот что соответствует социализму, вот что дает возможность употребить на пользу всем объективные общественные законы, действующие при социализме.

Будет ли построен коммунизм?

Из черновиков А.Б.Разлацкого
Год написания 1977 (ориентировочно).

Вопрос сегодня не праздный.

Те, кому положено отвечать, отвечают: «Будет». – А когда? – «Ну, когда высокий уровень сознания... материальная база... производительность труда... сознательное отношение к работе... в быту...»

Не-е-ет, вопрос на сегодня очень не праздный.

Потому что не будет ни коммунизма, ни уровня сознания, ни производительности труда. Не будет, если мы не построим это сами, все вместе – кирпич к кирпичу, дощечка к дощечке.

Ну, хорошо, строить так строить – мы и строим. Строим?

Как бы не так! Да последнюю четверть века мы только и делаем, что с этой великой стройки тащим по домам краску и кафель. Вот как строим!

Отчего бы так?

Оттого, что кирпича на стройке нет. Нет кирпича, и строить не из чего. Из краски стену не построишь.

А кирпич в нашем деле – это идеи. Не великие, но понятные. Которые знаешь как взять и к какому месту приложить. И без кирпича нам – ну никак!

А кирпича на стройке нет. Нет, и все тут. Ни красного, ни силикатного – никакого.

Где же его взять?

У идей один источник – это народ. Это мы с вами, разговоры наши и анекдоты, дела наши, даже те, которые не всегда и делами-то прилично назвать. Но это не кирпичи, это – глина.

Кирпичом эти идеи может сделать только партия. Она их умеет и отформовать, и обжечь. И конвейер у нее отлажен. Но отлажен он только на одно – на идеи, идущие от центра, от руководящих органов.

Глину надо найти, лопатой наковырять, руками размесить. Иными словами, в центре идей нет, не будет и не может быть.

Потому что, став партийным руководителем, человек связь с обществом, с массами, с народом утрачивает. Если он хороший руководитель, конечно. Потому что хорошему руководителю и в своей партийной среде дел невпроворот. А если руководитель не только делами занят, но и с низами поговорить время находит, идеи ищет, да и постоянно, а не от случая к случаю – такого руководителя мы будем любить. И очень уважать. Но наверх ему ходу не будет, потому что кадры подбирают по деловым качествам. И тот, кто подбирает, твердо знает что делу на пользу, а что – во вред.

Да и сами посудите: сколько ступенек надо до верха пройти, а это – годы и годы. Если и сохраняться какие идеи, так и те мохом порастут.

И пытаются верха пустить на конвейер те крохи, которые по случаю сохранились. И обижаются: несознательный, мол, нынче пошел народ – мы им моральный кодекс, а они нам фигу с маслом. Как же это?

А народ – он всегда сознательный. Несознательного народа не бывает. Только что ж его учить, как запрягать, если у него и лошади нет, а купил он мотоцикл с коляской. Он рассуждает с большим понятием: если я, мол, возьмусь за моральный кодекс, а сосед за ведро с олифой, то мне, того и гляди, этой самой олифы может не хватить. А что в кодексе написано, что олифа для дела – так это ж только написано: кирпича-то все равно нет!

Так построим мы коммунизм? Или нет?

Не этот вопрос надо решать, вот что. А решать надо вопрос с глиной и кирпичом.

Если мы не решим вопрос о конвейере, который глину в нужное место доставляет, то глины в нужном месте никогда и не будет.

А доставлять идеи могут только люди, которые улавливают их в живом общении со всем народом, которые умеют прочесть их в народном сознании и представить их в виде партийной политической программы.

Нужна, необходима в партии дорога, которая выводила бы этих людей непосредственно к посту идейного руководителя партии, минуя весь частокор административных партийных постов.

Чтобы двигались по этой дороге люди, не высиживая очередного повышения, не растрчивая найденных идей, не теряя связи с народом, а только обогащаясь от общения друг с другом.

И когда будет налажен этот конвейер, когда пойдет по нему глина идей, обретая форму в пути, и начнет возвращаться кирпичами, горячими от жара партийных сердец, тогда дело стронется.

И некогда будет тащить в свой дом олифу, краску и кафель, потому что пойдут кирпичи полным ходом – только поспевай укладывать.

И мы коммунизм построим.

Относительность массы

Эйнштейн установил зависимость массы от скорости. Но это было сделано слишком давно.

Известно, что материя переходит в энергию. Какой именно вид материи?

Можно ли какое-либо вещество полностью перевести в форму энергии?

Не переходят ли в энергию только отдельные особые элементарные частицы второго порядка («частицы энергии»), входящие в состав массы вещества?

Возможно ли вещество, не обладающее этими элементарными частицами?

Какую долю эти частицы составляют в общей массе вещества?

Можно ли выделить эти частицы? Получить «концентрированную энергию»?

Вопросы пока без ответа.

Возможен постулат:

Энергия есть одно из состояний материи.

Но тогда масса не мера инерции тела.

Масса есть потенциальная энергия тела. (?)

Так ли? Не входит ли в понятие массы и кинетическая энергия?

Масса есть мера энергетического запаса тела. (?)

Т.е. передвинув тело вверх по вертикали, мы увеличиваем его массу.

Что такое тогда $\frac{mc^2}{2}$?

Формы материи: (?)

Твердое вещество

Жидкость

Газ

Плазма

Энергия (?)

Если энергия атомной бомбы при взрыве равна A , если при взрыве исчезает масса

$M_{нач} - M_{конечн} = m$,

Не будет ли равенства

$A = \frac{mc^2}{2}$?

Но что значит здесь « m »?

Если $A = k \frac{mc^2}{2}$, и $k < 1$

то $A = \frac{mv^2}{2}$, где v – скорость эл. частиц.

А если $k > 1$?

Математически первый вариант постулата

$A = \frac{mc^2}{2}$, т.е. $m = \frac{2A}{c^2}$ (?)

Возможно, однако, что

$A = k \frac{mc^2}{2}$, где $k < 1$

Второй вариант постулата:

Энергия есть одна из форм материи.

Или: Масса есть состояние одной из форм материи.

А если $k > 1$?

Кстати: действие законов инерции ограничено – спутник ($v \sim 8$ км/сек) выходит из зоны действия этих законов относительно земли как тела. Но сохраняются законы относительно земли как материальной точки.

При более высоких скоростях масса земли уже не создает основной (центральной) действующей силы, но создает отклоняющую (косвенную) силу, т.е. воздействует на тела, но эта сила, наверное, убывает с увеличением скорости.

Из записок А.Б.Разлацкого

1. А есть ли уверенность, что пространство везде измеряется одной и той же мерой? Если, скажем, считать скорость света постоянной и равной 300 000 000 м/сек для любого пространства, то в любой ли точке пространства $1/300\,000\,000\text{ С}$ будет соответствовать эталону метра. Ведь возможно, что мера пространства (линейная) не есть величина постоянная, или наоборот, непостоянна скорость света применительно к линейной мере.

2. При достижении субсветовых скоростей масса движущегося тела значительно возрастает. На этом основана невозможность передвижения со скоростью света, т.к. $m \rightarrow \infty$. Но ведь при этом мы измеряем массу и скорость по отношению к земле (вернее, к Солнечной системе). А если измерять скорость по отношению к другому телу, которое само движется относительно земли со скоростью $\sim c$? Она будет близка к нулю или равна ему. А масса? Очевидно, следует говорить о скорости ракеты относительно тела, в зоне влияния массы которого она находится (опять то же!). Но ведь получается как будто так, что чем выше скорость, тем меньше радиус зоны влияния. Значит, при субсветовых скоростях, превышающих орбитальные скорости спутников близлежащих звезд, ракета может оказаться вообще вне их зон влияния и иметь $m=0$! Ракета без массы! Не значит ли это, что то, что движется со световыми и субсветовыми скоростями, само есть свет или нечто ему подобное?!!

Социализм побеждает

Социализм побеждает в тех странах, которые имеют жизненный уровень ниже жизненного уровня стран социалистического лагеря. По крайней мере, в некоторых из них.

По сути, перед слаборазвитыми странами, освободившимися от колониального ига, стоит альтернатива: либо интенсивное капиталистическое развитие с выходом на уровень ведущих капиталистических стран, либо социалистический путь - присоединение к социалистическому лагерю и выравнивание с ним за счет интернациональной помощи. Второй путь выбирается, если первый трудно осуществить.

Присоединение слаборазвитых стран способствует общему снижению жизненного уровня в странах социалистического лагеря. В результате этого снижения некоторые страны - кандидаты на социалистические преобразования оказываются по уровню относительно выше и закрепляются в капиталистическом мире.

Только когда сильнейшие капиталистические страны останутся позади, когда их рабочие почувствуют себя нищими по сравнению с трудящимися социалистических стран, станет возможным завершение мирового процесса социалистических революций.

Для этого социалистическое производство должно развиваться гораздо интенсивней. Социализм представляет такие возможности, но пользоваться ими мы не умеем.

Утверждаю

Прокурор Куйбышевской Областной

Государственный советник юстиции

III класса

_____ А.В. _____

" ____ " сентября 1982 года

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(по уголовному делу N 1833)

по обвинению:

Исаева Григория Зиновьевича

Разлацкого Алексея Борисовича в

Совершении преступления предус-

мотренного частью I статьи 76

УК РСФСР

В октябре 1979 года Управлением КГБ СССР по Куйбышевской области бывшей инженер производственного объединения завод имени Масленникова Исаев Г.З. был официально предупрежден о недопустимости политически вредных суждений, которые он в ущерб интересам государственной безопасности СССР распространял среди окружения.

26 сентября 1980 года в оперпункте милиции Железнодорожного района города Куйбышева у гражданина Саушкина В. _ обнаружена и изъята общая тетрадь с рукописным текстом на листах под названием "Кому отвечать?", содержали клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, который, как показала проверка, изготовлял в целях распространения Исаевым Г.З.

Эти и другие материалы, поступившие 10 декабря 19__ года в следственное отделение УКГБ СССР по Куйбышевской области свидетельствовали о том, что Исаев Г.З., несмотря на ранее сделанное предупреждение, своих политически вредных действий не только не прекратил, а еще более активизировал их и на протяжении ряда лет занимался антисоветской деятельностью.

14 декабря 1981 года в отношении Исаева Г.З. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью I статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. 15 декабря 1981 года одновременно с Исаевым задержан в порядке ст.122 УПК РСФСР и его сообщник Разлацкий А.Б., а 18 декабря 1981 года они оба арестованы.

(т. I л.д. I - 40)

Предварительным следствием установлено, что Исаев Г.З. и Разлацкий А.Б., будучи враждебно настроены к существующему в СССР государственному и общественному строю, Разлацкий, начиная с 1976 года, Исаев с 1977 года и по 1981 годы в целях подрыва и ослабления Советской власти систематически в письменной и устной форме в городе Куйбышеве проводили антисоветскую агитацию и пропаганду: лично и совместно со своими единомышленниками и сообщниками изготовляли, распространяли, а также хранили с целью распространения литературу и документы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, призыв к свержению Советской власти и Коммунистической партии Советского Союза. Вступив в преступный сговор между собой, обвиняемые Исаев Г.З. и Разлацкий А.Б. приняли практические меры к реализации указанных преступных намерений, ставя своей задачей максимально расширить круг лиц, среди которых распространять свои антисоветские идеи и подбирать из числа этих людей единомышленников.

(т. I л.д. 77-84, 167-194, 198-214, 326-344)

Так, действуя в целях подрыва и ослабления Советской власти, Разлацкий в 1976 году изготовил и размножил в пяти экземплярах антисоветский документ под названием "Манифест революционно-коммунистического-движения", в котором содержится клеветнические измышления на внутреннюю политику КПСС, мероприятия Советского правительства в области экономики страны, систему выборов в СССР, а также призыв к свержению КПСС и замене ее другой партией по образцу и схеме, выработанных им - Разлацким, а в 1977 году ознакомил с ним Исаева Г.З., который полностью одобрил этот документ, по сговору с Разлацким дополнительно размножил его в одном экземпляре и ознакомил с ним жителя города Куйбышева Алферова О.С.

В 1973 году с участием Разлацкого Исаев написал так называемые критические заметки к указанному

"Манифесту революционно-коммунистического движения", в которых наряду с одобрением его антисоветского содержания, клеветнически утверждал, что в Советском Союзе в результате "тихого незаметного контрреволюционного переворота" утрачена диктатура пролетариата и якобы государственная власть в стране принадлежит "советской буржуазии" в лице "администрации", находящейся в противоречии с интересами рабочего класса. При этом к "администрации" Разлацкий и Исаев относили высшие и местные органы государственной власти и управления СССР, а также КПСС. С этим документом антисоветского содержания Исаев в 1981 году ознакомил того же Алферова и передал ему на хранение.

Действуя в тех же целях подрыва и ослабления Советской власти, в 1977 г. Разлацкий с участием Исаева изготовил антисоветский документ "Кому отвечать?", состоящий из разделов: "Кого спросить?", "Откуда берутся вопросы?", "Где искать ответ?", "Кто задает вопросы?". В этом документе возводится злобная клевета на советский государственный и общественный строй, деятельность КПСС и Советского правительства, излагается программа борьбы с Советской властью. В нем так же возводятся заведомо ложные измышления на профессиональные союзы, их роль в Советском государстве, функциональные права и решения политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов, предусмотренных Конституцией СССР. Как одной из форм борьбы против существующего в СССР государственного строя, содержится призыв к организации массовых забастовок на промышленных предприятиях страны, к созданию штаба забастовки и новых профсоюзов, а также к свержению Коммунистической Партии Советского Союза и замене ее другой подпольно созданной партией с целью подрыва политической и экономической системы СССР. Этот антисоветский документ Разлацкий подписал псевдонимом "А.Ясень". По своему содержанию и характеру антисоветский документ "Кому отвечать?", изготовленный Разлацким и Исаевым, является перепевом подобных же прокламаций-инструкций лидеров польской контрреволюционной организации "Солидарность".

Руководствуясь установками Разлацкого на размножение и широкое распространение среди советских граждан документа "Кому отвечать?", а также и других, изготовленных ими антисоветских документов, Исаев по договоренности с Разлацким собственноручно размножил в шести экземплярах клеветнический документ "Кому отвечать?" и при содействии гражданина Чиняева С.В. организовал изготовление еще двух машинописных экземпляров. В период 1977-1981 г.г. Исаев по поручению Разлацкого распространил этот документ среди широкого круга лиц, ознакомив с ним Алферова О.С., Гребенкина А.В., Булгакова В.В., Дьяконову Г.Н., Кучканова В.П., Кортикову Т.П., Константинова Г.В., Маркина В.П., Харитонову М.П., Сысова Г.М., Саушкина В.Ф., Чиняева С.В., Кирильцева В.Ф., а так же обвиняемого по другому делу Капарова М.И. По предложению и настоянию Исаева Алферов, Гребенкин, Дьяконов, Саушкин, Кортикова, Капаров переписали по одному экземпляру этот антисоветский документ. Кроме того, по настоянию Исаева гражданин Алферов ознакомил с этим документом жителей города Куйбышева Чижова В.Г., Чижовук Н.Ф., Федорова В.В., жителя города Саратова Биткина И.Д., а гражданин Гребенкин ознакомил с этим документом жителя города Тольятти Мисюру Л.И. Тогда же по настойчивой просьбе Исаева Гражданин Чиняев ознакомил с машинописным текстом антисоветского содержания Зеньковича Ю.Л. и Мальцева А.Н., а обвиняемый по другому делу Капаров ознакомил с тем же документом гражданина Каневского С.А.

В начале 1981 года Разлацкий ознакомил с этим антисоветским документом гражданина Пожилова Ю.Ф. и рекомендовал не только изучить его, но и настаивал на том, чтобы Пожилов продолжил ознакомление с этим документом других лиц. Тогда же Пожилов ознакомил к конспективным изложением документа "Кому отвечать?" жителей города Куйбышева Зайцева Ю.П. и Агеева К.И.

Преследуя враждебные Советскому Союзу цели, Разлацкий в 1978 году изготовил антисоветский документ под названием "Второй коммунистический манифест", в котором наряду со злобной клеветой на Советское государство и КПСС, изложил план создания в СССР "новой оппозиционной партии". В этом документе также клеветнически утверждается, что в Советском Союзе якобы произошел контрреволюционный переворот, в результате которого пала диктатура пролетариата и образовался класс буржуазии - "администрация", рабочий класс в нашей стране якобы бесправен и не участвует в распределении материальных благ, выработки и проведении экономической политики. В нем так же содержится призыв к свержению существующего в СССР государственного и общественного строя под эгидой новой "пролетарской революции".

По сговору с Разлацким Исаев антисоветский документ "Второй коммунистический документ" собственноручно размножил в 4 экземплярах с целью распространения и в период 1979-1981 г.г. распространил его, передав для ознакомления Алферову, Гребенкину, Дьяконову, Кортиковой, Саушкину, Сысову, Чиняеву, Харитонову, Маркину, Константинову. По настоянию Исаева Алферов, Гребенкин, Дьяконов и Кортикова размножили этот документ в одном экземпляре каждый, а Гребенкин ознакомил с его содержанием Апаркина В.Н., Мисюка Л.И., Можарову С.В., Тенненбаума Л.И. и Микшевича С.А.

В том же 1978 году Разлацкий изготовил антисоветский документ под названием "Пролетарская партия в подполье", в котором изложил клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Наряду с этим, в документе содержится призыв к созданию подпольной партии с изложением ее организационного построения, стратегии и тактики в борьбе с существующим в СССР строем, к захвату власти в СССР вплоть до вооруженного восстания.

С этим документом Разлацкий у себя в квартире в 1979 году ознакомил Исаева, а в 1981 году Пожилова. Исаев, ознакомившись с указанным документом, полностью одобрил его содержание и принял активное участие в обсуждении изложенных в нем клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

И судьбы наши вперехлест

**И судьбы наши вперехлест,
И странно собраны детали,
И птицы из далеких гнезд
Нам песни петь не прилетали.**

**Непозолоченная весть,
Несмытый временем осадок.
Как будто что-то в жизни есть,
Но все на уровне догадок.**

**Пускай не всем нам довелось
В свои поры играть со смертью,
Но нас соединяет злость.
И это лучше милосердя.**

**Пускай с годами станем мы
Еще нервней ожесточимы,
Чтоб дрожью проникал в умы
Едва заметный запах дыма.
Чтоб даже след от дыма жег...**

